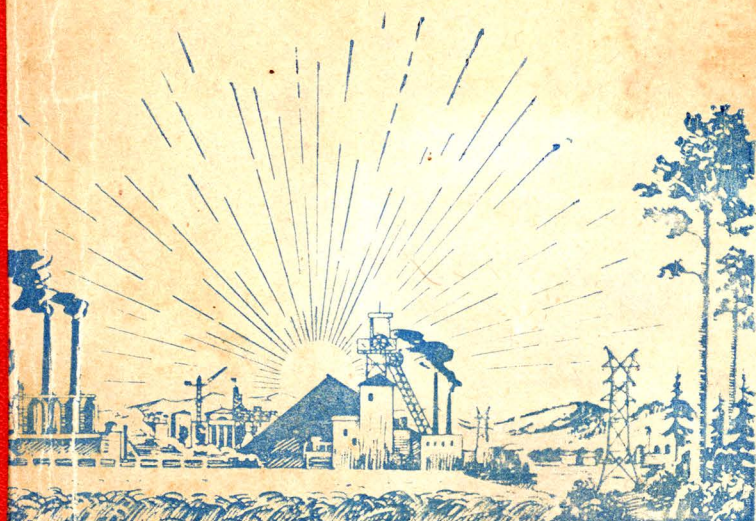

84P7(2P-4Ker)

с 76

Сталинский КУЗБАСС

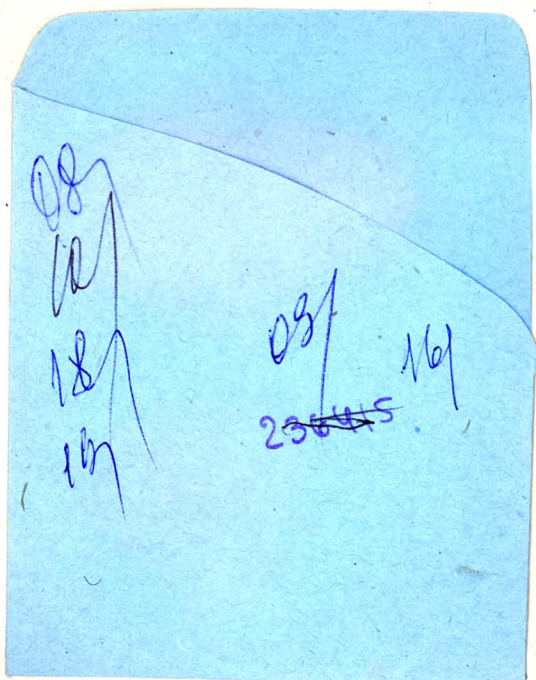
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

2 6

1953

КЕМЕРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КУЗБАСС»

84Р7/2Р4Кел)

С76

Сталинский КУЗБАСС

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

3/768203

№ 6

1953

КЕМЕРОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КУЗБАСС“

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ГУК ОНБ им. В.Д. Федорова
Основной фонд
С 768203

ПОБЕДОНОСНОЕ ЗНАМЯ ПАРТИИ

ПЯТЬДЕСЯТ лет назад — 30 июля 1903 года — открылся Второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Второй съезд вошел в историю нашей страны и всего международного революционного движения как съезд, положивший начало боевой, революционной марксистской партии рабочего класса, героической партии большевиков. Съезд ознаменовался торжеством гениального ленинского плана построения пролетарской партии в России, партии нового типа, принципиально отличающейся от реформистских партий II Интернационала.

Основанная великим Лениным, Коммунистическая партия нашей страны прошла славный полувековой путь героической борьбы, трудных испытаний и всемирно-исторических побед. Ныне Коммунистическая партия Советского Союза является самой могучей и самой авторитетной партией в мире, образцом для всех братских коммунистических и рабочих партий, авангардом международного коммунистического движения. В ней трудящиеся всех стран видят ум, честь и совесть нашей эпохи.

В отличие от буржуазных партий, которые живут без перспектив и не видят выхода из трясины, наша партия знает, куда и как вести дело, ибо она вооружена всепобеждающей марксистско-ленинской теорией, знанием законов развития общества и классовой борьбы, богатейшим опытом революционного движения.

Закладывая фундамент марксистской партии в России, Ленин говорил о ее всемирно-исторической миссии, как пар-

тии социальной революции и диктатуры пролетариата, как партии разрушителей капитализма и строителей коммунизма. Ленин писал: «...Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»

Сбылись пророческие слова великого Ленина! Коммунистическая партия соединила все силы революционнейшего в мире российского пролетариата, повела за собой все живое и честное, пробудила и подняла на борьбу все народы России, сплотила их вокруг своего знамени — победоносного знамени борьбы за коммунизм.

Великий продолжатель дела и учения Маркса и Энгельса В. И. Ленин впервые в истории марксизма разработал учение о партии как руководящей организации пролетариата, как основном оружии в его руках, без которого невозможно завоевать диктатуру пролетариата, построить социализм и коммунизм. Возникнув на гранитной теоретической базе марксизма-ленинизма, наша партия за годы своего существования проделала такую преобразовательную работу, которая по богатству опыта, по силе воздействия на общественное развитие не имеет себе равной во всемирной истории человечества.

Пройдя сквозь огонь и бури трех революций, наша партия добилась в октябре 1917 года свержения власти капиталистов и помещиков и установления диктатуры пролетариата, нанесла сокрушительный удар по мировому империализму, спасла страну от национальной катастрофы и вывела советский народ на широкую дорогу невиданных еще в истории социалистических преобразований. В ходе революционной борьбы Коммунистическая партия разгромила такие антинародные партии, как партии меньшевиков, эсеров, анархистов, таких презренных капитулянтов, как троцкисты, зиновьевцы и прочие штрейкбрехеры революции, пытавшиеся свернуть партию с ленинского пути.

Благодаря мудрому руководству Коммунистической партии, ее Центрального Комитета наш народ построил социализм, одержал всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне и в гигантских масштабах развернул созидательную работу по строительству коммунистического общества.

XIX съезд партии, подведя итоги побед и достижений нашей страны, указал, что ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать

членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов.

Выработанная партией политика выражает коренные интересы советского народа, соответствует потребностям развития материальной жизни советского общества. Партия учит нас крепить союз рабочего класса и крестьянства, неустанно укреплять Советское государство, — главное орудие в борьбе за коммунизм, всемерно развивать социалистическую промышленность — оплот могущества и крепости Советской страны, укреплять колхозный строй, добиваться дальнейшего подъема и процветания всех колхозов.

В области внутренней политики партия считает одной из важнейших своих задач и впредь проявлять неустанную заботу о максимальном удовлетворении постоянно растущих потребностей советских людей.

В области внешних отношений партия и впредь будет последовательно вести политику борьбы за прочный, длительный мир между народами. Партия призывает всемерно укреплять вечную, нерушимую братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, хранить и укреплять лагерь мира, демократии и социализма.

Сила и непобедимость нашей партии — в единстве и сплоченности ее рядов, в единстве воли и действия, умении членов партии слить свою волю с волей и желаниями партии. Сила и непобедимость нашей партии — в ее неразрывной связи с народом. Мы должны, как зеницу ока, хранить единство партии, еще больше укреплять неразрывные связи партии с народом, воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе революционной критики и самокритики, высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами, с происками капиталистического окружения.

Вся история нашей партии есть марксизм-ленинизм в действии. Партия побеждала и побеждает верностью ленинизму. Она требует от коммунистов понимания творческого характера марксизма-ленинизма, усвоения не отдельных формулировок и цитат, а действительного существа всепобеждающего, преобразующего мир марксистско-ленинского учения.

День пятидесятилетия Коммунистической партии Советского Союза является знаменательной датой для всего наше-

го народа, для международного революционного движения. Вступая в шестое десятилетие своего существования, наша партия еще выше поднимает победоносное знамя коммунизма. Закаленная в боях под руководством гениального Ленина, ученика и продолжателя дела Ленина великого Сталина и их соратников, наша Коммунистическая партия является ныне ведущей, руководящей и направляющей силой советского общества, строящего коммунизм. Она смело смотрит в будущее и уверена в полном торжестве своего великого дела. Знамя нашей партии, овеянное славными боями и многими историческими победами, высоко поднято и зовет народ вперед, к победе коммунизма.

Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза!

Под знаменем ленинизма, под руководством Коммунистической партии — вперед, к торжеству коммунизма!

(Передовая „Правды“ за 30 июля 1953 г.)

И. ЛУШКИН

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ

Р о м а н *

Глава XIV

Волгин стоял на переходном мостике, связывающем доменную печь с рудным двором. Взгляд парторга был обращен в ту сторону, где за еле различимыми хребтами западных гор терялись очертания города. Там гасли последние туманные огни.

Смотрел в эту непроглядную синеватую темь Сергей Сергеевич, смотрел неотрывно, не мигая, словно хотел разглядеть далекие жуткие картины ожесточенных боев на западе... Так хотелось, до такой сердечной боли хотелось увидеть маленький кусок земли, на котором упал сын...

«...Василий, Василий, — думал Сергей Сергеевич, — вот и тебя не стало. Сначала мать, а теперь вот ты. Нет вас. Как же быть?»

Тоненькая оранжевая полоска света пробилась из-под крыши литейного двора и упала на землю, как раз под переходным мостиком. И сразу же вслед за этим гигантское неистовое зарево взметнулось к самому небу.

Зрелище выпускаемой плавки, льющегося в подставленный ковш-вагон расплавленного металла всегда вызывало в душе Волгина чувство гордости за человеческий разум, за человеческую умную волю.

*) Продолжение. Начало см. „Сталинский Кузбасс“ № 5.

Но сейчас он воспринимал эту картину только глазами, мысли же его были далеко, там, где погиб сын, где бились с врагом миллионы таких, как Василий...

Лился чугун, наполняя ковши. Отблески пламенели и перемещались по небу, по гигантским трубам доменного цеха.

А Сергею Сергеевичу думалось, что не трубы это, а стволы орудий, которые нацелены в небо, но кто-то сейчас вот их опустит и направит туда, где враг... Представлялось, что отблески на небе — от разрывов бомб и снарядов...

Перед мысленным взором Волгина распростерся тысячекилометровый Советский фронт. И вот где-то там, под Москвой, ринулось на врага танковое подразделение его сына, Василия... В грохоте, в лязге, в отблесках пламени...

Волгин представил себе это настолько ярко, что даже закрыл глаза и весь напрягся. Затем встряхнулся и перевел взгляд ближе черты далеких западных гор. Тут начиналась светлая ночь. Дремлющий большой город смотрел на Волгина тысячами настороженных электрических глаз. И рядом завод...

Парторг слабо улыбнулся. Так вот почему он так явственно слышал гул боя. Это было дыхание завода.

«Ну вот, и на фронте, кажется, побыл, — с горькой усмешкой подумал Волгин, — в бой шел, командовал. И сына потерял. Эх, Волгин! Нет у тебя жены, нет сына. А все-таки дедушка теперь ты. Где-то внучек и невестка? А армия вот она, перед глазами! Завод, металлурги. Горят сердца гневом. На заводе бой не прекращается. Бой за сталь».

«Вот если бы из мартена прямо снаряды, — вспомнились Волгину слова Громова, — ...Металлурги! Огонь! И не хочу я мартена! Если бы к пушке, чтобы стрелять...»

А заявления коммунистов в серенькой папочке в парткоме? А у самого первая мысль, когда узнал о гибели сына, какая была? Тоже заявление на фронт. Долго он тогда сидел и разбирал эти заявления, думал.

Стоит Сергей Сергеевич на переходном мостике. Стоит всего лишь, может быть, минут двадцать. А сколько успел передумать за это короткое время!..

Ночь. Скоро, наверное, утро, потому что небо все больше мутнеет. Завод перед ним, как на ладони. Вот уж несколько дней ходит парторг по его цехам, держится ближе к жару домен и мартенов, к людям, греет свою душу. Заставляет себя не думать о гибели сына, но ничего не может поделать с собой. Василий перед глазами, Василий в сердце...

Через полчаса в мартеновском Волгин встретился с директором.

— Фу, батенька, — проговорил Горный, — если бы ты знал, что творится в цехах, в заводоуправлении! Техотдел, плановики, нормировщики подсчитывают резервы, делают наметки новых планов, нормативов. Настроение такое, как перед наступлением.

— Оценка точная, — согласился Волгин, — будем наступать.

— И по совести тебе признаться, — директор взял парт-орга под руку, — я и радуюсь, и боюсь. Да подожди ты, не дергайся, дай мне досказать. Ведь до сих пор Громов не может сварить легированную плавку без того, чтобы не поджечь свод.

— А не торопись, — резко осадил директора Волгин, — ты что, не знаешь, что поджогов становится все меньше?

— Ага, но все-таки они есть. А вдруг...

— В конце-концов мне начинает казаться, что ты, Александр, заразился Строговской боязнью... А вдруг? Ну, что вдруг? Что? Новое ведь рождается... Так разве можно без мук? А рождается богатырское. И такое не зачахнет, не беспокойся, за дело взялись в тысячу рук. Ты только посмотри на Андрея Громова. Не человек, а железная глыбина. Вот это воля, это настоящий сталевар! Неудача за неудачей. А он не отчаивается. Ищет свое. Ищет и найдет. А почему? Людей вокруг видит! Вот что, дорогой мой командир!.. Ты все о неудачах Громова твердишь, а подумал о том, что на рудных дворах у тебя сырья маловато? Спрашивал ты себя, сумеют ли коксовики обеспечить домны отличным коксом, дадут ли доменщики мартеновцам чугуна с избытком?

Они остановились и глянули в глаза друг другу. В пролете мартеновского цеха было жарко. Волгин растегнул полушубок, директор — пальто...

«Чорт знает, как это он умеет, — мелькнула мысль у Волгина, — ведь тоже мало спит, из цехов не вылезит, а здоров, как буйвол. Не худеет, не толстеет. Разве полысел немного...»

«Зато ты, батенька, — подумал директор, — бледноват... Нельзя так!»

Лицо Волгина, крупное, мускулистое, за последнее время осунулось, резко выступили скулы, глаза ввалились, но блестели ярко. Резко проступили две глубокие продольные морщинки на переносице. Сейчас между этими морщинками блестели капельки пота. Такие же капельки блестели в выемке упрямого, немного тяжеловатого подбородка.

Хотелось директору что-то такое сделать, от чего бы парт-
оргу сразу легче стало. Ничего не придумал. Только глубоко
вздыхнул, проговорив:

— Отдохнуть тебе надо, Сергей! Выспаться. Ну на кого
ты похож?

Промолчал Волгин. Одним концом цветного шерстяного
шарфа вытер влажное лицо.

Молча пошли дальше, мимо печей. Вот и Андрей Громов.
Поздоровались. В печи жарко бушует пламя.

— Ну? — спросил Волгин.

— Сегодня нормально, — Андрей улыбнулся, — но пока
ничего нового.

— А глаза у тебя красные, — заметил Сергей Сергеевич, —
сегодня спать иди домой. Понял?

— Я выспался. Это от жары, глаза-то.

Волгин погрозил пальцем, засмеялся.

— Понял? — переспросил он.

— Хорошо, Сергей Сергеевич, — ответил сталевар, и тоже
подумал, глядя в глаза парторгу: «А сам-то?»

Сказал другое:

— Работать весело. Если бы один был, может, не выдер-
жал бы. А я не один. Помогут. Совет дадут. Глядят-глядят,
да что-нибудь новое мне подскажут. Верите ли, звонят из кок-
сового:

«Ты, Андрей Павлович, надейся на нас, коксом поддер-
жим». Дома отец чугуна нахваливает. А сталевары, особенно
Никита Серков, совсем одолели. Не отходят от моей печи.

— Все сталевары теперь в нашей бригаде — подручными, —
сказала подошедшая Варя. — Большущая бригада!..

— Может быть, это из-за тебя они приходят? — лукаво
спросил Андрей.

— И тебе не стыдно? — Варя смутилась и опустила вспых-
нувшие глаза.

— Извини, Варя, шучу.

Варя бросила на Громова сердитый взгляд. Потом опять
повернулась к парторгу.

— Сергей Сергеевич... Вы...

Она не досказала, смешалась и смотрела на него широко
открытыми глазами.

Сергей Сергеевич понял, что она хотела спросить. В ее гла-
зах было много тепла и участия.

«Да, Варенька, — ответил он про себя, — тяжело...»

Он вдруг почувствовал острое желание поговорить с ней.
Поговорить так, как он даже сам с собой не говорил в иные

бессонные ночи. Захотелось, чтобы она его успокоила каким-то особенным, теплым словом...

Но было не до этого. Нужно было вести плавку, и Андрей и Варя принялись за работу.

— Крепкая женщина, — глядя на Варю, сказал Горный, — славная. Ей-богу, я не думал раньше, чтобы красивые молодые женщины так славно стали варить.

— Сильная, — согласился Волгин.

Подошел Буйнов. Наверное, только что из машинного отделения. Лицо в мазуте. Глаза сверкают, без шапки, волосы растрепаны. Синий пиджак нараспашку.

— Думал, не застаю вас, — с отдышкой проговорил он, здороваясь, — очень тороплюсь, извините. Сегодня вечером у нас открытое партийное собрание. Будем разговаривать о резервах. Придете?

Получив утвердительный ответ, Буйнов еще раз сказал: — Извиняюсь, очень тороплюсь, — и побежал снова в машинное, неуклюже размахивая большими сильными руками.

Когда парторг и директор вышли на улицу, было еще совсем темно, но со стороны города шли густыми цепочками рабочие утренней смены. Часы у заводоуправления показывали семь. Забасил гудок теплоэлектростанции.

Они остановились у заводского «Крокодила». Вчера еще его не было. Стало быть, «Крокодил» вывесили только что. В рисунках, в коротких, но колючих заметках говорилось о том, что на складах углеподготовки не хватает коксующихся углей, а на рудном дворе доменного цеха — руды. «Крокодил» просил директора позаботиться. Упрекал завком металлургов за плохую организацию соревнования, за отсутствие в цехах наглядной агитации. Просил партком о том, чтобы чаще посылала в цехи лекторов и агитаторов.

— Досталось нам, батенька, — Горный почесал затылок, сморщился. — Разделали в дым.

— Стоит, вот и разделали.

— Ты куда, Сергей? Я к себе.

— Я тоже к себе.

Разошлись. Подул ветер, рванул у парторга полы полубубка.

Неожиданно Волгин заметил в небе, в той стороне, где Солнечная улица, яркую двигающуюся звездочку. Она была одна, эта звездочка. Остальные успели угаснуть. Маленькая звездочка неслась в вышине, то падая, то взмывая.

— Интересно! — удивился Волгин, — что же это может быть?

Вскоре ему позвонил Петя Маринин.

— Дядя Сережа! — кричал в трубке задорный голос, — видели? Это мой змей. Сам сделал.

— Не может быть! — подзадорил Волгин.

— Честное пионерское, дядя Сережа! Лампочка, шнурок, батарейка. Вот и все. Сам, сам!.. Я еще не это могу сделать, вот увидите.

— Секрет?

— А то как же! А вы никому не расскажете? Пионерское слово?

— Честное пионерское! — воскликнул парторг, сдерживая смех и приглашая садиться вошедшего инструктора.

— Я делаю бом-бар-ди-ров-щик, — голос Пети стал еле слышен. — Такой же, на каком дядя Валерий летает, только маленький. С моторами. А еще автомат сделаю.

— Здорово, Петя, молодец!

— Только вы никому! Я их потом школе подарю...

А инструктор ждал. Это был коренастый юноша с пустым рукавом вместо левой руки. Густые рыжие волосы торчали во все стороны. Он их то и дело зачесывал, и при этом сердился.

Кончие разговаривать с Петей Марининым, Волгин положил трубку, посмотрел на инструктора. И вдруг вспомнил, что его тоже зовут Петром.

«Совсем юнец, — подумал Волгин, делаясь серьезным, — двадцать два года, не больше. А уж на фронте побывал, без руки...»

— Как устроился, Петр? Получил комнату, или все еще в общежитии живешь? — спросил Волгин.

— Отказался я от комнаты, Сергей Сергеевич.

— Это почему же?

— Ну, зачем она мне? С жилплощадью тяжело. Многие нуждаются. А я пока без семьи. Потерплю. И не хочется мне из общежития уходить. С народом-то веселее. И ко мне при-выкли... Я даже и не представляю, как это вдруг я уйду и буду один?

— Что ж, дело твое, — проговорил Волгин. — А теперь, скажи-ка мне, как вчера беседу с доменщиками провел? Почему это там женщина заплакала?

В голосе парторга инструктор уловил суровую нотку. Но в глазах прочитал другое. Парторг был доволен.

— Сам не знаю, как это случилось, — Петр заволновался, встал с места, расправил складки под ремнем. — Провожу, понимаете, беседу. Красный уголок полон. Рассказываю о фронтовых делах. О себе немного. О нашем государстве.

Как в тылу люди героически работают. И о доменщиках сказал. Ну, и случилось такое... Когда начал о боях говорить, о подвигах солдат наших, о страданиях советских людей под игом врага, слышу — всхлипнул кто-то в зале. Вижу, поднимается женщина, совсем молодая, высокая такая, и выбегает из красного уголка. А в зале такая тишина, что слышно дыхание. Сидят, кто голову опустил, кто цыгарку курит, а кто в потолок глядит. И так тесно у меня в груди сделалось...

Инструктор достал из кармана пачку папирос, вытащил одну, покрутил ее в пальцах, сунул в рот.

— Не тем концом суешь, — Волгин невольно рассмеялся. — Значит, растревожил людей?

Волгин чиркнул спичкой, протянул ее инструктору.

— Видно, так, Сергей Сергеевич, — ответил Петр. — Захожу после беседы на печь, в раскомандировку. Бригада, где Павел Евсеевич Громов работает, готовится к приемке смены. Только зашел, старик сразу ко мне. И понимаете? За грудки меня взял, подтянул к себе и такими глазами смотрит, что мне неловко стало. Что с вами, Павел Евсеевич, спрашиваю. А то, — отвечает он мне, а сам трясет за грудки, — что ты у нас души повытянул, перевернул. До слез довел... Хорошо, брат, рассказал!..

Инструктор замолчал, дымя папиросой.

— Говори, говори, Петр, — попросил Волгин, тоже закуривая.

— Да что говорить. Перед уходом спрашиваю старика Громова: как работать-то сегодня будете? Переглянулись, молчат. Потом Павел Евсеевич спрашивает: «Что молчим-то? Слыхали, как люди себя не жалеют, чтобы врага изничтожить, а? Молчим? А я знаю вашу думку, знаю...» Потом ко мне обращается: «Вот что, инструктор. Обещаем мы так работать, чтобы в дальнейшем наши женщины меньше плакали!»

— А ты узнал, кто эта женщина, что убежала с твоей беседы?

— Узнал. Машинист вагоновесов, Маша Рябова. Муж у нее на фронте. Двое ребятишек, да еще старуха-мать. Трудновато. В бараке жили.

— И сейчас там?

— Нет. Я им свой ордер на комнату отдал. Сходил в жилищно-коммунальное управление и заставил переписать ордер на Рябову. Сегодня переезжает в хорошую комнату, в большой дом. Рада...

Волгин поднялся, подошел к инструктору и молча, крепко пожал ему руку.

— Но самое главное, Сергей Сергеевич, — воскликнул Петр, — Рябова Маша подала вчера вечером заявление в партию.

— Это хорошо, Петр, — парторг одернул на инструкторе темносинюю гимнастерку, поправил широкий офицерский ремень. — К доменному мы тебя и прикрепим на постоянную работу. Справишься.

...Уже дома, тяжело опустившись на свою кровать, Волгин почувствовал полное изменение. Все эти дни, после известия о гибели сына, он спал урывками, был все время на людях, старался работой заглушить горькое, непереносимое чувство утраты.

Но стоило Волгину остаться наедине с самим собой, как горе с новой силой захватило его.

Вот он только что зашел в комнату, и взгляд его остановился на любимой книге Василия: «Мать» Горького. Парторг полистал книгу. И сын встал перед глазами — живой, веселый, крепкий. Даже его голос вспомнился: «Папа, ты опять поздно придешь? Когда мы партию в шахматы доиграем?» Или: «Ага, ты пришел. Мама, а мама! Давай-ка мы с отцом поспорим. Ведь он утверждает...»

Волгин положил книгу на место, прошелся из угла в угол. На нижней полке этажерки заметил потертый портфель из желтой кожи. Взял его, осторожно смахнул пыль. С этим портфелем Василий ходил в школу. В нем даже и учебники еще лежат. Как будто только вчера... А Василия нет...

Ходит Волгин, ходит один по комнате, то там, то здесь натываясь на вещи сына.

Ложится, не раздеваясь, на кровать. Но разве уснешь сейчас?.. Нет, не уснешь...

Волгин не спеша одевается, берет лыжи, ружье и выходит на улицу. Потянуло туда, где когда-то у партизанского костра он соединил свою судьбу с судьбой Анны. Туда, где частенько с сыном охотились...

Глава XV

Как Орлов и предполагал, след Волгинской лыжни он обнаружил на Томи.

Владимир Афанасьевич пошел быстрым размашистым шагом. Слежавшийся снег поскрипывал под лыжами. Задувал навстречу ласковый ветерок. Впереди, где Томь делала несколько петлистых поворотов, густел на горах пихтач, а березы, точно белокурые девушки, веселым хороводом сбегали к самой реке. Начиналась тайга.

Впереди ухнул выстрел, потом еще один. Эхо гулко раскатилось по чистым снегам.

«Глухарей стреляет», — подумал Орлов.

Совсем неожиданно сбоку, точно из-под снега, вырвался маленький белый комочек и стремглав покатился к берегу, в тальник.

— Заяц. Ишь, пострел, как улепetyвает. Беги, беги, не трону.

След лыжни круто свертывал влево, поднимался на седловину горы и терялся в лесу. Валежник и бурелом замедляли ход, но Орлов не чувствовал усталости. Он то и дело нагибался, раздвигал колючие ветви и шел вперед. Острые запахи тайги щекотали ноздри.

Орлов остановился и погладил ладонью шершавую кожу кедра. И вдруг почувствовал под пальцами липкое.

— Смола! — обрадовался он.

По высокому и могучему стволу кедра тоненькими струйками сочилась янтарная липкая смола.

Орлов надавил пальцем янтарную каплю и отнял руку. Капелька сморщилась сначала, точно рассердившись, и потукснела. А через минуту снова налилась и попрежнему за-сверкала...

Снежная пыль закружилась над головой. Орлов взглянул вверх и невысоко над собой увидел белку. Она сидела на ветке и спокойно глядела вниз.

— Я вот тебе, забияка, — погрозил палкой Орлов.

Белка свистнула и прыгнула на верхнюю ветку.

— Уйду, уйду. Подумаешь — потревожил!

Вот и вершина горы. Он спустился в ложбину, проскочил сквозь чащу рябинника и калины.

Снова под'ем, и взгляду Владимира Афанасьевича открылась грива горы. Посредине стоят кедры-великаны и рядом с ними стройная береза. Волгин прислонился к ней плечом. Ружье и два глухаря — у ног.

— Без меня решил поохотиться? Ах ты, единоличник! — пошутил Орлов. — А я-то все эти дни жду, когда ты позовешь с собой.

Волгин встрепенулся и сурово взглянул на Орлова.

А Владимир Афанасьевич точно и не заметил этой суровости. Про себя подумал: «Не бойся, утешать не буду». Затем нагнулся к глухарям, поднял одного, повертел в руках.

— Штучка знатная, — причмокнул он губами, — где ты их снял? Выводок снутнул?

— Два еще вон туда улетели, — Волгин показал вниз, в ложбину, — а этих двух здесь и снял с березы. Близко подпустили.

Владимир Афанасьевич положил глухаря на место, выпрямился. Сложил ладони рупором и крикнул изо всей силы:

— Ого-го-го-го....

— О-о-о-о... — понеслось по тайге, — о-о-о-о...

Словно ожила тайга: где-то испуганно вскрикнул дятел, пискнул жуланчик, метнулся по кособору заяц. И как будто впервые сверкнули и заиграли вокруг миллионы дрожащих снежных искр. И настороженно подняли свои ярко-красные головки гроздьи калины...

«Сережа, Сергей Сергеевич! — мысленно воскликнул Орлов. — Чудеса-то какие кругом! Тайга-то какая!... Понимаю тебя, милый!...»

«Знаю, ты, наверное, скажешь мне, — думал в это время Волгин, глядя на Орлова, — что я от людей бегу. Нет, не от людей, а от своего горя. Но разве убежишь от него? Горе — что тень».

«Я понимаю тебя, — отвечал взглядом Орлов, — ой, как понимаю!»

Волгин глянул мимо Орлова, на завод. Вот он, рукой подать. Величественный, знакомый. И все же хорошо в тайге! Она освежала, успокаивала и, казалось, шептала на разные голоса: веселей, веселей..

— Меня удивляет, Владимир, одно, — сурово проговорил Волгин, — как враги не поймут, что нельзя победить такой народ, как наш, советский. Убили у меня жену, убили сына. Вот у Варвары Силиной мужа убили. И еще многих... Сердца кровоточат. Но народ-то жив!..

Орлов молча кивнул. И тайга словно затаила дыхание, прислушиваясь к далекому заводскому гулу. Где-то хрустнула сухая ветка, крикнула перепелка. Снова тишина и солнечное безмолвие.

— Разговаривал сегодня с обкомом, — нарушил молчание секретарь горкома, — обещали поднажать где следует, чтобы руды и углей давали больше.

Не дождавись ответа, Орлов остановил свой взгляд на парторге. И удивился: Волгин спал, прислонившись спиной к березе и опершись на ружье. Так продолжалось несколько минут.

Потом Волгин медленно открыл глаза и спокойно проговорил:

— Кажется, вздремнул... Ты извини.

— Вот видишь, как ты... — с укоризной покачал головой Орлов, — на ногах еле стоишь... Едем?

— Едем, Афанасьевич!

Волгин обогнал Орлова и, пригнувшись, не обращая внимания на хлесткие удары веток, рванулся вниз, к Томи...

Глава XVI

Мороз нарисовал на окнах затейливые узоры. На улице холодно, а в комнатке Виктора Николаевича душно. До отопительных батарей нельзя дотронуться — они горячи. В открытую форточку бьет струя ледяного воздуха и заглядывает неяркое солнце.

Засунув руки в карманы полосатой пижамы, Виктор Николаевич стоит над столом, курит папиросу за папиросой и думает, думает долго, сосредоточенно. Голова низко опущена. В углах тонких, сухих губ глубокие складки.

В комнате почти все так же, как в тот день, когда ушел сын. Вот и на столе беспорядок, и стулья, словно сами собой, разбрелись по комнате, и книги на полках кое-как сложены...

Прошло много дней, а сын все не возвращался. Почему он ушел? Неужели только потому, что он, главный сталеплавильщик, — Строгов при этом грустно улыбнулся, — категорически возражал против Громовской затеи? Но для таких возражений есть веские основания. Одна крупная авария у Громова уже была? Была. И до сих пор у него работа не клеится. Нет, не время сейчас экспериментировать. Можно наломать дров.

Виктор Николаевич встрепенулся, пожевал мундштук папиросы и, скрестив на груди руки, стал ходить по комнате, шлепая по полу комнатными туфлями.

Но неужели все-таки сын ушел только поэтому? А вдруг была и другая причина?

Виктор Николаевич зябко поежился и бессильно опустил ся на стул.

— Но как Иван мог догадаться? Как?

Виктор Николаевич болезненно поморщился и, опустив взлохмаченную голову на ладони, закрыл глаза. И сразу же представилось давнее...

...В просторной избе они вдвоем с отцом. Мать где-то на другой половине. Широкое, красное лицо отца, обросшее рыжей бородой, доснится от пота.

— Землица то и народ вот где у меня, — хриплым басом говорит отец и Виктор видит, как широкая волосатая рука отца сжимается в тяжелый кулак. — Я все могу. У меня сила!

Грамоты не достиг только. Вот и посылаю тебя. Учись, парень, — и ко мне. Мне твое анжинерство не нужно. Мы с тобой тыщу анжинеров прокормим. Грамоту давай и баста...

Отец опускает кулак на стол, отчего вся посуда тонко позвякивает...

Потом — Октябрьская революция. В Ленинграде Виктор Николаевич учится и женится. Затем коллективизация. Только одно письмо от матери о том, что раскулачили и что отец исчез неизвестно куда. По правде говоря, Виктор Николаевич и не жалел об этом. Жаль было только мать, которая вскоре умерла.

С годами свыкся с мыслью, что нет в живых отца. Получив назначение, Виктор Николаевич с женой и сыном уехал в Сибирь... И вот однажды... На улице завывала февральская метель. В окна стучались колючие снежинки. Казалось, что кто-то бросает в стекло пригоршни песка.

Виктор Николаевич разбирал какие-то чертежи. Жена куда-то убежала, а трехлетний сын спал. И вдруг: резкий стук в заснеженное окно, и через минуту — в дверь.

Открыв, Виктор Николаевич жалко, по-мальчишески растерялся. Перед ним стоял отец — заросший, опустившийся, с глубоко запавшими, зло посверкивающими глазами.

— Здравствуй, сын, — угрюмо проговорил он. — Поди, похоронил меня? А я — вот он! Умирать к тебе пришел. Не прогонишь? — Отец тяжело опустил на сундук, стоявший у порога.

— Ну вот, — заговорил он, не глядя на растерянно молчавшего сына, — моя песенка спета. Жил, ждал, что вернется старое. А теперь... надоело. Без толку. Умирать буду.

И, поманив к себе Виктора Николаевича, с придыханием зашептал:

— Умру я... Это верно. Слушай. Раскулачивали нас, да не все взяли. Баньку-то нашу помнишь? Ну вот, она еще стоит. А под ней, под полком, в правом углу я золотишко спрятал. Тебе на всю жизнь хватит. Да ты стой! — не обращая внимания на испуганный протестующий жест сына продолжал он, — бери и живи себе... Пользуйся. Для тебя копил. Ну вот... И все, кажется...

Через неделю отец умер. А еще через несколько дней Виктор Николаевич уехал с семьей в Гурьевск. Уехал, чтобы раз навсегда забыть о прошлом, о золоте. Гнал от себя мысли об этом и в Гурьевске, и здесь, куда прибыл, в первые дни строительства металлургического комбината. Но разве забудешь о прошлом? Оно, как черная тень — всегда рядом.

А сын, наверное, догадывался, знал....

Виктор Николаевич вскочил и опять принялся шагать по комнате. Нет, из этого бесконечного сидения в четырех стенах ничего не выйдет. Ничего. Душно. Одиноко. И в такое-то время!..

Он рывком сбросил пижаму и торопливо переоделся.

День на исходе. Солнце почти спряталось за копрами далеких шахт.

С улицы доносились короткие возгласы, обрывки песен, переборы гармоники.

— С чего бы это? — удивился Виктор Николаевич, и старательно всмотрелся в заиндевшее окно.

Вот что! По тротуару идут человек десять. Впереди гармонист, а за ним, взявшись под руки, неровной шеренгой остальные, в пальто, в стеганках, с вещевыми мешками. На сборный пункт. Редко теперь увидишь такие вот беззаботные на вид проводы в армию, — идут все больше молча, сосредоточенно, серьезно.

Виктор Николаевич долго еще стоял, думал, прижавшись пылающим лбом к холодной крестовине рамы. Давно уже скрылись за углом новобранцы, давно смолкли звуки гармоники...

Да. Вот что нужно сделать! Вот что он сделает. Мешок за плечи, в военкомат, и... Самое нужное, самое чистое.

Глава XVII

Волгин глянул на часы. Без пяти четыре. Вот-вот явится новая смена. Нужно немного собраться с мыслями. И, вообще, подготовиться к встрече с людьми. Много этих встреч сегодня было, и все разные, и все трудные.

Волгин медленно разделся, положил на скамейку полушубок, шапку, сел, стараясь припомнить до слова только что состоявшийся разговор с обкомом. Из широких окон диспетчерской пролет — как на ладони. Любил парторг сидеть вот так, слегка прищурившись, раскинув руки по скамейке. Перед ним во всем многообразии огневая, страстная жизнь.

Пролеты мартеновских цехов растянулись больше, чем на полкилометра. Шеренгой выстроились приземистые огнеглазые печи. Непрерывно к ним спешили составы с мульдами, груженными рудой, известняком, скрапом. Сипели паровозы, лязгали буфера, ревели сирены, звонили колокола завалочных машин. Юрко сновала из конца в конец автомашина, груженная ферросплавами. Вот мимо окон медленно прошел поезд с ковшами жидкого чугуна, обадая все вокруг тропи-

ческим зноем. А в печах бушует, клокочет жаркое пламя, озаряя озабоченные лица сталеваров.

С шумом открылась дверь диспетчерской. Вошел Горный.

— Чорт знает, что творится! — со злостью проговорил он, пробегая мимо Волгина и швыряя на стол серую меховую шапку.

Директор несколько минут молча обтирал платком вспотевшее лицо и лысину. Парторг смотрел на него и улыбался.

— Да чему ты улыбаешься? — не выдержав, резко спросил Горный.

— А ты чего хмуришься? — усмехнулся Волгин. — Чего? Не хмурься. Опять не веришь? Но почему не веришь? Ах, веришь!.. Тогда спокойнее... Слышишь? Спокойнее...

— Легко сказать: спокойнее. Да ведь наше генеральное наступление срывается. Ты понимаешь это?

— Спокойно, Саша, спокойно. — Волгин поднялся с места, подошел к директору.

— Во-первых, раздаться, жарко. Во-вторых, наступление все-таки должно состояться...

— Но каким образом? Сегодня у Громова опять заднюю стенку печи в нескольких местах раз'ело. Небольшой, но ремонт нужен. Ремонты участились. Да и брак бывает. Откровенно говоря, я стал подумывать, не зря ли я Виктора Николаевича обвинил. Ведь его предупреждение подтверждается.

— Не начав наступления, отступать не будем, — мягко проговорил Волгин. — Громов доказал, что легированную сталь на наших печах варить можно. Верно? А это самое главное. И не всегда у него брак и не всегда ремонты. Получаются и хорошие плавки. Надо найти золотую середину.

— Надо, надо, — сердито проворчал Горный, — сам знаю, что надо. Да как? Сколько уж ищем, а где она, золотая середина?

В это время один за одним в диспетчерскую вошли начальник цеха, Буйнов, затем Громов с подручными, сталевары с других печей. Через некоторое время явился Никита Серков и с ним три сталевара из второго цеха. В диспетчерской стало сразу тесно. Все молча разместились на скамьях вдоль стен. Волгин торжествующе взглянул на директора и сказал глазами: «Ну вот, видишь? Не одних нас заботит судьба наступления. Не домой, а сюда явились. Ты же не собирал? Давай открывай совещание. Советоваться будем».

Но начали сами сталевары.

— Ума не приложу, что получается, — не подымаясь, не глядя ни на кого, тихо проговорил Громов, — все книги по сталеварению, какие в нашем городе есть, перечитал. И везде

ученые-металлурги в один голос заявляют, что на наших печах основным процессом невозможно варить легированные стали. А мы убедились, что можно. Поведу плавку при высокой температуре — получается легированная сталь. Зато поджоги в кладке образуются. Снижу температуру — прожогов нет, но плавка получается или не по заданию, или совсем в брак. Температура нужна высокая, а она близка к температуре, при которой размягчается огнеупорная кладка.

— Эх, — вздохнул подручный Громова Зайцев, — если бы стойкость огнеупорной кладки повысить, да заменить всю нашу теперешнюю...

— Вот это голова! — воскликнул Серков под смех сталеваров, — печи все, значит, разобрать? А пока ты будешь придумывать, наши на фронте перекур об'явят? Ну, и голова!

— Андрей Павлович! — Густые, слегка темноватые брови Волгина сдвинулись. — У вас иные плавки удаются. И температура высокая и кладка не нарушается. Почему бы это?

— Ума не приложу, — Андрей пожал плечами, — бывают удачи. Но я пока еще не понял, в чем дело. Чувствую, что есть закономерность, секрет которой я пока не понял, не уловил... И, по-моему, не в кладке дело, а в шлаковом режиме и, может быть, в процессе раскисления.

Сталевары поднялись, окружили Громова и наперебой начали давать ему советы, спорить.

Затем к Горному подошел начальник цеха и сказал:

— Товарищ директор! Громов просит разрешения остаться у печи вместе с начальником смены Буйновым и сталеваром второго цеха Серковым. Они хотят вместе вести плавку. Вместе додумать...

— Печь в порядке?

— Прожоги заделали.

— Разрешаю.

Диспетчерская опустела.

— Ты как думаешь, Сергей, — спросил директор, — если я сам с ними пойду, смену постою?

— Не советую. Зачем под руку людям смотреть? Не мешай.

Глава XVIII

Лицо невыносимо жгло. Опаленная кожа вздулась и трескалась от холода и ветра. То же самое с руками. С каждым шагом путь становился трудней. Мучила жажда.

Лес чуть поредел. И все вдруг увидели узкую зимнюю дорогу. С обеих сторон дорога пряталась в деревьях. И на ней свежий след мотоцикла... Остановились.

— Всем выходить одновременно нельзя.

Ильин говорил шепотом, лихорадочным взглядом окидывая дорогу, заросли кустарника.

— Братцы, я выйду первым. Валя, возьми у меня наган. Руки опухли... Возьми. Как выйду, вы подождите немного. Если засада — набросятся сразу. Мало немцев — бейте. Много — выждите и уходите. Ну, братцы, пошел я.

Сбросив с плеча парашют, Ильин неторопясь вышел на дорогу. Постоял. Прошелся вдоль нее в одну сторону, прошелся в другую. В кустах как будто что-то хрустнуло.

Ильин вздрогнул. Прислушался. Ни звука. Наверно, показалось. А, может, это друзья от нетерпения топчутся?

Ильин свернул с дороги и приблизился к противоположной опушке.

И вдруг лес ожил. С трех сторон с автоматами выскочили здоровенные эсесовцы.

— Стой, рус!

— Хенде хох!

— Сдавайся, рус!

Слышно было, как в противоположной от Валерия и Афони стороне затрещали деревья.

— А, собаки фашистские! Сдавайся, говоришь?!..

Ильин зло, с хрипотцой выругался:

— Собачье отродье! А ну, ближе ко мне, а ну, еще ближе! А-а, боитесь... Ну, что ж вы? Ну, берите же... Ну!

Валерий и Афоня в несколько секунд перемахнули дорогу и кинулись на шум.

Фашисты откружили командира и, направив на него автоматы, сжимали круг.

— Живьем меня? Живьем?.. Не выйдет! Слышите?..

Ильин в два огромных прыжка подскочил к ближнему немцу и схватил руками дуло автомата.

Короткая очередь насмерть перепуганного немца и выстрелы из наганов, сделанных Валерием и Афоней, раздались одновременно. Колеблющееся звонкое эхо загуляло по лесу.

Ильин и немец рухнули почти рядом. Падая, Ильин оттолкнул автомат и упал, широко раскинув руки. Из виска его убийцы ползла черная змейка крови.

От выстрела Афони запрокинулся второй немец. Два других, ошалевших от неожиданности, нажали спусковые крючки. Пули завывали около Валерия и Афони, которые, спрятавшись за стволами деревьев, стреляли. Судорожно скрючившись, упал третий фашист. Последний, попятившись, сделал еще несколько очередей и бросился бежать, виляя меж деревьев.

— Афоня, подымай командира, помоги ему, а я — последнего..

Несмотря на усталость и боль, Валерий что есть силы бежит за немцем. Только бы не упустить. Тогда плохо. Здоровенный немец так виляет, что невозможно на мушку поймать. Наконец, он зацепился за сук и торопливо теребит полу шинели. Выстрел — и он медленно садится на снег, медленно распластывается, оставляя на суку рваные лоскуты... Автомат все-таки стиснут в откинутой руке.

Валерий осторожно приближается. Враг, внезапно приподнявшись, скидывает автомат и стреляет.

Очередь ударила, и вдруг левая рука Валерия онемела. Он сначала удивился, хотел приподнять руку, но она не поднималась, повисла вдоль бедра. Боли почему-то не чувствовалось. Валерий целится в немца. Но тот уже снова опрокинулся и не двигается. Мертв. Валерий идет к Афоне...

— Командир, слышишь? Командир?..

Валерий осторожно приподнимает голову Ильина и, горько покривившись, смотрит на Афоню. Грудь командира в крови. Опаленное почерневшее лицо Ильина спокойно, неподвижно.

Наконец, глубокий вздох вырвался из его груди. Ильин, не открывая глаз, заговорил часто и неразборчиво:

— Братцы... — Глаза командира широко открылись. — Убили меня, гады. Жалко... Мало жил... воевал. Победы бы дожидаться... Достаньте-ка партбилет мой. Скажите... что я его больше жизни берег. — Ильин говорил совсем тихо, задыхаясь. — Не хочется мне умирать, братцы...

— Не дам умереть, командир, не дам! — крикнул Валерий. — Афоня, рви гимнастерку, перевязывай!

— Зря... — Ильин покачал головой.

Голос его прервался.

— Прощай, товарищ!

Валерий поцеловал Ильина в обоженные, холодеющие губы, и рядом услышал прерывистые всхлипывания Афони, по искаженному лицу его медленно катились редкие крупные слезы.

Вокруг тихо, настороженно шумел древний нетронутый лес и низко нависало серое печальное небо.

Ни слова не говоря, Афоня достал индивидуальный пакет, перевязал одеревяневшее плечо Валерия, — и все время морщился, прикусывал губы, все время болезненно щурил свои по-мальчишески чистые глаза.

...Недалеко от места, где произошла схватка с гитлеровцами, разрыли снег и под ним влажную прелую хвою. Береж-

но опустили в яму тело Ильина, забросали ветками, завалили снегом, набросали сверху бурелома, чтобы зверь не раскопал. Оглянулись раз, другой, могила товарища потерялась из вида...

— Ноги не несут от этого места... — глухо обронил Афоня.

— Что ж делать... до своих надо, — отозвался Валерий. — Голова только, как в кипятке...

— Потерпи, Валя, может, лес кончится, деревня на пути...

— А в деревне немцы!

— Я в разведку схожу. Наши ведь люди живут... Помогут. Потерпи.

Лес, лес... Он то опускается в ложбину, то поднимается в гору, то расстилается кругом необозримым массивом. Нет ему края.

Темнеет. Еле передвигая ноги, Валерий и Афоня преодолевают километр за километром. Вязнут в сугробах, в буреломе. Идут.

Внезапно Валерий останавливается, настороженно всматривается в сгустившиеся тени деревьев и, вытянув вперед руку, хрипло вскрикивает.

— Афоня, стреляй!

Он выхватывает наган и, запинаясь, бросается вперед.

— Валя! Валя!.. — испуганно окликает Полюх.

— Говорю, немцы!

Но рука с наганом внезапно опускается. Валерий стонет. Афоня тихонько берет у него наган, опускает его на снег и через минуту негромко окликает: — Валя, идти нужно...

Валерий с трудом приподнимается.

— Да, Афоня... нужно. Идем...

Афоня отобрал у него парашют. Некоторое время было легче, но затем тяжесть во всем теле и боль навалились с новой силой.

Валерий остановился и, шатаясь, оглянулся на Полюха.

— Не дотянуть мне, Афоня... Иди. Если встретишь своих...

— Ерунду ты, друг, порешь!.. — Афоня сердито сбросил с себя парашюты и грубовато распорядился: — Залезай на спину!

— Да ну тебя к чорту!..—слабо запротестовал Валерий.— Ты ничего лучше не мог придумать?..

— Некогда мне придумывать... И не мастер я на такие штуки. Залезай!

Тяжела оказалась ноша, но Афоня шел и только побряхтывал. А Валерий все слабел, слабел с каждой минутой и что-то шептал про себя, то Нину вспоминал, то Громова, а потом вдруг стал жаловаться командиру полка, — и на кого

же? На самого Афоню, будто скрытый и чуть ли не зловредный это человек, что нужно какие-то меры принимать, перевоспитывать товарища.

— Ну, и принимай свои меры, принимай, только держись крепче за мою шею, а не то свалишься, — невесело усмехнулся Афоня.

— Хлопцы, куда путь держите?

От этого возгласа, от страшной усталости Полюх чуть не упал и не уронил Валерия, но удержался на ногах и, торопливо, но осторожно опустив друга на землю, вскинул в сторону раздавшегося голоса наган.

— А это уж зря...

С этими словами из-за деревьев вышел высокий пожилой человек и осторожным, но строгим движением опустил руку на дуло нагана. — Видишь, умаялся как... И не мотай наганом, а то с дуру-то недолго и пальнуть.

— Свой что ли? — недоверчиво спросил Полюх.

— А чей же... — усмехнулся пожилой человек и склонился над Валерием.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

В легком весеннем пальто светлокоричневого цвета Варя шла по берегу Томи. Косынку она сняла и несла в руке.

Земля обсыхала. Солнце ласково заглядывало в речные заливчики. Варя ругала себя за то, что одела резиновые боты. Ногам было тяжело.

Ледоход по Томи прошел. Только изредка по ее взбухшей взмутненной поверхности проплывали одинокие серые льдины и бревна. Начался лесосплав. Томь пока еще не вышла из берегов, но с каждым днем поднималась все выше.

По железному мосту, перекинутому через реку, вереницей, туда и обратно, проходили люди. На правобережье зеленели топольники.

«Андрей теперь меня ищет, — думает Варя. — Убежала. На весну посмотреть. Ругаться будет Андрей. Ну, и пусть поругает немного...» Вспомнилось почему-то, как однажды Андрей явился на печь растроенный.

— Ты что? — спросила Варя.

— Строгова сняли с работы.

— Вот и хорошо, — обрадовалась она, — мешать не будет.

— Хорошо-то хорошо... — рассеянно согласился Громов. — Но ты знаешь, что они выдумали? Вызвали меня и говорят... Да что там! Одним словом, предложили мне принимать

смену. Перемещения. Начальник цеха стал главным сталеплавильщиком, начальником цеха стал бывший начальник смены, а я теперь за него...

— Ой, Андрей, — воскликнула Варя, — и ты согласился? Что ты ответил?

— Не могу и все. Вот мой ответ, — помолчав, сказал Громов. — Не могу. Поймите, говорю я директору и парторгу, я хочу сам варить сталь. Своими руками.

— Ну, и варите, да учите сталеваров, — заявляют они мне. А я им отвечаю, что сталеваров я и так учу. На курсах мастеров лекции читаю, о новой технологии рассказываю. Сам учусь.

— А они что?

— Что... Посмотрел Волгин на меня и говорит: «Ничего. Поработай начальником смены, а когда кончишь институт, позовем, поговорим. А ты к этому времени о партии подумай. Пора ведь вступать, в комсомольцах засиделся». Хотел я ему сказать, что сам давно думаю об этом, да боюсь... Не заслужил еще такой чести...

Сегодня они условились встретиться в читальном зале Дворца культуры. А она сбежала на реку.

— Посердится и перестанет, — снова усмехается Варя.

Вокруг щедро светило солнце. С реки, с гор веяло цветочными ароматами, пахло тополем. Эх, Яшенька! Если бы ты стоял рядом... Когда это было? Совсем недавно, кажется, вчера. Вон там, против пляжа катались на лодке. Одни на всем белом свете.

Варя смотрит затуманенными глазами на реку. Никакой лодки там нет. Только льдины и бревна.

Ей кажется, что если она поплывет на то место, то как бы поговорит с Яшей, его голос услышит...

И вот она уже плывет недалеко от берега. Весла, точно сами собой, коротко взмахивают и, разбрасывая брызги, погружаются в воду. Варя на миг отрывается от весел и приветливо машет косынкой стоявшим на берегу людям. Кто-то ей в ответ помахал фуражкой. Она плывет дальше, дальше, пока, наконец, мост и топольники не исчезают за поворотом. Тогда она поворачивает лодку на середину, складывает весла. Лодку несет вниз по течению. Часто Варя отворачивает от льдин и бревен. Она опускает за борт руки и полощет их в ледяной воде. Потом хватается весла, тормозит лодку, вращает ее на одном месте. Легкая лодка послушно делает несколько оборотов. Варя смеется сквозь слезы...

Впереди опять виден железный мост, топольники, народ. А вокруг — трепетное дыхание весны. Вот здесь они плыли вдвоем...

«Яшенька, — тоскливо зовет сердце. — Как коротко было наше счастье...»

...Ее лодка так же вот плавно качалась тогда далеко от берега. На горячем песочном пляже смеялись девушки-подружки. Кто стоял, кто лежал, подставив спину знойному солнцу, а кто отдыхал под тенью деревьев. Смех, говор, песни неслись вслед убегающей лодке. И вдруг из аллейки выскочил велосипедист. Машину он положил на песок, и что-то спросил у девушек. Они указали на Варину лодку. Он расставил ноги, сложил ладони рупором и крикнул:

— Ва-а-аря! Возьми меня!

— Плыви сам! — со смехом ответила она. — Не размокнешь!

Яша, не раздумывая, разделся и бросился в реку и, как ни старалась Варя, догнал ее лодку.

— Не уйдешь, куда ты от меня уйдешь... — с шутливой угрозой проговорил он, и мокрый, загорелый, ловко вскарабкался на крутой нос лодки. Отдышавшись, осторожно спросил:

— Ты обещала подумать, Варя...

— Поэтому и уплыла без тебя, чтобы подумать.

— При мне не можешь?

— С тобой не могу. Когда ты рядом со мной, у меня нет дум. Только сердце...

— Варя! Любишь? — возликовал он и так привстал, что чуть лодку не перевернул. А она засмеялась, зачерпнула полные пригоршни воды и брызнула на него.

— Эх, счастье! — крикнул Яша, отложил весла, встал на нос лодки, прыгнул в воду. Потом догнал, взобрался и, еще не отдышавшись, заговорил, изо всех сил налегая на весла.

— Я так и знал, что любишь. А я тебя люблю, Варя, — он зажмурил глаза, сжал губы, потряс головой. — Сам не знаю, как люблю. Я тебя на край света на руках донесу.

— Далеко этот край света?

— Края нет. А простор! Земля, воды, леса, звезды. Все есть. Вот и понесу я тебя на руках по этому простору. Будем работать, петь, любить!

Не понес он ее на руках по необъятному простору человеческого счастья. Ушел на фронт, и теперь не вернется.

Тяжело без Яши. Только вот с Сергеем Сергеевичем на сердце делается спокойно, свободно. Может быть, потому, что у обоих у них одна судьба, — думает она. — Оба любили. Оба ос-

тались одни. Как-то Варя мимоходом к нему зашла. В комнате холодно, неприбрано.

— Вот вы пришли и теплее стало, — сказал он ей тогда.

«А ему и правда холодно, — подумала Варя. — А мне разве тепло?»

Глава II

— Читай. От наркома, — еще на пороге кабинета встретил Волгина директор. — Только получил.

Отдав телеграмму, Горный заложил руки за спину, слегка расставив ноги, закачался, приподнимаясь на носки, потом опускаясь на пятки, что он делал в минуты радостного волнения.

«Поздравляю коллектив успешным освоением высоколегированных сталей основным процессом. Благодарю...»

— Читай и это, — Горный подошел к своему столу и бережно приподнял стопку других телеграмм. Они рассыпались веером по широкому настольному стеклу.

И нарком и заводы-заказчики благодарили, желали дальнейших успехов.

Горный снял пиджак, повесил его на спинку стула, оставшись в розовой футболке с галстуком, сел, прищуренными глазами глядя на Волгина.

— Ну? — спросил он.

— Так оно и должно было быть, Александр.

Волгин придвинул ближе к директору свой стул, обнял его за плечи.

— Очень хорошо. Надо оповестить коллектив. Ты слушал сегодняшнюю сводку?

Волгин встал, отошел к окну, смотря на улицу.

— Особых изменений не произошло, идут бои местного значения... Представь себе на минутку весь наш фронт. Сталинград, Ленинград, Подмоскowie, Кавказ... Сколько нужно мужества, чтобы удерживать, изматывать гитлеровцев? Сколько нужно стали, чтобы сломить вражескую силу? И вот наша сталь широким потоком пошла на передовые линии. Ты понимаешь, что это такое, Александр?

— Понимаю, Сергей.

— Вот именно. Кстати, расскажу тебе интересный случай. Когда стало известно о трагической судьбе Мариупольского завода, ко мне в кабинет пришел Буйнов. Да, которого крикуном прозвали. Пришел. Вижу, взволнован, мнет шапку в руках. «Садись, — говорю ему. — Рассказывай, с чем пришел». «Обидно», — ответил он и вдруг заплакал. Смотрю

и глазам не верю. Такой детинушка, как Буйнов, и плачет. Знать, горе большое у человека. «Позамучили, гады, — гудит он сквозь слезы, — я ведь их в лицо знаю, говаривал с ними. Люди-то... Люди-то... какие! Наум Толмачев... Никита Пузырев... Мазай Макар... сталевары знаменитые. А они их, гады, убили... Завод исковеркали... Обидно, Сергей Сергеевич, что не могу я вот этими руками, — тут он показал мне свои здоровенные руки, — за их смерть отплатить...» Спрашиваю: «На фронт просишься?» «Где там, — он безнадежно махнул рукой. — Не возьмут. И вы не отпустите. Пытался. К вам пришел сердце излить. Обидно очень...» «Ты помнишь, — спрашиваю, — что Макар сказал перед смертью?» «А то как же! — Буйнов вытер слезы, и все его лицо посветлело. — Песню ведь о Мазае сложили... Покорись! — заставляют Макара фашисты, топчут ногами, издеваются. А он смеется, наш Макарушка. Плюнул он фашистам в лицо и крикнул на всю степь: «Сталью зальем мы вам глотки, сталью!..» Вот какая красивая душа была у человека...» «Так вот, товарищ, Буйнов, — говорю я ему, — надо мазаевское обещание нам исполнить. Нам с вами здесь, в Могучем, эту сталь делать, да столько, да такую, чтобы навек залить ею глотку всем фашистам...»

Сергей Сергеевич долго муслит цыгарку, прикуривает.

— Кстати, Александр Кузьмич, — незаметно с дружеского он переходит на официальный тон, — сегодня твоя лекция у мартеповцев...

— Готов, готов, — успокоил Горный, — на машинке уже конспект.

— Конспекты-то пописываешь? — Волгин знал, что директор никогда не пользуется конспектами, которые тщательно заранее готовит. — Ведь все равно в них не заглядываешь, когда говоришь...

— Привычка. Больше для внутреннего порядка, — Горный засмеялся. — Ты, кажется, вечером едешь?

— Еду. Вызывает обком партии.

— Не знаешь зачем?

— Решительно ничего. Отчетов не требуют. Что-нибудь новое.

— Поезжай. Да вези хорошие новости. Чуть не забыл тебе сказать. Звонил военком. Сказал, что Строгов уходит добровольцем на фронт.

— Станный он человек. Другой бы оправдываться стал, просить, а он наоборот, сам твердит, что не способен быть главным сталеплавильщиком. Боится ответственности. Возможно, он честный человек, но внушил себе черт знает что. Сделает шаг и боится. Это хорошо, что он идет добровольцем.

Он человек мягкого сплава, как мне кажется, неустойчивый. Нужна закалка. Фронт поможет ему стать настоящим человеком...

В кабинет бесшумно вошла худенькая высокая девушка-секретарь.

— Александр Кузьмич, к вам Строгов...

— Просите.

Строгов вошел с рюкзаком. Разделся он в приемной и стоял в обычной своей синей спецовке.

— Вот хорошо, что и Сергей Сергеевич тут, — нерешительно проговорил он, — зашел проститься и... на фронт...

— Знаем, — ответил Горный.

Строгов вопросительно поднял на него глаза.

— Воейком звонил, — ответил опять Горный на его молчаливый вопрос.

— Значит, на фронт? Счастливого пути, Виктор Николаевич. Нас не забудете?

— Что вы, что вы, — взмахнул рукой Строгов, — я к вам с чистой душой вернусь.

— Грехов много?

— Не все свои. Отцовских много... Я расскажу когда-нибудь, а сейчас вот...

Строгов сел на стоявший у окна диван и положил рюкзак у своих ног.

— Вот чепуховина какая, товарищи... — пробормотал он в замешательстве, вытаскивая из рюкзака широкий глиняный горшок. — Это не мое, оно отцово... Лучше сказать, народное... Умирал, сказал мне, где спрятано... Двадцать лет боялся я и думать, не только пальцем тронуть. Надо было раньше отдать... А теперь необходимо...

Строгов с усилием перевернул горшок. На зеленое сукно стола со звенящим шорохом посыпались золотые монеты. Целая куча золотых монет.

— Не знаю, сколько здесь, — продолжал Строгов, — много, должно быть... Куда хотите... В фонд обороны... Теперь на сердце легче. Я вам на стол все свое прошлое выложил... Вернее отцово... У меня и моего Ивана не было этого прошлого... — Строгов с отвращением показал на золото.

Волгин и Горный так были поражены происшедшим, что сидели, как замороженные, молча уставившись на Строгова, который все дальше отодвигался от стола. Вдруг он спохватился, стукнул ладонью себя по лбу:

— Не сообразил, — на неожиданно высокой ноте проговорил он, — мне надо было в правление колхоза «Пчела» отнести. Это в той деревне, где отец жил. Отдать им и сказать:

«Возьмите, эти денежки ваши, у здешних людей их отец брал». А я не сообразил. А что, если?.. — Если от имени колхозников это золото и отдать в фонд обороны, а?.. Одним словом, как хотите. Будь оно проклято...

Строгов еще раз покосился на золото, сделал движение, напоминающее прощание, и пошел.

— Куда вы, Виктор Николаевич? — опомнившись, крикнул ему вдогонку Горный. Он вышел из-за стола, бросился в приемную. Но Строгова уже не было.

— Что делать? — развел Горный руками, вернувшись и положив на деньги ладонь.

— Вот это задача! — в тон ему проговорил Волгин.

Они пристально взглянули в глаза друг другу и вдруг так расхохотались, что у обоих слезы выступили. В дверях показалась девушка-секретарь:

— Вы звали? — спросила она.

Глаза ее расширились, остановившись на золоте.

— Пригласите начальника финчасти, — смеясь ответил директор, — побыстрее.

Девушка вышла.

— Как в сказке, — качая головой, продолжал Горный. — Минуту назад здесь ничего не было, а сейчас куча золота. Вот дела-делишки...

— Задал Строгов задачу, — серьезно сказал Волгин, — душа у человека все-таки дороже золота оказалась. Теперь по-настоящему верю, что вернется Строгов другим человеком... Уже не заботится ответственности... Вот так. А мне собираться пора, пойду.

Глава III.

Из заводского комитета Громов и Люба Герасимова вышли вместе.

— Надеемся, Андрей Павлович.

Комсорг остановилась, взяв его за локоть.

— Не трусите?

— Да что вы, Любовь Васильевна! — Андрей удивленно посмотрел на девушку, — если бы трусил, зачем бы брался? Нет, Любовь Васильевна. Это не сразу в голову пришло, всей бригадой думали...

— Гордитесь. Партийная организация и завком одобрили нашу инициативу... То есть вашу, Андрей Павлович. Начинайте. Завтра об этом узнает весь Кузбасс, вся страна... Такое начнется, что сейчас и подумать нельзя... Желаю удачи.

Она хотела пожать Андрею руку, но получилось так, что он сам пожал только кончики ее пальцев. И оба смутились.

— Желаю удачи! — повторила Герасимова и медленно пошла в комитет комсомола.

А Громов пошагал в проходную, все еще чувствуя на ладони прикосновение мягкой девичьей руки.

Герасимова появилась на комбинате одновременно с Виктором Владимировичем Орловым, когда уже отшумели весенние ручьи и тополя распустили листья. Андрей знал, что новый председатель завкома металлургов и новый комсорг демобилизованы по ранению и приехали чуть ли не из самого Сталинграда.

Совещание в завкоме сегодня было коротким. Обсуждалась инициатива бригады Громова.

— Мы беремся освоить скоростное сталеварение сложных марок, — заявил Громов, — и мы ожидаем, чтобы нас поддерживали все сталевары, все металлурги области...

— Начинайте работу, — кивнул Волгин. — А за поддержкой дело не станет.

Он секунду помолчал, точно оценивая силы Громова, и добавил вполголоса:

— Замахнулся ты, Андрей, так уж соразмеряй свою силушку с задачей.

По дороге Андрея нагнал Буйнов. Недавно его перевели из второго цеха в первый. Он был секретарем партийной организации.

— На сердце кошки скребут, — виновато пожаловался он, — волнуюсь за тебя.

— Вот это лишнее... — не на шутку обиделся Андрей.

— Тогда сам за себя волнуюсь, — настойчиво подчеркнул Буйнов, — готовлю, знаешь, открытое партсобрание... Для меня первое... экзамен, ты уж постарайся, Андрей, выступи со своим делом по-партийному!

Андрей задорно, с вызовом тряхнул головой:

— Не волнуйся, Кузьма Васильевич, выступлю!

Когда сменная пятиминутка кончилась, Андрей задержался в раскомандировке. Варя со своими помощниками ждала, что он скажет.

— Слышали о всесоюзном соревновании металлургов? — и усмехнулся ободряюще. — Вижу, что слышали... Оно только-только началось, а уже сила чувствуется... А на каком счету наша бригада в цехе? Что переглядываетесь? Не знаете? А еще грамотный народ!

Брови Силиной удивленно вскинулись вверх.

— Лучшая бригада! — ответила она. — По всему заводу!

— Верно. По заводу. А что, если бы она стала лучшей по всему Советскому Союзу?

— Ты что-нибудь опять придумал? — Варя быстро подсе-
ла к Громову. — Ой, Андрей, это было бы здорово!

Громов рассказал о том, чего ждут от бригады на заводе.

Говорил Андрей неторопливо, раздумчиво, взгляд его испыты-
вающе останавливался на лицах слушателей. Но в голосе
молодого командира Варя услышала теплую братскую заботу
о жизни каждого из них, о делах на каждой печи, обо всем,
что свершается на фронтах неслыханной войны, на землях
родного государства.

— Значем мы, товарищи, это трудное дело? Как думаете,
найдутся силенки?

С минуту сталевары молчали.

— Найдутся. Есть, Андрей, — проговорила, наконец, Варя
с загоревшимся взглядом, — дело, правда, такое что... Труд-
ное дело, Андрей. Но мы одолеем его.

— Пусть только нас не задерживают всякой мелочью, —
вставил третий подручный Голубев.

— Я уж позабочусь об этом, — успокоил Андрей. — Зна-
чит, обязательства приняты? А теперь — на печь!..

В пролетах мартеновских печей стоял неугомонный желез-
ный гул.

Перестукивали буферами составы вагонов. Позванивая
ползли электровозы с ковшами жидкого чугуна. Орудия длин-
ными толстыми хоботами, от печи к печи передвигались зава-
лочные машины.

В пролетах — тропический жар. Вентиляторы еле успевают
нагнетать свежий воздух.

Расправив широкие плечи, Громов застывает на миг у сво-
ей печи, рассматривая горячее нутро ванны.

— Теперь каждая минута на счету, — предупредил он Си-
лину. — Держись, Варя!

Силина и Голубев придирчиво осмотрели рабочую площад-
ку.

— Почему не убрано?

Варя показывает на разбросанный перед печью шлак.

— Забыли условие? Чистота под метелочку. А ну, живо
убрать! Инструмент приведите в порядок. Быстро, быстро!..

— Голубев, — шепчет Варя на ухо помощнику, — сбегай
за печь, посмотри желоб и летку.

Голубев послушно бежит выполнять указание старшего
подручного.

...Стальное отверстие только что пробили. Сталь ринулась
по желобу, сорвалась в ковш, разбрасывая вокруг тысячи ос-
лепительных звездочек. Металл бурлил, пенился. В ковш ки-

дали пригоршнями ферросилиций и алюминий. Сталь от этого заметно успокаивалась.

— Не подкачайте, ребяташки! — то и дело покрикивал Буйнов, перебегая от одного завалочного окна к другому. — Сегодня на вас весь завод смотрит. Вон, вон туда подбросьте. Вот хорошо!..

Подручные заправляли откосы, стенки и подину. Громов сказал, что ждать не нужно, пока печь совсем освободится. Заправлять следует постепенно, по мере убывания металла. Последние лопатки заправочного порошка должны лечь на подину тогда, когда последние капли металла стекут в желоб.

«Не дать остыть печи», — думает Громов и кричит машинисту завалочной машины:

— Пять мульд руды и пять известняка в средние окна!

Андрей бежит в кабину управления, становится за пульт, беспокойно оглядываясь на тепловые приборы. Температура высокая. Он поворачивает на пульте рычажок. Завалочное окно открывается. К этому времени Варя закончила сушку выпускного отверстия.

Началась завалка.

Мульда за мульдой исчезают в печи.

— Перемешай, — просит Громов машиниста. Тот всовывает в окно, потом в другое порожнюю мульд, старательно перемешивает руду. Завалочная машина хоботом отводит порожняк на шихтовой двор. С другого конца пролета появляется состав со скрапом. Металлический лом в основном состоит из обрезков легированных сталей.

К Громову в это время подходит Ушакова.

— Тебе письмо, Андрюша, от Валерия.

— Спасибо, Надежда Константиновна, а ну, читайте...

«Ты спрашиваешь, — читала Ушакова, — на чем можно сэкономить время, чтобы дать скоростную? На всем, Андрей. От заправки до полировки. Заправляй, когда выпускается плавка. Заваливай, когда еще сушится отверстие. Держи температуру. Согласен с тобой, что во время завалки лома тяжелые куски-слитки нужно подавать в средние окна, в центр печи, а легковес — в крайние окна. Легковес должен быть под тяжелым. Крупный лом легко расплавится, стекая вниз по ванне, размоет легкий, насытит его углеродом. Расплавление ускорится. Температуру держи высокой. Быстрее зальешь чугуна. И вообще экономь время. Даже на ударах своего сердца: оно должно быть спокойным, расчетливым, как сердце воина. Очень рад буду слышать о твоих успехах...»

Дальше Валерий писал о боевых делах.

— Во-время он ко мне с такими словами, — проговорил Андрей, не прекращая работы. Потом он спрятал письмо в карман и еще раз сказал: — Спасибо, Надежда Константиновна.

— Ты ему напиши. О сегодняшнем.

— Самому не терпится. Вот сварю только. Расхвастаюсь.

— Смотрю я на тебя, Андрюша, и думаю, чем же ты похож на моего Валерия?

— Нас всегда братьями звали, Надежда Константиновна. Рост одинаков, волосы тоже, у него только с кудряшками. Лица похожие...

— Упрямством ты на него похож, вот что я тебе скажу. И в кого вы такие уродились?

— В родителей, Надежда Константиновна. В кого же еще?

Громов засмеялся, вскочил на завалочную машину.

— Не перепутай, — крикнул он машинисту, — а то самого в печь! Прошу. В средние окна заваливай крупный лом, в крайние — мелкий.

— Все равно, — равнодушно протянул машинист, вымазанный в мазуте. — Железо одинаковое. Все расплавится.

— Вот я тебе покажу все равно. Стало быть, не все равно. Начинай! Варя! — закричал он. — Подыми задвижку среднего. Так! Хорошо! Ну-ка, чумазый, подавай. Вали, вали! — прикрикнул он, когда увидел, что машинист устало опустил руки. — Потом передохнешь.

— Да ты что? Угорел что ли? — взмолился парень. — Никогда не потел, а сейчас хоть выжимай. Отдохнуть дай.

— Вали, говорю.

— Ну, никогда так не было, — машинист снова взялся за рычаги.

Завалка закончилась. Утирая со лба пот, Громов прыгнул с машины навстречу Буйнову.

— Как хотите, Кузьма Васильевич, а в другой раз ставьте мне две завалочных машины. Не успевает одна.

— Ты знаешь, сколько на завалке сэкономил?

— Знаю. Еще быстрее нужно.

— Хорошо!

Буйнов опустил на плечо Громова тяжелую руку.

— Завтра поставлю тебе вторую. Что будет, не знаю, когда все сталевары так начнут работать. И каждого обеспечить. А? Молодец!

Буйнов еще раз хлопнул Андрея по плечу и пошел в диспетчерскую.

Подручные заправляли пороги печи, а Варя готовила глину для заправки передней стенки окна.

— Давай, Варя!

Громов положил на край порога чашевидную стальную ложку с длинной рукояткой и, когда Варя наполнила ее глиной, отправил ложку за переднюю стенку.

— Ну, как? — спросил Громов, — ничего работается?

— Здорово, Андрей Павлович, — Варя положила глину и сильно прихлопнула ее лопатой, засмеявшись. — Это настоящая работа. Уставать некогда.

— Минут через 30 зальем чугун.

— Почему? Через два часа. Норма.

— Зальем раньше. Для нас действуют новые нормы.

Сводка Совинформбюро обрадовала, как весть о долгожданной весне. Наши ведут наступательные бои почти на всех участках огромного фронта. Хочется скорее поделиться с кем-то радостью, своей верой в то, что фашисты дальше не пройдут, не будут больше поганить русскую землю.

Любе нужно бы свернуть в комитет комсомола, но ноги словно сами несут ее на завод, в мартеновский, к Громову.

«За что я его полюбила?» — совсем неожиданно спросила она себя, и почувствовала, как загорелись щеки.

«Да люблю ли?.. — Люблю! Люблю! — застучало ее сердце. — И все с того раза».

...Это было тоже на одном из заседаний завкома. Выступал Громов тогда горячо, напористо.

— У нас беспорядки на рабочих местах, за экономию не боремся, брак бывает. Правильно! Но чем помогает комитет комсомола и вы, товарищ Герасимова? Рассказали, как со всем этим бороться? Нет. В пример кого-нибудь поставили? Нет. Где ваши обещанные лекции для молодежи? Их тоже нет. Давайте вместе думать...

С критикой она согласилась.

После заседания Громов спросил Любу:

— Вы не сердитесь за ...мои слова?

— Как вам не стыдно! — обиделась она. — Я у вас новичок, и хорошо, что вы помогаете.

Они шли по сырым дорожкам сквера. Журчали мутные вешние ручьи, а в тополевой роще пахло оттаявшими и набухающими почками.

— Что ж, тогда мы будем друзьями, — сказал Андрей и неуклюже протянул руку. А какая она была сильная, его рука, рука знаменитого сталевара. И горячая.

И вот с тех пор, при каждой новой встрече с ним Люба все чаще слышит тревожное биение сердца. Знает ли он об этом? Наверное, нет, хотя она часто замечала, как он особенно внимательно украдкой смотрит на нее.

Когда она пришла в цех, на печи производили заливку чугуна. Боясь помешать, Люба издали следила за уверенными движениями Громова и его подручных.

Она из-под руки смотрит на огненные глаза печи, в которой бушует пламя. А мысли ее далеко-далеко...

Перед нею Сталинград. Разрушенные улицы, исковерканные памятники, пустые городские площади. И бесконечные неистовые бомбежки, артиллерийский шквал и двадцать три фашистских атаки в сутки...

На всю жизнь это осталось в сердце... Многие месяцы смерть висела над городом и его защитниками.

— Что с вами, Любовь Васильевна?.. — Громов бережно притронулся к бессильно повисшей руке Герасимовой. — Вы плачете. Значит, без стекла смотрели в печь?

— Не то, Андрей Павлович. Вот заглянула в печь, на пламя, и почему-то вспомнила Сталинград. Вспомнилось все... До слез...

— Понимаю... — Громов помолчал. — А я испугался за ваши глаза. Без синих стекол в печь смотреть нельзя... Проведать пришли? Дела отличные, Любовь Васильевна! Такие дела!.. Жарко фашистам будет!

— Я вам новую сводку принесла.

Герасимова рассказала слышанное по радио.

И снова Громов помолчал, прежде чем сказать:

— Я прошу вас, Любовь Васильевна, передать вот это в многотиражку, — он протянул ей листок с текстом обращения. — Здесь обязательства... Вызов на соревнование...

Люба мгновенно ожила:

— Сейчас же сюда фотографа!

— Это зря, — нахмурился Громов.

— Как зря? — Буйнов подбоченился, покрутил воображаемые усы. — Пускай наши личности зафиксируют. Порядок требуется.

Смеясь, Герасимова побежала от печи, размахивая листком с обращением. Когда она скрылась, Андрей неожиданно громко вздохнул.

— Не влюбился ли?

Варя склонила голову на бок и одним глазом посмотрела на Андрея. Даже пальцем погрозила.

.. На девятом часу плавка подходила к концу. Громов пристально, через стекло, осматривал очередную пробу. Головы подручных склонились рядом...

— Рановато еще, пусть подогреется.

Андрей идет по фронту печи, заглядывает в каждое завалочное окно. Сталь ровной густой массой колышется в плавильной ванне. Свод печи и металл почти одного цвета.

«Кажется, доходит, — думает он, — пора давать последнюю пробу».

Андрей смотрит на подручных. У всех уставшие и тем не менее задорные лица. Подручные молча, одними глазами спрашивают друг у друга:

«Ну как? Не впустую ли сработали?».

— На экспресс-анализ! — кричит Громов. И Голубев, сунув в завалочное окно стальную ложку на длинной рукоятке, вытаскивает ее, полную жидкого металла. На железной лопатке сталь растекалась вязкой масляной лепешкой...

— Хоть на хлеб намазывай, — ликует Варя, — хорошая, Андрей Павлович!

— Сейчас нам лаборатория скажет, какая она...

Минут через пять бежит к печи, размахивая руками, раскрасневшийся, счастливый Голубев и еще издали кричит:

— Ребята! Отличная!..

Громов ескидывает свою крупную голову и расправляет плечи:

— Скоростная есть. Поздравляю, родные.

Глава IV

Ивану Строгову не спится. Он смотрит на лампочку под потолком и старается думать о своей бригаде, о соревновании, начатом Громовым. Но голова что-то плохо действует.

Вспомнился день, когда провожали на фронт Валерия. Ясный, осенний день... Смуглое лицо друга, его глаза, над которыми то и дело нависали упрямые колечки черного чуба. И еще беспокойные и такие влюбленные глаза Нины...

Иван глубоко вздохнул. Нина... И все же ему хорошо около Нины. Неуклюжий, стеснительный, он делался рядом с ней веселее, мягче сердцем. А она ни разу не упомянула, как любит Валерия, как тоскует о нем, ждет. Да разве такое чувство нуждается в словах!

«Счастливый ты, Валя, — Иван опять вздыхает и повертывается на другой бок, лицом к стене. На стене, в простенькой рамочке портреты Валерия, Нины и отца.

С улицы доносятся голоса, топот ног. Играют в волейбол. В окнах мелькают фигуры завязтых спортсменов. И в общезитии шумно. За столом, посередине высокой, просторной комнаты, — сидят молодые прокатчики. Кто над шахматами склонился, кто «режется» в домино. В дальнем углу щупленький подросток перебирает струны гитары и, склонив свою темную вихрастую голову к самому грифу, тоненько напевает:

Всю-то я вселенную проехал, нигде я милой не нашел.

А в Россию возвратился, сердцу слышится привет...

А Иван точно и не слышит всего этого.

«Эх, если бы меня полюбила такая же, как Нина!»

От волнения Иван даже глаза закрыл и часто задышал в большую, влажную подушку.

Почему ему всегда жалко расставаться с Ниной, когда он ее провожает? Так хочется постоять с ней всего одну лишнюю минутку, поддержать за руку, в синие глубокие глаза заглянуть и ждать. Ждать какого-то чуда. Счастья...

Он видит себя рядом с ней. Они идут по полю. Поле широкое, ровное. Трава, цветы под ногами. Березы кудряшками шевелят, плеч ветвями касаются. Птицы поют-распевают, на солнце не нарадуются. А они вдвоем идут, идут все дальше. И говорить ни о чем не надо, потому что сердце Ивана и без того переполнено светом.

— Нина! Мотылек ты беленький! — говорит он тихо, — я счастлив рядом с тобой...

Он берет ее за руки, тянет к себе, хочет поцеловать. Ее лицо сорсем близко... А в глазах такой испуг, что Иван невольно холодеет...

Приподнялся на локтях, грудь ходуном ходит, с фотографий глаз не спускает. Нина улыбнулась и, как ему показалось, покачала головой, потом потрянула тугими светлыми косами. А у Валерия вон какой укоризненный взгляд...

«Что ты, что ты! — мысленно всплеснул руками Иван, — воюй! До этого не дойдет... А люблю я ее сильно. Вернешься и тебе скажу: «Что хочешь делай, а люблю Нину. Нельзя же ее не любить, Валя! И... любить нельзя... Не сердись, Валка. Никто о моей любви не узнает. И она. Воюй!»

Иван опять уткнулся в подушку, думая теперь о Валерии. Где-то он сейчас? Может, именно сейчас — в полете, и вокруг немецкие стервятники? Сегодня вон Информбюро сообщило, что сбито несколько наших бомбардировщиков.

Мысли Ивана постепенно сосредоточиваются на делах в бригаде, на заводе. Андрей со своими сталеварами такое затеял, что и со стороны завидно, руки чешутся... Газеты пишут

об этом, по радио извещают... А нашим ребятам хоть бы что — в домино режутся! Ишь, расшумелись, обо всем забыли... Что ж, дело молодое, и без того каждый работает за двоих — за себя и за солдата на фронте.

— Козел с бородой! — Кричит кто-то со смехом.

— А сам?! А сам?! Три раза остался.

— Последний-то раз — ты?

— Снова!

— Ну, давай.

Пареньки начинают игру сначала, стучат костяшками и звонко перекликаются, словно заблудились в лесу. Но вот кто-то из них заговорил о том, что не дает покоя Ивану.

— Громов теперь ку-уда, знаменитость, — слышится чей-то голос. — В самой Москве о нем заговорили!

— Не только о нем, а обо всех нас, — резонно замечает другой. — Сначала Андрей, а потом мы все...

— Не осрамиться бы, — тревожно вступает в разговор третий, — соревнование начали, в грудь себя ударили, дескать, впереди будем. А если знамя другому заводу отдадут?

— Другому! — громко передразнил кто-то, — не бывать этому! Я уже и рукава засучил!

«И я вот рукава засучил, — усмехается Иван, — а как приступить к делу — соображения не хватает».

В это время к Ивану подходит вальцовщик Дмитрий Матвеев. Он только что встал и собирается на дневную смену. Матвеев подстать Ивану — такой же рослый. У него широкое лицо, с крупными рябинками, очень лукавые, маленькие глаза.

— Не спишь? — Матвеев ставит табурет у кровати и садится напротив. — В глазах у тебя, Иван, такое, будто ты стихи сочиняешь.

— Может быть, поважнее стихов, — нехотя отвечает Иван. — Как у тебя-то дела?

— Да что дела! — Матвеев взмахивает рукой. — Не особенно. Не так, как у Громова. Если бы мне такие условия, как у него! Гляди, на какую высоту парня подняли. Вокруг него и парторг и директор. Полная поддержка. Вознесли до небес. А нас с тобой кто вознесет?

— Городишь ты чепуху, Матвеев, как последняя баба! — рассердился Иван. — Работа его возносит. Умное предложил вот и поддержали.

— А чем ты хуже Громова? — Матвеев придвигается ближе. — О твоих рекордах тоже писали. Ну, а дальше что? Кто тебя так вознес, как Громова?

— Меня не надо возносить. Я это сам сделаю... Когда заслужу... Э-э, Дмитрий! Есть у меня дума-мечта.

— Ах, мечта! Знаю я твою мечту... Вот она... — Матвеев показывает на фотографию Нины. — Славная девочка. Видел тебя с ней. Хороша. И как ты сумел с ней познакомиться? Часто встречаешься?..

В первое мгновение Иван онемел. Даже дыхание прерывал, закусил губу.

Но это продолжалось всего одно мгновение. Потом вскочил, обхватил железными руками Матвеева, пронес через комнату и бросил на кровать, сдавил.

— Ну, чего ты? — взмолился Матвеев.

— Тише! Ни слова! Марш на работу, мелкая твоя душа! Ну!..

Игроки за столом, паренек с гитарой с изумлением глядят то на Ивана, то на Матвеева.

— Все в порядке, — говорит Строгов, — обидел... А вообще, ну его к черту! — Он усмехнулся. Волнение его постепенно улеглось.

— Ну, чего уставились? — Иван прошел к столу и сел. — Я ему о мечте, а он совсем о другом... А мечта у меня, ребята! Слушайте. Много нас на заводе, молодых, — продолжал в раздумье Иван. — Если выстроить всех рядом, то и конца-края не увидишь. И коксохимики, и доменщики, и сталевары, и прокатчики. Сталь бы нам в шеренгу, по всему металлургическому пиклу... Чтобы одна сквозная молодежная смена была. Вышли бы на смену, и началось... Кокс, чугун, сталь, прокат! Сквозная смена... Как вы думаете, ребята? По-моему, хорошо! Только вот поддержат ли дирекция и партком?

— А, может, поддержат?..

На пороге стоял Волгин. Потом он неторопливо прошел к столу, улыбочиво оглядел молодых рабочих, положил руку на теплое плечо Ивана и кивнул:

— Наверняка поддержат. Если я не ослышался, ты предлагаешь разрозненные молодежные бригады объединить в одну сквозную смену?

Иван наклонил голову.

Глава V

Ровно поет мотор наждака, со звоном вьется мелкая кружевная россыпь зеленоватых искр. Одной рукой направляя наждак, Нина подвигает под него круглую металлическую штангу.

Вз-з-зз... Вззз, — поет наждачный камень, выедая трещины и волосовины, — вз-з-зз... Взззз...

Ловким движением Нина сбрасывает штангу на пол и подбегает под наждак со штабеля другую заготовку.

Голова Нины повязана синей косынкой. Глаза внимательно следят за наждаком. Жилки на руках напряглись.

«Посмотрел бы сейчас на эти руки Валерий, — думает она, — удивился бы. Кожа на ладонях шершавая, потрескалась».

Нина чувствует, как горячо стало ее рукам. Валерий целовал их... Как давно это было. За год до войны курсанты аэроклуба катали девушек-учениц на ПО-2. Стоял весенний день, синий, легкий. Нину посадили на машину Валерия. Чего только он не вытворял в зоне! Виражи, боевые развороты, петли, штопор... Сделает фигуру и спрашивает: — «Вам не страшно? Не дурно? Может, довольно?» А она смеется и просит: «Еще! Еще!..» Так ей хорошо было в воздухе! А когда возвращались из зоны, над самой Томью она выбросила за борт свой белый шелковый платочек, с красной каемкой. Его сразу унесло назад, за самолет. Валерий видел, как она бросила платок. Развернул машину и начал пикировать за платочком, который уже еле-еле был виден и падал очень медленно, кружась. Догнал и начал кружить, до самой земли проводил.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он ее на земле.

— Благодарю, — ответила она. — Хорошо.

И все. Больше ни слова. Даже не попрощался. Снял шлем с очками, пристегнул к поясу и ушел. В синем летнем комбинезоне, в кирзовых сапогах.

Она удивленно смотрела ему вслед и очень хотела, чтобы он оглянулся, сказал еще хотя бы одно слово. А вечером в аэроклубе были танцы...

Валерий нашел ее и пригласил на вальс. Когда танец закончился, он подал ей белый с красной каемкой платок.

— Возьмите, — и он стеснительно улыбнулся. — Я нашел его. Ходил, ходил... и вот... нашел.

Этот платочек, эта дорогая память о первых днях любви и сейчас бережно хранится у нее. В тот вечер в город они возвращались вместе... У самого дома, когда прощались, он поцеловал ей руки. И потом еще целовал. Вот эти самые, шершавые и грубоватые руки. Как хотелось ей вот сейчас, сию минуту пожать его сильные мужественные руки, умеющие бестрепетно держать рукоять пулемета и наверняка бить врага. Как хорошо было летать до войны и как, наверное, страшно и трудно теперь...

Иван почему-то вчера больше, чем всегда, расспрашивал ее о Валерии и все время странно робел. Отчего бы это? Не смеет в глаза глянуть, боится чего-то... Славный товарищ, с

открытой душой... Сегодня в многотиражке напечатана его статья. Он предлагает создать сквозную комсомольско-молодежную смену. Умница! И почему все что-то придумывают, а она ничего не может? Андрей, Иван, Никита — все придумывают... А она работать еще не научилась как следует. Участок план не выполняет. Что-то делать надо. А что? Отец и мать говорят, что злиться больше нужно на работе. Когда злишься, силы прибывают, мысль живет работает. А она не умеет злиться... Да и на кого?

И вот. Кстати, о злости: что это такими сердитыми глазами на нее Герасимова смотрит? Торчит уже час около Зазеновой Лизы, говорит с ней о чем-то и все время в сторону Нины поглядывает. Лиза что-нибудь наговорила? Ну, и пусть. Как это о Герасимовой Андрей говорил? «С добрым, честным сердцем, смекалистая...» Может быть, и так. Только не заметно, чтобы она была добрая и смекалистая. Смотри, как принарядилась: цветное крепдешинное платье, на шее газовая косыночка галстуком... А вот комсомольскую работу в цехе не умеет наладить. И недостатков в цехе не знает. Крутится вокруг Лизы, а не догадается помочь ей. Лизу единоличницей зовут. Она себя только любит. А ведь хорошая девушка! И мастер Леонид Иванович не часто балует вниманием. Говорит, что он потомственный прокатчик. Трудно верить. Бюрократ. Неповоротливый. Вот скоро общецеховое собрание, там можно будет поговорить во весь голос. Почему он смотрит на нас, как на подсобников? Мы же дело ведем!

Сколько разных, веселых и невеселых, мыслей побывает в голове, пока работаешь? В привычку вошло думать, думать вот так, волноваться, взрослеть. Звенит наждак, фонтанчиком взлетают искры, растет около станка гора обработанных заготовок.

Адьюстаж сортопрокатного цеха — просторное помещение. Наждаки, штабеля разнокалиберной продукции. За штабелями нагревательные печи. Над головами снуют электромагнитные краны.

Шумно в цехе.

Но вот затихают голоса станков. Вокруг них — груды готовых стальных штанг.

Вечерняя смена кончает работу. И вдруг к Нине подходит Герасимова.

— Здравствуй, Нина! — Девушка протягивает руку. — Надежда Константиновна очень просила завтра забежать к ней.

— Правда? — Нина обрадованно вскинула голову. — Она больше ничего не говорила?

— Нет. Только просила зайти.

— Спасибо!

«Она и вправду добрая» — подумала Нина.

Наждачники убрали свои рабочие места, сдали смену и подошли к Нине и Герасимовой. Подошла и Лиза Зазенова — рыжая, боевая, лучшая в цехе работница. Она привычным движением сбросила синий халат и осталась в красном в горошинках платье.

— Устали? — обратилась ко всей смене Герасимова. — Трудновато?

— Трудно, Любовь Васильевна, — за всех ответила Лиза, — не то, что устали, а так, как-то... разнбой.

— Рассказывайте.

— Трудно и работать, и жить, — согласилась Нина, глядя на Лизу, — в цехе трудно. Посмотрите: огромный пролет!.. Адыюстаж называется. Может быть, по-французски и хорошо: адыю! До свиданья! Все сделано, что положено! Все! А все ли? И так ли, как требует время? Есть еще брак. Сделали мы заготовки, принял их контролер и с плеч долой, адыю, до свиданья... Не следим мы, как бракованные заготовки попадают в штабеля годной продукции. И до каких пор мы брак делать будем?

— А как же без брака? На то и работа, — возразила Лиза.

— Как без брака? — удивилась Нина, обращаясь не к Лизе, а к Герасимовой. — Да очень просто: совсем без брака! Как у Строгова на прокатке, у Громова на мартене!.. А у нас кое-кто думает только о личных премиях...

— Тебе завидно? — перебила Зазенова. — Никому не запрещено. Знай работай лучше.

— Я не против премий, — Нина злилась по-настоящему, щеки ее пылали. — И не в зависти дело. Наоборот. Жалко тебя. Такая хорошая работница, а сознания никакого...

— Обо мне не беспокойся! — обрезала Лиза и гордо подняла свое смуглое личико.

Нина старалась говорить спокойнее.

— Ты неправa, Лиза. Нужно не только о себе думать. Важно, чтобы все план выполняли. Чтобы и премию, если на то пошло, все получали.

— Подсыпь ей перцу, Нина, подсыпь! — весело закричал Коля Стрельцов. — Зазналась, рыжая. Знать никого не хочет, кроме собственной персоны!

Коля выбежал из-за своего наждака, подскочил к Лизе.

— О своих рекордах болеешь? Боишься, что тебя обгонят? Правильно Нина говорит. Всем надо хорошо работать.

— За ней не угонишься! — выкрикнула маленькая, пухленькая девушка. — Где там!

— Если бы помогли, — сказала другая, — а то не умеешь и не поможет никто. Нина-то помогает, а вот Лиза...

— Угонимся! Честное слово! — Коля Стрельцов на самый затылок сдвинул потертую серенькую кепчонку и поднял руку. — Хватит так работать! Рекорды Зазеновой должны стать нашими рядовыми нормами! А там посмотрим!

— Ну-ну, — насмешливо сказала Лиза, — попробуйте!

— А ты не смейся! — Коля повернулся на секунду к Лизе, сделал свирепое лицо. — Не смейся! — повторил он. — Попробую. Попробуем. Верно, говорю, Нина?

— Верно, Коля.

— Она тебе поможет, — Зазенова засмеялась и показала на Нину. — Бысочка! Сама бы хоть хорошо работала. А то так себе...

Зазенова последние слова произнесла нараспев и торжествуя оглядела бригаду.

Нина стояла не шевелясь, в глазах потемнело от обиды.

Наждачники неприязненно поглядывали на Лизу. А Герасимова качала головой, хмурилась и ждала, когда все выскажутся.

— Врет она! — опомнившись, снова заговорил Коля. — Это сама Зазенова выскочка! Не верьте ей, Любовь Васильевна! И ты, Нина. Не обращайте внимания. Это от злости она, от зависти...

— Сообщу вам новости, ребята, — подняла руку Герасимова и почувствовала, что впервые говорит таким «взрослым» тоном с молодыми рабочими. — Комитет комсомола учредил переходящий выпел. Те, кто добьется первенства в соревновании, получат этот почетный знак.

— Слыхали? — Коля окинул всех взглядом, нахмурился, подергал зачем-то себя за кончик левого уха. — Вымпел учредили. Что ответим? Я лично вот что скажу; давайте организуем комсомольско-молодежную бригаду. Согласны? Только тише! Записываюсь первый. Кого бригадиром? Лизу?

Он усмехнулся, хитро прищурился.

— Может, Нину?

— Согласна? — Герасимова слегка подтолкнула локтем молодую наждачницу.

Нина нерешительно пожала плечами, потом растерянно улыбнулась и кивнула. Согласна. Только ведь она строгая. И сама учится. Хочется, чтобы работалось дружнее.

— И еще я скажу, — не унимался Николай, — надо на стахановскую вахту победы стать. Как это Иван Строгов сде-

лал. При мне это было, в общежитии. Сижу, значит, с гитарой, а Строгов внес такое предложение. А товарищ парторг поддержал. Так-что надо и нам...

Лиза Зазенова отошла в самый дальний участок наждаков и молча посматривала оттуда.

А мостовой кран то и дело сновал над головами. Снова запели свою песню моторы станков. Это начала работу третья смена.

Наждачники молча смотрели на Нину.

— За тобой последнее слово, — шепнула ей Герасимова, — ты же бригадир. Командуй.

— Хорошо, — Нина тряхнула косами, — я бригадир. Как будем работать? Думала я, как бы применить у нас поточный метод. Сейчас я сама сверлю штангу, сама выявляю пороки, сама их вытачиваю. Времени много тратится. Брак проскальзывает. Контролер вынужден возвращать штангу для повторной обработки. А при поточном методе каждый из нас будет производить только одну операцию. Или сверлить или вытачивать порок, замеченный контролером. Так легче. Не знаю, как посмотрит на это наше начальство.

— Просить будем! Требовать! — подал голос Стрельцов.

— Правильно, Коля! — согласилась Герасимова.

...На другой день Лиза Зазенова подошла к Нине сама. О вчерашнем ни слова, как будто не она при всех бросила Нине обидные, несправедливые слова.

— Стало быть, ты бригадир? — спросила она.

— Как видишь.

— Но ведь ты хуже меня работаешь?

— Чем же?

— Выработка. Тут никуда не денешься.

— А брак?

— Подумаешь, одна-две заготовки! Зато выработка!

— Не одна-две, а пять-шесть за смену, — мягко, но настойчиво поправила Нина. — Пять-шесть за смену у тебя одной. А если взять весь адьюстаж? Не годится, Лиза. И вообще, давай по-другому работать... Надо бригаду из провала выводить. У нас несколько стахановок. Каждую прикрепим к новичкам, пусть учат. И ты тоже. Согласна?

Зазенова глубоко вздохнула. Небрежным движением поправила выбившиеся из-под косынки густые рыжие пряди волос.

— Видно, не убежишь от этого, — почти пропела она тоненьким голоском. — Вот народ! Все учи их. Пришел работать, ну и учись сам. Я тоже не сразу стахановкой стала...

— Так это же долго и трудно! А время не ждет... Должна ты это понять? Время, время, дорогая Лиза!

Лиза еще раз вздохнула:

— Ладно, бригадир. Учить так учить. А как?

— Это обсудим. Это уже детали. А для начала, может быть, с тобой договор заключим?

Вызов на соревнование вырвался неожиданно. Нина даже язык прикусила. Но отступить было поздно.

Желтоватые глаза Зазеновой задорно заблестели:

— Договор на соревнование?

Нина кивнула головой.

— Ну, что же, давай договор. Но держись, Нина!

Лиза тихонько рассмеялась, направляясь к своему станку.

Нина понимала, что соревноваться с лучшей стахановкой наждачного участка будет нелегко. Ее даже в жар бросило от мысли: а вдруг она, бригадир, вызвав на соревнование, оскандалится? Очень даже просто. А результат каков будет? Страшно подумать! Нина вспомнила, как трудны были первые дни работы, когда прямо со школьной скамьи, выпускницей десятого класса она пришла в сортопрокатный цех. Тогда она вместе с выпускниками школ ФЗО осваивала, казалось, бесконечно сложное наждачное производство.

Иной раз после смены, обработав сотни металлических штанг, Нина просто изнемогала от усталости.

Бывало, придет домой, поставит перед собой портрет Валерия и жалуется ему: «Если бы ты знал, как мне трудно».

А Лиза в то время была уже известной стахановкой. Но на ее помощь рассчитывать не приходилось.

Шаг за шагом, стиснув зубы от напряжения, Нина медленно, но настойчиво двигалась вперед, и однажды после смены, увидела на доске показателей против своей фамилии: 100,2 проц.! Какая это была обжигающая радость!

С того дня усталость как рукой сняло.

— Не знала, что ты такая упорная, — сказала Зазенова, когда Нина впервые дала за смену полторы нормы.

— Ты тоже настойчивая, — отозвалась Нина, — дальше своего станка ничего и никого видеть не хочешь.

— Сердишься?

— Сержусь.

— Ну, как хочешь.

...А вот сегодня, когда Лизе сказали во всеуслышание, что она зазналась, когда организовали бригаду и Нину на-

значили бригадиром, Зазенова разволновалась, но внешне держалась попрежнему замкнуто.

«Сегодня тебе будет жарковато, Лиза, — с усмешкой подумала Нина и мысленно добавила: — А тебе, бригадир, и того больше!»

...Нина включила рубильник. Ровно звенел мотор станка. Наждак, коснувшись металлической заготовки, запел басовито и яростно. Все закипело в руках у Нины. Запела, казалось, сама душа.

И Нине вдруг показалось, что не только у нее душа поет, а поет все, что ее окружает: станки, заготовки, электрокран над головой, огромные нагревательные печи за стеллажами, наждачники, поет вся ее бригада...

Даже Зазенова чему-то улыбалась. Но вот на лице ее отразилась досада, Лиза выключила рубильник и поспешила к Стрельцову, на станке которого порвался передаточный ремень. Второй обрыв после начала работы.

Нина не слышала их разговора, но зато видела, как Зазенова отняла у паренька ремень и, ловко орудуя иглой, начала его сшивать.

— Наконец-то! — вырвалось радостное восклицание у Нины, — Лизанька, давно бы так!..

Выключив рубильник, она тоже подшла к Зазеновой и Стрельцову.

— Опять обрыв?

— А, ну их к лешему!

Зазенова сердито бросила сшитый ремень на руки Стрельцову:

— Рвутся и рвутся...

— Надо что-то придумать.

— Может быть, кожаный ремень заменить прорезиненным.

— Ты думаешь, что обрывы прекратятся?

— Попробовать надо, — кивнула Лиза.

— Верно. Я сейчас мастеру скажу. И кстати, Лиза, опусти ниже над своим станком лампочку. Очень высоко поднята, темно же тебе.

— А ведь и правда, высоко, — удивилась Лиза. — Вот спасибо, надо было бы лампочек-то побольше повесить. Тогда уж брак не проскользнет.

— Скажу мастеру...

— Эй, бригадир! Э-э-й, — услышала Нина над головой.

Она взглянула на электрокран. Кричал машинист Петр Ищенко, инвалид войны, чубастый здоровяк. Он высунулся из машинной будки и, показывая рукой на вспотевшее лицо, кричал Нине, что наждачники совсем его замучили:

— Передохнуть некогда, — орал он, — пощадите, товарищ бригадир.

По его возбужденному лицу Нина видела, что машинист шутит, хотя и впрямь порядком устал.

Нина и сама удивилась. Электрокран явно не успевал разгружать и нагружать наждаки. У всех станков высились кучи готовых штанг.

«Вот так работа! — обрадовалась Нина, — такого еще не бывало. Может быть, уже сегодня выпел завкома возмем? Надо и о втором кране спросить».

Но просить не пришлось. С дальнего торца цехового пролета к участку наждаков на подмогу первому крану спешил другой.

— Вижу, вижу о чем заботитесь, — навстречу Нине шел мастер. — Значит выпел?

— Изо всех сил стараемся, Леонид Иванович! Нам нужен текстропный ремень. Попробуем заменить кожаный. Рвется часто. Бригада просит еще, чтобы освещение увеличить, лампочек больше над станками повесить...

— Ого, как много! И сразу все?

— Как можно скорее. Вы сделаете, правда? Я побегу...

Нина стремглав побежала к станку, а старый мастер еще с минуту постоял, задумчиво, мечтательно улыбаясь.

Ремень пришлось менять и самой Нине. Взамен кожаного поставили текстропный, передача действовала великолепно.

— Похоже, что она долго продюжит, — мастер одобряюще кивнул.

— Значит, не будет простоев, — заметила Нина, — готовыте запас прорезиненных ремней, на всех станках менять будем.

Несмотря на кратковременные простои отдельных станков, бригадные показатели росли ежеминутно. К концу смены на доске показателей появилась цифра — 118. Такого результата на участке еще не было.

А против фамилий Нестеровой и Зазеновой значились одинаковые проценты — 180.

— Не ожидала, — созналась Лиза, — думала, что ты насчет соревнования так только... Для красного словца...

— Как видишь, не для словца... А сколько у тебя забракованных штанг?

— Две.

— А у меня ни одной! Понимаешь, что ты отстала? Собирайся, идем вместе домой. А выпел все-таки наш. Вот, что главное. Хочешь, чтоб его на твой станок прикрепили?

— Что ты, Нина!

Зазенова смутилась.

— Повесим, повесим, повесим у тебя! — запела Нина и, схватив Лизу за руку, потащила ее на улицу.

Шли рядом, под руку. Нина была сама не своя от радости, смеялась, что-то напевала.

Зазенова, наконец, первой решилась заговорить.

— Прости меня... — голос ее дрогнул, дрогнула и рука, а локтем она крепче прижала руку Нины, — прости меня, дуру. И к чему я сказала тогда глупость, сама не понимаю...

— Не надо об этом, — Нина ласково улыбнулась. — Не надо.

Полночь над городом. Ясная, тихая, ласковая. Пахнуло речной прохладой.

«Что он пишет мне? — Нина думала, что Ушакова за этим и завет ее. Не терпелось поскорее прочесть письмо. — Далекий ты мой, желанный...»

— Ты о нем думаешь? — прижимаясь, спросила Лиза.

— О нем, Лизанька.

— Красивый?

— Единственный. Самый лучший на свете. Помню, прощался на берегу Томи. Черемуха опадала. Река плескалась о берег... Так хорошо и грустно было! «Я, — сказал он, — так тебя и запомню: синие волны, черемуху, тишину...»

Глава VI

В поздние летние вечера, когда в доме ни одного мужчины, а с улицы раздаются воинственные ребячьи крики, собираются женщины Солнечной в один дом посидеть, помолчать, погоревать, попечалиться о тех, кто не вернется под родной кров, помечтать о встречах после войны...

А к кому же собраться, как не к Надежде Константиновне? К ней тянутся женщины, у нее утешение находят.

И сегодня они здесь.

Окна широко распахнуты. Облокотившись на подоконник, раздвинув горшочки с «Иваном мокрым», комнатной березкой, упираясь коленями о подставленную скамейку, на улицу выглядывают, прижавшись друг к другу, Нина и Варя...

Смотрят на поблескивающую меж кустами черемушника тихую реку. Вон, на ту сторону, отправился катер с паромом. Огонек катера удаляется, явственнее вырисовываются очертания противоположного берега, где над самой водой нависла крутая скала. Над ней, будто зацепившись за одинокое дерево, висит серп месяца. Левее скалы дремлют домики Островской площадки. Кое-где еще светятся окна. Тихо. Изредка слышится крик с парома, чей-то говор.

Нет-нет да и набежит ветер и покроет рябью речной плес, всколыхнет занавески на окнах, освежит лицо молодых женщин.

Вокруг стола сидят Надежда Константиновна, Прасковья Маринина, бабка Ульяна и еще несколько женщин. Над ними тускло светит сорокавольтовая лампочка.

Одна из женщин, лет тридцати пяти, высокая, остроликая, одетая в полинялую коричневую кофту, читает прерывающимся голосом письмо с фронта, от мужа...

«Умаялась ты без меня. Все знаю. И свет, поди, не мил? Как ты управляешься с хозяйством? Много ли сена накосила корове, не развалилась ли еще наша стайка, есть ли у тебя топливо на осень? Как детишки? Ты, гляди, не обижай их. Эх, Марьюшка! Обнял бы я тебя сейчас, может быть, так, как еще ни разу не обнимал!..»

Женщина умолкает, опустив на стол письмо, и две крупные слезинки катятся по ее щекам.

Нина и Варя обернулись. Бабка Ульяна высморкалась в фартук, Надежда Константиновна зачем-то потянулась к занавесочкам и одернула их дрогнувшей рукой.

— Читай дальше, — попросила одна из женщин.

«...Пятнадцать лет мы с тобой прожили, — читала Марья глуховато, — а я тебя как будто вчера полюбил. Не чаю, когда и увижу. Ясная ты моя, Марьюшка! Крепись духом, жди, победа не за горами. Если тяжело с деньгами, то продай мой костюм. Да только не новый, а тот, поношенный, серый. А новый пускай лежит. Приеду с фронта и одеться будет во что. Оно, конечно, приятно пройтись по улице в солдатском, да соскучился я по костюму... Тихо, поди, на нашей улице? А вот у нас на переднем крае прямо недостаток в этой тишине...»

Замолчала Марья. И опять тихо стало. Подвинулись друг к другу ближе, и каждая сердцем своим улетела в далекую солдатскую сторону.

— Солдатушки! — Скупом промолвила Надежда Константиновна. — Сердцем-то они всегда дома.

Варя отвернулась и снова начала смотреть в окно, скрывая волнение. А Нина, обняв, Надежду Константиновну за шею, задумалась, а потом с тихой грустью заговорила:

...Да разве об этом расскажешь,
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

Нина читала стихи М. Исаковского певуче, а женщины смотрели на нее и наполнились их глаза немymi слезами.

Один-на-один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.
Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

— Это о нас пишут? — спросила бабка Ульяна.

— О нас, бабушка.. — кивнула Марья.

— Светлые слова, — Надежда Константиновна вздохнула, — как наши слезы. Правильные...

Месяц за окном бледнел, окруженный редкими звездами. Не блестела река. На нее точно набросили серое покрывало. Где-то за горизонтом, за таежными восточными кручами, куда убегала Томь, заалела зорька...

— Светает! — воскликнула изумленная Надежда Константиновна. — И не заметили, как ночь прошла... Давайте-ка, бабоньки, по домам, поспим немного... А то день длинный, тяжелый...

— А на поля-то как же? — спросила, вставая, Прасковья.

— Чего спрашиваешь? — Надежда Константиновна устало потянулась, — пойдем! Тебе, Прасковья, вести женщин на подсобное хозяйство комбината. А те, кто работает днем, завтра со мной в колхоз пойдут. Завтра выходной... Ну, по домам!

Свесив ноги над обрывом, обнявшись, сидят на берегу Надежда Константиновна и Нина. Тихо покачиваются из стороны в сторону, молчат.

А над Томью молочный густой туман стелется. Солнце высоко стоит над крутой горой, но лучи его еле пробиваются сквозь туман. Пичужки перелетают с ветки на ветку, с черемухника на головы падает прохладная прозрачная роса. Слышатся детские голоса, шарканье обуви по гальке. Скрытые туманом, совсем недалеко ребятишки закидывают переметы.

— Красивая у нас река, — вполголоса говорит Нина, — чистая, ласковая...

— Река... — задумчиво повторила Надежда Константиновна. — Есть, дочка, сказание о нашей реке... Слушай...

..В далекие времена в горах Сибири жил многочисленный и сильный народ. До самого синего неба поднимались вершины гор, покрытые вечными снегами. Всем наделила природа землю этого народа. В сочных, высоких травах кормился тучный скот, тайга давала дичь и зверя, колосились хлеба, обильно светило солнце. Но народ не радовался. Князья и ханы отобрали у него все, что ему щедро давала природа. Плакали люди, и земля веками впитывала их слезы.

Дни и ночи батрачил у хана Басандая бедняк Тоян.

В его юрте всегда было бедно. И единственной радостью Тояна был его юный сын Ушай.

От восхода до заката звонкие песни пел Ушай. Пел он о горе своего народа, о злых и жадных ханах, о счастливой жизни, которую он хотел увидеть.

Звонкая песня Ушая быстрой птицей летела над синими горами. К ней прислушивались все — и люди, и птицы, и звери. Бедные люди радовались, слушая его, а князья и ханы бесились от злобы.

— Откуда у тебя такие светлые песни, сын? — однажды спросил Ушая отец.

— Как-то ранним утром, — отвечал Ушай, — я возвращался из тайги с охоты и у горного ручья прилег отдохнуть. Положил под голову камень и уснул у самого ручья. И вдруг слышу:

«Сын мой, Ушай! Слушай, что мы тебе скажем. В этом ручье, у которого ты лежишь, не земная вода, а горькие слезы твоего народа. Еще не было на нашей земле человека, который бы пошел против воли хана. Отомсти за нас, Ушай. Ты должен повести народ к счастью. Пой об этом счастье — и народ услышит тебя. Зови народ — и он придет к тебе. Иди, Ушай, иди...»

— Вот откуда, отец, у меня песни...

Сказал этой Ушай и пошел по земле, могучий и стройный, как кедр. Потом вскочил на коня и умчался в горы. А песня летела за ним вдогонку.

Услыхала эту песню дочь великого хана Басандая, красавица Томь. Глаза, как звезды у нее горят, косы темные, как ночь, мягкие, как горный мох. Сама стройная, словно елочка. Услыхала она песню и скорей на коня, навстречу Ушаю, посмотреть захотелось, кто такие песни поет.

А Ушай тем временем скачет по тайге, самыми нежными словами разговаривает со своей родной землей, поет о прекрасной родине, о быстрых реках, о птичьих стаях, о лучистых снегах на горных вершинах, о своей юности. Поет о том, что пора бедным людям подниматься на ханов и князей.

Полюбила Томь молодого батыра за смелые песни. А когда увидела его в лицо — сразу ему сердце отдала.

— Пойдешь ли ты со мной? — спросил ее Ушай, — я бедняк и не люблю твоего отца.

— На край света пойду, — ответила Томь, — я тоже хочу счастья своему народу.

— Тогда идем вместе.

Они вскочили на коней и помчались.

Теперь уже два голоса пели песни. Где бы ни работали люди, они останавливались и слушали. А Ушай звал их к себе, чтобы вместе пойти войной на богатых, на злого и жадного хана Басандая.

И люди бросали работу и шли к нему.

— Э-эй, люди! — закричал Ушай, когда вокруг него собралось много народа. — Люди! Когда нас много — мы непобедимы. Держитесь друг за друга так крепко, как наши леса держатся корнями за землю гор. Идите за мной. Я поведу вас на богатых. Хватит нам жить в бесправии. На нашей земле всем людям должно быть одинаково вольно и радостно. Идите!

И повел их Ушай. А рядом с ним пошла прекрасная Томь.

Басандай узнал об этом и рассвирепел. Собрал он у себя всех ханов и князей и сказал:

— Не допустим, чтобы наши батраки хозяевами айлов стали. Надо проучить их, чтобы забыли о песнях Ушая. А самого Ушая и вместе с ним мою дочь — убьем.

Поскакал Басандай со своим войском навстречу Ушаю.

— Где ты, батрак мой, паршивый пес? — злобно крикнул хан, увидев сына Таяна. — Я пришел, чтобы привязать тебя на цепь.

— Здесь я, Басандай! — крикнул ему в ответ Ушай. — Это ты окрестил бедняков паршивыми псами. Но пришел конец твоей власти. И цепь твоя тебе не поможет.

Страшный бой разгорелся на земле. Много месяцев он не прекращался.

Рядом с Ушаем билась с ханами Томь. Стал теснить бедняков Басандай, раз'единил он Ушая и дочь. Угрозами и ласками пытался хан уговорить дочь сдаться. Но Томь не слушала его. Она беззаветно билась и смотрела, как храбро бьется любимый Ушай.

И вот осталась Томь одна. Всех ее людей вокруг убили.

— Ушай! — крикнула она в отчаянии. — Я погибаю, любимый, спаси!

Не мог ее спасти Ушай.

— Смотри, Ушай! — Голос Томи разнесся по всем горам. — Смотри, как Томь любит тебя и свой народ. Я отдаю вам свое горячее сердце. Прощайте!

Бросилась Томь с крутого обрыва вниз головой.

И сразу же из-под горы забил мощный фонтан воды, заполнил ущелье и помчался между гор быстрой и светлой рекой.

— Томь! Моя любимая, прекрасная Томь! — крикнул Ушай, смотря в реку. — Я отомщу за тебя...

В десять раз прибавилось у него сил. Бросился в последний раз со своими людьми на Басандаю и обратил его в бегство.

Уже разбит Басандай. Уже возликовал народ, праздную великую победу. И вдруг вражеская стрела вонзилась в грудь Ушая. Зашатался он, потемнело в глазах.

— Не останавливайтесь, люди! — проговорил он, слабея. — Идите вперед.

Подозвал Ушай своего лучшего друга, верного помощника Удея и сказал:

— Веди народ, я умираю. Живите дружно. Счастье вам и радость!

И умер.

Отвезли его в родной аил и там, в ущелье, похоронили под плач народа. Удивились люди, когда через некоторое время увидели на месте могилы Ушая горную речку, которая несла свои воды к Томи и слилась с ней.

— Это наш Ушай соединился с Томью, — сказали тогда люди. — Пусть и между нами будет такая же любовь.

Надежда Константиновна помолчала, всматриваясь в воду, точно силясь разглядеть живые лица Томи и Ушая, а потом продолжила:

Из уст в уста передавались светлые песни Ушая. Народ сложил о нем и Томи много легенд.

Золотым песком устлано дно этих рек. Невиданная рыба резвится в их быстрых водах. Горы, как вечные стражи, встали по их берегам.

Надежда Константиновна умолкла, а Нина все еще боялась пошевелиться.

Над головами шелестел листвою черемушник.

Нина вздохнула.

— Хорошая легенда. Сказка, как песня.

Туман рассеялся. Солнце купало свои лучи в воде. Подул ветерок. По гладкой поверхности Томи побежала рябь. Точно кто-то на огромное зеркало плеснул чистой-чистой воды и она волнами растекается по его глади...

— Рассказать хочу, что он мне пишет. Каждое его письмо для меня, как песня... — созналась Нина.

— А я уж просить тебя хотела об этом...—тихо посетовала Ушакова. — Рассказывай.

Нина положила голову на плечо Надежды Константиновны.

— Пишет он, что видел меня во сне. Будто река, а над рекой береза. И ручеек из-под березы. «Подошел, говорит, я к этой березке, рукой потрогал ее и вижу — не березка это, а ты стоишь рядом со мной. И не ручеек бежит, а ты разговариваешь со мной. И так хорошо мне стало. А когда проснулся, дневальный от тебя письмо подает... Хорошо такой сон видеть?»

— Милая моя!..

Надежда Константиновна крепко прижала Нину к себе.

— Такие сны знаешь когда снятся?

— Когда?

— Когда человек очень любит. А тебя он любит. Ой, как любит!

— И я! На век... Дождусь ли?

Надежда Константиновна задумалась.

— Будем ждать! — проговорила Нина. — Только скорее бы.

— Придет время!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

В одно и то же время в полдень 7 ноября 1942 года Валерий Ушаков и Нина Нестерова слушали приказ Народного Комиссара Обороны.

Слушали, затаив дыхание, как и многие миллионы советских людей в тылу и на фронте.

...«Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!».

— Афоня!

Полух сердито отмахнулся от Валерия, продолжая слушать.

Валерию видно, как по лицу друга расплывается широкая радостная улыбка.

Ушаков лежал на койке в палате для тяжело раненных. Полух, как легко раненый, по особому разрешению главного врача медсанбата часто к нему навещался.

— Слышишь, Афоня... — снова позвал Валерий, когда Полух выключил радиоприемник и уселся против его койки на табурет.

— Мы с тобой, друг, счастливы... Живы. Снова с гадами драться будем. Эх, вот Ильина нет. Жаль. Не может он слушать Его... Будет и на нашей улице праздник!..

Ушаков отвернулся от Полюха и устался в потолок мечтющим взглядом. Одна рука закинута за забинтованную голову, другая — в бинтах до самого плеча — лежит вдоль бедра.

Очутились они в этом госпитале через десять дней после того, как их подобрали партизаны. Когда Ушакову стало немного лучше, их отправили через линию фронта.

До своей авиачасти было далеко, поэтому друзья явились в передовой медсанбат.

— Как ты думаешь, — Афоня придвинулся ближе, — какая она будет, наша победа?

— Какая? — Валерий с секунду молчал. — Это будет невиданный праздник. Враг будет, конечно, уничтожен. И мир сразу... Победа... Люди будут и петь, и плакать, и смеяться, и снова плакать от радости. И, может быть, от горя. Многих не будет в живых... Многих. Но все-таки радости будет больше. И счастья... Эх, и праздник же будет на нашей улице!..

В это время в палату вошла дежурная сестра.

— Вам, товарищ Ушаков, письмо.

— Да ну? — вскрикнул обрадованный Валерий и, морщась от боли, потянулся навстречу протянутому конверту.

Письмо было не от Нины, а от Громова. Он торопливо распечатал конверт...

А в Могучем вся семья Нестеровых сидела около комода, на котором стоял громкоговоритель, и тоже возбужденно обсуждала приказ Наркома Оборона.

Все делились друг с другом радостными вестями.

Сегодня 7 ноября. Нина собиралась на работу. Отец с матерью тоже спешили в госпиталь. Они оба были хирургами.

— Да! Тебе, Нина, письмо, — мать выдвинула ящик комода и достала конверт.

— И ты молчишь? — вскрикнула Нина, бросаясь к матери.

— Забегалась и забыла. Извини, пожалуйста. Утром принесли.

Нина уже не слушала мать. Она читала письмо, усевшись у комода. По мере того, как она вчитывалась в письмо, лицо ее бледнело все больше и больше.

— Что с тобой? — испуганно спросила мать.

— Бедный...

Нина положила свои руки с письмом себе на колени и смотрела куда-то в окно, мимо матери. Она думала о Вале-

рии. Он сообщил о ранении и писал, что дела идут на поправку.

— Да что с тобой?

Мать села напротив, заглядывая в затуманенные глаза дочери.

Нина молча подала ей письмо.

— Вот и хорошо, — прочитав сказала мать, — скоро поправится.

— Ну да. Ты же хирург. Ты со своей точки зрения, а мне-то...

— Вот-вот, — вмешался до сего времени молчавший отец, — не понимает она тебя, дочка. Ей лишь бы операция прошла удачно.

— Как тебе не стыдно, отец, — Нестерова нахмурилась.

— Ну, не сердись. И ты не волнуйся.

Он подошел к дочери, наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Не волнуйся, — повторил он, — на фронте это бывает. Все будет хорошо. Он жив останется и как раз к празднику вернется. Слыхала, что Нарком Обороны сказал? Будет и на нашей улице праздник. Выше голову, дочка!..

Только на следующий день Нина успокоилась, убедив себя, что на фронте всякое бывает и что, самое главное, Валерий жив и скоро поправится. Она даже была весела, когда шла во главе колонны на заводской субботник.

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели.
Мы покоряем пространство и время
Мы — молодые хозяева земли...

Звонко запела Нина, держа над собой красное полотнище. Песню подхватили. Она мощными переливами неслась над заводом.

Солнечный, бесснежный ноябрь 1942 года.

В синеве не жарко светило солнце. Легкий ветерок шевелил высохшие листья деревьев на обочинах дороги.

— Не верится, Сергей Сергеевич, что где-то далеко от нас идет война, — прервав песню, сказала Нина, — здесь столько солнца, столько радости в песне...

— Война везде, — ответил Волгин. — Разве тебе легко две нормы в смену давать? Работая, мы воюем, победу приближаем. И без песни нам нельзя. Она помогает нам жить и побеждать. В нашей, советской песне много радости...

— Я думаю, — серьезно сказал Федор Андреевич Нестеров, шагавший рядом, — песня и ветер, как брат и сестра. Они

быстрые, необузданные и гордые. Настоящий человек всегда любит простор и песню.

Хирург никак не мог поспеть за быстрым шагом молодежи, нет-нет да и припустит мелкой рысцой, догоняя Нину.

— Говорила тебе, что не нужно ходить, — жалела отца Нина.

— Нет, нет, — тяжело дыша, говорил Нестеров, — хочу помочь вам. Беда с этими ненужными жировыми отложениями, мешают. Этой зимой обязательно на лыжах бегать буду...

— Ой, папа!

Нина лукаво покосилась на него, и рассмеялась.

— Опять лыжи? Ты каждую зиму собираешься...

— А что? И буду бегать. Все некогда. Вот подожди, кончится война.

— У вас ружье есть? — спросил Волгин. — Нет? Обязательно купите. Сходим вместе, поохотимся. Потом вас из тайги силой не вытянешь, понравится. Ходите чаще в тайгу. В разное время года. Вы будете резвым, как мальчик.

— Не знаю, не пробовал. Мне говорили, что рыбная ловля полезна в этом отношении.

— Вряд ли. По-моему, рыбалка способствует ожирению. Сиди себе на бережку да на поплавки смотри. А в сущности и рыбная ловля и охота укрепляют нервы. Как ничто другое.

— Какие тут нервы!

Хирург с досадой похлопал себя по животу.

— С нервами такое редко случается. У меня они, стало быть, в порядке.

Волгин и Нина от души рассмеялись, а Федор Андреевич достал из кармана брюк широкий платок и вытер им покрасневшее потное лицо.

Там, где асфальтированная дорога свертывала влево, к доменному цеху, колонна остановилась. Герасимова стала распределять, кто в какой цех пойдет.

Нина заметила хмурого Ивана Строгова, опершегося о ствол тополя, подошла к нему.

— Ты и сегодня не пел?

— Да я же не умею.

«Какой он сильный», — мелькнула у Нины мысль. Высокий, широкоплечий, с выпуклой грудью, с руками, которые даже в запястьи обеими девичьими ладонями еле обхватишь, он в сравнении с Ниной казался великаном.

— Я без инструмента, — сознался Иван, — забыл...

— Лопату найдем, — успокоила Нина, — вон у Громова две.

Она повернулась, чтобы бежать к Громову. Иван остановил ее:

— Может, меня отпустят? — с тоской спросил он.

— Куда?

— На фронт. Отца ранило. Заменить бы...

— Тяжело? — испуганно спросила Нина.

— Пишет, что с полмесяца проваляется в госпитале.

— Пока ты собираешься заменить его, он сам вернется в часть...

— Все равно. Может, отпустят?

Нина пожала плечами:

— Спроси у Громова. Он как раз идет сюда. Скажи, Андрей, Строгов спрашивает...

— Отпустят ли его на фронт? — с улыбкой досказал Андрей.

— А ну вас...

Иван шагнул к Громову, молча взял у него из рук лопату, широкими шагами пошел к Герасимовой.

— Жаль, что не от меня это зависит. Я отпустила бы его. Если человек страстно рвется на фронт... — начала Нина.

— Нельзя этого делать, — прервал ее Громов. — Пойми, что он — лучший вальцовщик блюминга.

Они направились к доменному цеху.

Работа уже кипела по всей территории завода. Собирали мусор в кучи и бой кирпича. Отдельно складывали металлические предметы, железную стружку. Подходили грузовые машины и отвозили мусор за пределы комбината, а металл на скрапной двор. Эти же машины привозили песок и гравий, которыми засыпали дорожки и землю у под'ездов бытовых помещений. Территория на глазах преображалась, принимала торжественно-праздничный вид.

...Уже поздно вечером, когда субботник был закончен и молодежь снова собиралась у доменного цеха, к Громову прибежала Варя, сияющая и счастливая.

— Ох, Андрей. Не могу опомниться от радости.

Варя устало опустила на каменную плитку, которыми была обставлена вся асфальтированная дорога, помахала платочком себе в лицо.

— Только сейчас слушала радио... Завод наш наградили орденом Ленина... Многих наградили...

Варя залилась ярким румянцем:

— И меня тоже... И тебя, Андрей... И еще... Тебе присвоили звание лауреата Сталинской премии.

Варя вскочила, с удовольствием любуясь растерянностью Громова. А он так растерялся, что не знал, что и сказать.

— Это... правда?

— Правда, Андрей, правда...

Тесным кольцом обступили их рабочие. Громов поймал теплый взгляд Герасимовой.

«Я рада за тебя, — говорил этот взгляд, — очень рада».

К Андрею протискивался Волгин.

— Поздравляю, — парторг крепко пожал его руку. — Поздравляю, товарищи!

— И вас также, Сергей Сергеевич, — горячо ответил Андрей, — от всей души...

Кто-то принес скамейку. Ее подали Волгину. Он встал на нее, огляделся. В одиночку и группами подходили из цехов рабочие. На лице парторга лучилась неизменная добродушная улыбка. В этой улыбке было что-то притягательное, располагающее. Глядя на него, заулыбались и рабочие.

Из тоннеля вынырнула легковая машина, потом вторая. Волгин узнал машины Горного и Орлова.

— Поздравляю, товарищи! — повторил сильным голосом парторг. — Указом Президиума Верховного Совета наш комбинат награжден орденом Ленина. Этой высокой награды нас удостоили за освоение марок сталей. За отличное обеспечение фронта металлом. Орденом Ленина награждены многие из вас. В том числе и Андрей Павлович Громов, сделавший очень многое для успешной работы комбината. Ему, к тому же, присвоено звание лауреата Сталинской премии... За освоение легированных сталей и за скоростное сталеварение. Разрешите от вашего имени еще раз позвать ему руку, нашему первому Сталинскому лауреату...

— Будем надеяться, — громко крикнул Орлов, — что среди могуческих металлургов будут не десятки, а сотни награжденных!..

— Обязательно будут, Владимир Афанасьевич.

Горный занял место Волгина.

— Хочу сообщить еще одну приятную новость. За итоги второго квартала и два месяца третьего квартала текущего года нам присудили первенство во всесоюзном соревновании...

Это известие было встречено радостными возгласами и аплодисментами.

— Четыре цеха, — продолжал директор, — первый мартеновский, доменный, блюминг и теплоэлектроцентраль получают переходящие знамена Государственного Комитета Обороны. Скоро нам будут их вручать... Поздравляю!..

Когда Горный слез со скамейки, рабочие продолжали делиться между собой радостными впечатлениями. Постепенно разговоры стихли и наступило молчание. Громов удивился

тому, что долго нет следующего оратора. И вдруг он понял: все ждут его слова. Варя уже подталкивала Андрея к скамейке. Подбадривающим взглядом смотрела Люба, а Нина приветливо улыбалась ему.

«Надо что-то сказать, надо», — думал Громов и никак не мог собраться с мыслями, а их было так много.

Громов взглянул на парторга. Тот следил за ним.

«Проще надо, — пронеслось в голове, — Сергей Сергеевич всегда просто говорит»...

— Это большое счастье, — наконец, сказал Громов, — и, по моему, мы его заслужили. Я часто думаю, что вот кончится война и многих из нас позовут в Кремль. И товарищ Сталин скажет мне: спасибо, Громов! За то, что честно помог фронту. А я ему отвечу: спасибо Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, за то, что вы спасли мою Родину. Я буду работать не покладая рук... Ведь он и сейчас вот, в трудное время, помнит о каждом из нас, заботится. Большое ему спасибо!..

Андрей расправил плечи, глаза сверкнули решимостью:

— Я обещаю от имени бригады сварить до конца месяца столько сверхплановой стали, чтобы ее можно было купить на мою премию. Отдаю ее в фонд обороны.

Громову восторженно аплодировали.

— Буду просить Государственный Комитет Обороны, чтобы из моей стали изготовили автоматы для сталинградцев. Они мне прислали письмо. — Громов порылся в кармане. — Подписано оно бойцами Сибирской дивизии. Среди них подпись Ушакова Алексея Ивановича, отца нашего сталевара Валерия Ушакова. Сталинградцы пишут мне: «Давайте соревноваться. За каждую тысячу тонн сверхпланового металла мы обещаем уничтожить сотню фашистов...»

— Так вот... Я принимаю этот вызов. И в подтверждение — из своей сверхплановой стали — автоматы... Пусть из моих автоматов моим металлом врагов бьют!

Один за другим выступали сталевары, доменщики, прокатчики. Они брали обязательства, вносили средства в фонд обороны.

— Предлагаю собрать наличными, — говорил Иван Строгов, — сегодня же. На танковую колонну. Назовем ее «Кузбасс».

Предложение поддержали. Каждый выступающий говорил, сколько он вносит наличных.

Уже розовели за горой Верхней облака, когда, снова построившись в колонну, возвращались с завода. Снова пели песни.

Каково же было удивление Нины, когда она заметила, что Иван тоже старается подпевать.

— Ведь ты говорил, что не умеешь?

Иван усмехнулся и кивнул головой:

— Учусь. От радости. Посуди сама, сколько счастья за один раз. И орден, и знамя, и...

Он наклонился слегка, шепнул ей на ухо:

— Отца наградили. Указ слышал... за отличную службу в разведке.

Иван легко высвободил из ее рук древко знамени и высоко скинул полотнище над головой.

У домика Марининой Андрей и Люба остановились.

— Какая широкая и длинная улица, — заметил Громов, закуривая.

— Солнечная, — ответила Герасимова, стряхивая перчатками снег с шали и ворота пальто, — славные люди здесь живут и добрые...

Андрей подошел потихоньку к окну, подул на стекло и взглянул. Заметил, как за столом, склонившись над книгой, сидел Петя.

— Мальчик один дома, — сказал он, отступая назад, — Прасковья, поди, с остальными женщинами опять у Надежды Константиновны?

— А где ж ей быть?—удивилась Люба.—В одиночку бы не каждая с горем да с нуждой справилась, а вот вместе и поддерживают друг друга... Письма опять с фронта читают...

— Вам не скучно, Любовь Васильевна, у Марининой?

— Скучно? Наоборот. Один Петя чего стоит. Забавный мальчик. Командует всеми ребятишками на улице. А сама Маринина всю осень на полях работала. Написала она письмо мужу. «Не думай, — пишет она, — что ты один герой. Я, например, — рекордистка! Слышал ты такое слово? Металлурги для вас металл делают, а я их овощами обеспечиваю...»

— Ишь ты, — Андрей усмехнулся, — гордая, оказывается. Нравятся мне Маринины. Вроде и незаметные, а крепкие. Как хорошие гвозди, крепкие. Попробуй, вытащи их без боли из жизни... Не вытащишь...

— Помню я Никифора, — Люба нагнулась, набрала горсть снега и мяла мокрый холодный комочек до тех пор, пока он не растаял, — прильнет к земле, в развалины втиснется и лежит так, только глаза горят и смотрят в сторону врага, да автомат нет-нет да и щелкнет. И всегда в цель. Вокруг пули свистят, осколки воют, а он, как будто и внимания не обращает... Смотришь иногда на него и самой не страшно делается. А когда чуть стихнет бой, возьмет свой аккордеон и веселит бойцов... О семье, о Прасковье любил вслух вспоминать... «Я,—говорил он,

— до войны и не знал, что люблю Пашу. Ну, женился, потому что вроде понравилась. А по-настоящему только сейчас полюбил.... Живи, — говорил он мне на прощание, — у моей Прасковьи, веселее вам будет». Вот и живу...

«Говори, говори, Люба, — думал Громов, — мне приятно слушать тебя. Зачем ты лоб открыла? Простудишься...»

Он сделал шаг к ней и потянулся рукой к ее голове, чтобы поправить сбившуюся на затылок шаль, но не осмелился и опустил руку.

«Ах, зачем ты такой робкий? — в свою очередь подумала Люба, — разве ты не видишь, что мил мне?..»

Она сама поправила шаль и со вздохом спросила:

— Вы уже отправили письмо в Сталинград?

— Нет еще, — ответил он, оживляясь, — я очень рад, так рад, Любовь Васильевна, тому, что Комитет Оборона удовлетворил мою просьбу. На мои деньги, из стали, выплавленной мной, сделали сто автоматов и уже отправили сталинградцам. Мне не терпится скорее узнать, как из них стреляют и кто стреляет. Может быть, и Никифор Маринин получил такой автомат?

— Возможно. И даже обязательно. Представляю себе. Берет Маринин или Ушаков новый автомат в руки и вдруг видит надпись на нем: «Автомат сталевара Громова». Ну это ли не радость? Загордились, Андрей Павлович?

— Крылья у меня выросли, Любовь Васильевна. Точно сотня рук у меня. И каждая врага бьет. Может быть, и горжусь...

— Когда будете от меня привет передавать, — сказала Люба, на секунду дотрагиваясь до его руки, — передайте Маринину и Ушакову, да и всем остальным, что и я горжусь. Нет, нет, честное слово, горжусь!... Сталинградцами, вами, всеми нашими людьми!..

Люба почему-то вздрогнула и зябко поежилась, втягивая голову в воротник. Сама не поймет отчего, то ли от набежавшего холодного ветра, то ли оттого, что нечаянно взяла за руку Андрея. А он, взволнованный и слегка растроганный ее душевным порывом, молчал...

Когда шел провожать, думал, что обязательно скажет ей свои сокровенные слова, скажет о том, как она полюбила его... И почему он не знал ее раньше? Она жила в Могучем до войны. Потом семья ее уехала в Донбасс, и в сорок первом году погибла под бомбежкой... А она из Сталинграда вернулась в родной город. «Любушка, милая! Ты вынесла большое горе. Хватит ли у меня ласки, чтобы ты забыла о нем? Любушка!»...

Думается-то легко, а вот как об этом ей рассказать? Сил не хватает, смелости нет...

— Вам холодно, Любовь Васильевна?

— Нет. Мне очень тепло. А вам скоро заступать на смену? Давайте прощаться?

Она подала ему горячую руку и взбежала на крыльцо дома.

— Вы очень торопитесь? — Андрей подошел ближе.

— Уже поздно.

— Люба!

Это прозвучало так просто, без Васильевны, так хорошо и близко, что он и она вздрогнули от неожиданности.

— Вы знаете, — горячим шепотом сказал он, — что я... я...

— Не надо, Андрей, — попросила она, почувствовав, как жарко загорелись ее щеки. — Идите на работу. Идите, Андрей Павлович...

Громов повернулся и пошел. Но, сделав несколько шагов, остановился. Она не уходила. Тогда он быстро вернулся и, взбежав на крыльцо, обнял ее за плечи и порывисто поцеловал в губы. Потом отстранил ее от себя, взглянул в глаза и, точно испугавшись ее взгляда, молча бросился бежать по середине улицы к трамвайной остановке...

Ошеломленная Люба с минуту не шевелилась, затем бросилась вслед за Громовым.

— Андрюша! — позвала она почти шепотом. — Андрюша!

Но Громов был уже далеко.

Герасимова подошла к двери, постучала, смахнула снег с крыльца и села. Обхватила руками плечи и тихо засмеялась в колени. Вскочила, посмотрела туда, куда убежал Громов. Нет, не вернется. Глянула вверх. Сквозь разрывы облаков выглядывала луна. Любе показалось, что луна похожа на добрую-предобрую бабушку. Она смотрела на Любу и подмигивала ей сверху лукаво, как будто хотела сказать: «Вот теперь-то я знаю твою тайну... А-а, прогнала сама, и готова лететь за ним? Знаю я вас...»

Люба засмеялась громче. Сердце ее ликовало.

— Сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви, — запела она про себя. И крикнула:

— Петя! Открывай скорее!...

Звякнула щеколда.

— Это вы, тетя Люба?

— Я, Петенька, я...

Глава II

В траншее, плечом к плечу, стоят два красноармейца. По бокам, спереди, сзади — опять траншеи, блиндажи, укрепления в развалинах.

Передышка. Бойцы тихо разговаривают между собой, курят или просто молчат, вглядываясь во вражескую сторону. И каждый думает: какая же это к черту передышка, если свистят пули и воют снаряды? А совсем недалеко, позади, большая русская река...

Огромные языки пламени лижут Волгу. Зловещие черные султаны дыма стелются над ней и ползут во все стороны.

Это немцы подожгли нефтебаки, стоявшие в полутора километрах от Волги и нефть, об'ятая пламенем, как огромная змея, шипя и извиваясь, ползла в реку.

— Горит Волга, — тоскливо вздохнул маленький юркий солдат, с рябинками на лице, Никифор Маринин. — Эх, ведь как горит! И помочь нет сил.

— Молчи, Никифор, душе больно. Что река? Вода всю гарь смоеет. Ты на город смотри, как его искорежили... Сколько здесь нашего труда? А фашист не пожалел, все подряд рушит и жизни губит... Проклятые! Разве они люди?

— Фашистов нельзя людьми назвать, — уверенно и с обидой сказал Маринин. — Я думаю, товарищ сержант, что фашист — самый лютый зверь человеку. И как лютого зверя, я его ненавижу и убивать буду.

Сержант посмотрел на маленького солдатика и ухмыльнулся. Маринин стоял на большом снарядном ящике и теперь его голова была вровень с краем траншеи.

— А смерти боишься? — спросил сержант.

— Если откровенно — боюсь. Не хотел бы умереть скоро. Эх, Алексей Иванович! Да кому жить не охота? Малюсенькая козявочка и та умирать не желает, даром, что и бесполезная она тварь. А я человек. У меня дел по горло. Я себя теперь часто ругаю, как это я до войны ленился иногда сделать что-нибудь. Эх, дожить бы до победы, Алексей Иванович! Обязательно Петьку своего на баяне научу играть. Буду красивую мебель для людей делать... После войны людям красоты захочется. Напримёр, нам с вами. Гляньте, война кругом. Говорим мы с вами, вроде затишье, а снаряды и воют и воют. Пожар, дым, грохот. Вся земля изрыта. И как подумаю о победе, о мире! Страсть, как хочется пожить без этого, — Маринин повел рукой вокруг, — по красивому соскучился!

— Вон ты какой! — удивился Ушаков, — тогда нельзя умирать. Нет, нельзя.

— Я и не собираюсь. Мы вместе, сержант, в Берлин пойдем. Мстить будем за наши муки. А передышке-то вроде конец. Пригнись, сержант, летит пташечка, сейчас ахнет...

Не успел договорить Маринин, как рядом взорвалась фугаска. Засвистели осколки, полетели глыбы земли, дрогнула траншея... Потом еще и еще взрывы...

— Оглох, что ли? — мотая головой, спросил себя Ушаков, отряхиваясь от мерзлой земли, — вот, дьявол, оглох. Маринин! Подойди-ка ко мне...

Сержант повернулся в ту сторону, где до этого стоял Маринин, и застыл в оцепенении. Маринина не было. Только из-под большой кучи земли торчали ноги, аккуратно обернутые в обмотки...

Не прошло и двух минут, как Маринина откопали. Из носа у него шла кровь. Он сморкался, кашлял, ковырял в ушах, все время кривился. А бойцы щупали его, цел ли. Кто-то ладонью пригладил его рыжеватый волос, в котором застряли комья земли, надел на его голову шапку.

Долго сидел Маринин. Затем встал на ноги.

— Фу, ты, — наконец прохрипел он, пытаясь улыбнуться. И до того смешно у него это вышло, что бойцы невольно засмеялись.

— Тебя, Никифор, не зашибешь, — проговорил Ушаков, — крепок, слава богу...

— А ведь жив, ей-богу, жив, — узенькие глаза Маринина зажглись радостью. Он еще раз потрогал себя, достал из кармана широкий платок и начал им тереть лицо, тереть ожесточенно, до красноты, — а я думал... того... конец...

— Это там-то, в земле? — смеялись бойцы.

— Нет, еще в воздухе, когда взрывной волной перевернуло, вот ей-богу! Чего на меня уставились? Вот я посмотрю да посмеюсь, когда вас так шарахнет. Тьфу! Земли наглотался... Хватит глаза таращить. Немцы, заметно, в атаку готовятся.

Притихли, еще больше насторожились бойцы, разойдясь по местам. Зорко следили за врагом. Теперь артиллерия не давала поднять головы. Сверху сыпались бомбы. Чувствовалось приближение новой яростной атаки.

А Маринин, заняв свое прежнее место в траншее, сжимал в руках автомат и все еще отплевывался, кряхтел.

— Жарко, вспотел, — проговорил Никифор, соскакивая с ящика на дно траншеи, когда очередная атака немцев была отбита. — Я, кажись, опять шестерых на тот свет спровадил. Рвутся к Волге, как очумелые. На смерть лезут. И куда лезут? Сталинград им — не по зубам орешек. Мы им зубы пообломаем, дай срок. Умрем, а не уйдем отсюда. Отступать некуда. Позади Волга, Москва...

— Да, Никифор, отступать не будем. Немцы хотят заводы взять, что на берегу стоят. Нас, сибиряков, недаром сюда поставили. Главный удар немцев — на нас.

Ушаков замолчал и прислушался, как бы стараясь сквозь вой снарядов уловить дыхание Волги. Ничего не услышал, а она совсем рядом. Над головой черные тучи, а может быть, дым от пожаров. То и дело снуют над траншеями немецкие «рамы», а еще выше —тяжелые бомбардировщики. И что бомбить, если Сталинград и без того весь в развалинах?

Два полка сибиряков, совместно с рабочими дружинами, обороняли заводы, а третий полк окопался в районе балки. Эта балка шла через заводские поселки к Волге.

Беспрерывно, с надрывом, ухают пушки, воют и рвутся мины и бомбы, захлебываются пулеметы и автоматы, лязгают гусеницами машины танков...

Огромное тело города покрылось рубцами ран. Но ни стон горящей земли, ни печальный вид развалин не вводят в отчаяние защитчиков Сталинграда. Они, солдаты своей Родины, выдерживают беспрецедентный в истории вражеский натиск...

«Ничего, будет и на нашей улице праздник, — думает Ушаков. — Сталин зря слова не скажет. Будет праздник»...

Сержанту вспомнились пережитые бои. Однажды четверо суток подряд длился бой. Грохот оглушал, едкий, густой дым застилал все кругом. Четверо суток не спали бойцы. И выдержали. А когда вдруг наступила такая тишина, что слышно было взвизгивание отдельной винтовочной пули, Ушаков удивленно рассматривал небо. А оно было надиво чистое и голубое. Или, может быть, так показалось. Только Ушакову жизнь представилась с тех пор ярче. Никифор же взял в тот раз аккордеон и, прижавшись подбородком к розовому перламутру, улыбнулся и пробежался пальцами по клавишам. Не успев родиться, песня тут же угасла. Уснул Маринин, блаженно улыбаясь. Опустившись на корточки или прислонившись к стенам траншей, с цыгарками в зубах, а кто с раскрытым кисетом в руках, задремали бойцы... А через десять минут снова тревога...

Сейчас небольшое затишье. Сержант поглядел по сторонам. Бойцы чистили и смазывали оружие, готовили бутылки с горючей жидкостью. Многие обедали. Кое-кто, пристроившись к валявшимся снарядным ящикам, писал письмо домой.

Маринин сидел к Ушакову спиной, облокотившись о тот самый ящик, который всегда служил ему подставкой, и не шевелился.

— Ты опять спишь? — спросил сержант, подходя к Маринину и опускаясь перед ним на корточки, — давай-ка кисет свой, у меня табачок весь вышел...

— Нет, не сплю, — ответил Маринин, поглаживая ладонью кожух автомата, — и у меня табачок вышел. Курить хочется.

Ушаков поднялся, сходил за табаком к соседним бойцам, вернулся. Закурили.

— Посмотрел на автомат и опять о доме вспомнил, — с грустью проговорил Никифор, — подарок нашего земляка. Кто он, Громов-то?

— Громов близкий мне человек. С моим сыном дружил. Сталеварить они в одно время начали. Приятно этот автомат в руке держать.

Ушаков нежно погладил блестящий ствол своего автомата, на котором так же, как и на автомате Маринина, было выгравировано: «Автомат сталевара Громова».

— В нашей дивизии его автоматов сто, — заметил Маринин, — безотказная штука. Эти автоматы от остальных отличаются. Сделаны чище, красивее. Говорят, что штаб нашего Третьего Украинского фронта Громову звание гвардейца собирается присвоить?

— Слышал. Возможная вещь. А чем он не гвардеец? Знаменитый сталевар. Сталь для нас варит. Ему Сталинскую премию дали. Гвардеец настоящий... Хороший гвардеец был бы!.. Он ростом, пожалуй, как раз в три раза выше тебя, Никифор, да и в плечах как бы не столько же... Да ты Вальку моего видел? Такой же здоровый. Эх, сын, сын!.. — сержант вздохнул. — На одном фронте, а не увидишься... Летает. Где? Как? Соскучился я. По семье соскучился. На минутку бы Надежду и дочурок повидать. Пишут, что все хорошо дома, ладно в хозяйстве. А не верится: меня утешают. Знаю, что тяжело им...

— Моя тоже храбрится, — Маринин сплюнул окурочек цыгарки, — я, говорит, лучше тебя, то есть меня, хозяйство содержу. Бойкая она у меня баба. И языком хорошо работает и руками. И такие мне письма пишет! — Маринин зарделся и покачал головой, поджав тонкие губы и закрыв глаза, — с ума меня сводит разными ласковостями... Аж под сердцем сосет, как подумаю о ней... А Петька мой, рассказывает жена, модели самолетов научился строить. Мозговитый парнишка...

Ушаков поднял голову. Глубоко в небе плыли немецкие бомбардировщики. И снова полетели на наши позиции фугасные бомбы. Взвыли снаряды, взметнулись во все стороны комья мерзлой земли...

— Опять, — Ушаков недовольно поморщился, занял свое место в траншее. — Отдохнули, хватит.

— Не привыкать. — Маринин легко вскочил на ноги, подвинул к стене ящик, встал на него, выставив вперед автомат. — Ну, Громов, — Никифор похлопал ладонью кожух автомата, протер его полый белого полшубка, — будем охотиться на зверей. Я, брат, тебя не подведу. Ты смотри, не подводи.

— Наши металлурги за знамя Комитета Обороны соревнуются, — как бы мимоходом напомнил Ушаков, на самый лоб надвигая шапку, — думаю, что возьмут знамя.

— Непременно возьмут, — поддержал Маринин.

Крепкие, коренастые тела сибиряков вросли в мерзлую землю траншей. Глаза далеко видят. Не обманет никакая уловка врага. Давно приготовлены бутылки с горючей жидкостью, бронебойные патроны. В сторону врага нацелены пулеметы, винтовки и автоматы. Вместе с бойцами-сибиряками залегли сталинградцы из рабочих дружин.

— Идут!

Лязг гусениц возник внезапно, и десятки немецких танков устремились на сибиряков. За танками нестройными толпами шли, наверно, изрядно подвыпившие, немецкие автоматчики...

Подпускали немцев ближе, чтобы затем ударить наверняка.

За долгие месяцы обороны сибиряки привыкли вот так хладнокровно встречать надвигающуюся лавину танков. Ждать молча. Не нужно было команды ротного командира: «Не стрелять, подпустить ближе!» Это вошло глубоко в сознание: выстрелы надо беречь.

И сами бойцы знали—немцы страшно боятся молчаливых передовых русских линий. Одно дело — где-нибудь в безобидном крестьянском хлеву вертеть курицам головы, другое—идти в атаку на суровых и отважных сибиряков.

...Когда немецкие танки лязгнули гусеницами всего лишь метрах в 25 от траншей и блиндажей, гранатометчики рванулись вперед, бросая под гусеницы связки гранат и зажигательные бутылки в башенные отверстия.

Гранатометчики работали молниеносно. Бросали гранаты и бутылки, падали и снова бросали. Пулеметные очереди косили немцев, как траву. Трещали автоматы, хлестко били винтовки.

Как вкопанные, точно споткнувшись, застыли восемь танков. Потом еще шесть запылали.

Перебегая от танка к танку, от строения к строению, приближались обезумевшие немцы. Их ряды редели на глазах, но они шли, как шальные.

Когда, задрав кверху длинные хоботы орудий, остановились еще два танка, водители остальных машин не выдержали и — восвояси. Их было штук восемь. А немецкие автоматчики все приближались, перебегая, переползая от укрытия к укрытию. До них — уже рукой подать...

Ушаков прерывисто дышал, до боли сжав в руках автомат. Уж чересчур близко подошли немцы, пора подыматься навстречу... он увидел, как над траншеей появилась высокая фигура ротного командира Перегудова, совсем еще молодого человека. Взмахнув перед собой пистолетом, он крикнул:

— За Родину! За Сталина! Вперед!

Бойцы только этого и ждали. Они мгновенно повыскакивали из-за укрытий и неудержимой лавиной бросились за командиром, навстречу немцам...

— Товарищи! Наши отцы отстояли Царицын. Постоим за Сталинград! — звонко воскликнул кто-то из рабочей дружины, выскочивший вслед за Перегудовым.

И многоголосое, могучее, как море, родное и всесильное «ура» загремело вокруг, заглушая даже вой снарядов и свист пуль.

Задние ряды немцев бегут назад. Сибиряки перемахивают через горы шлака, через развалины домов, через железнодорожные пути.

Немцы выбиты из своих передних укреплений и отступают.

Пот градом струится по лицу Ушакова. Непрерывно стреляя, широкими прыжками бежит он по развалинам вперед.

Вдруг замечает: по земле, сцепившись, барахтаются два человека. С ужасом он узнает под немцем Маринина.

Немец схватил Никифора за горло. У Маринина глаза выкатываются из орбит, но он силится сбросить с себя врага. Стрелять нельзя: можно угодить в Маринина.

Ушаков выхватывает из-за пояса финку и бросается на немца... Задыхающийся Маринин сбрасывает с себя обмякшее тело, с усилием встает на ноги.

— Гад проклятый! Уж я так его и этак пробовал, ну никак, здоровенный попался. Даже шея опухла, задушить хотел. Ах, сволочь, я тебя!.. — вскрикнул Маринин, дав длинную автоматную очередь...

Но поздно. Немецкий автомат на секунду опередил Маринина. Как подкошенный, упал Ушаков, взмахнув руками, точно собирался за что-то уцепиться.

— Сержант! Алексей Иванович! — наклонился над ним Маринин, — куда тебя угораздило?

— Ых-х, ты... штанина намокла, — простонал Ушаков. — Не отставай от роты... беги... беги за немцами, круши их, Никифор, ночем зря... За двоих круши...

Сибирская дивизия на этот раз продвинулась далеко вперед, прочно окопалась на новой линии.

— Вот и весь наказ дивизии, гвардии сержант Ушаков. Есть вопросы?

Ушаков поморщился от боли, пошевелился на носилках, которые держали бойцы. Склонившись над сержантом, стоял сам командир дивизии, высокий, худощавый полковник. Он стоял без шапки и ветер трепал его седые волосы.

Бледное, осунувшееся лицо Ушакова приняло умоляющее выражение:

— Вы меня из роты не списывайте, товарищ полковник, я еще вернусь к вам... Обещаете?

— Обещаю, старина, возвращайся, — полковник потечески расцеловал Ушакова.

— Из слова в слово передай наказ сталевару Громову. Теперь он гвардеец и пусть варит сталь по-гвардейски. Привет Любе Герасимовой передавай...

— Есть передать наказ из слова в слово. Знак вручу лично. Эх, товарищ полковник. Домой еду, а душа не радуется...

— Не тужи, Ушаков, начинаем наступление. Ну, прощай! Счастливого пути, выздоравливай!..

— До скорой встречи, товарищи, родные мои. До скорой встречи!..

На глаза сержанта навернулись слезы. Его понесли к Волге, которая темнела внизу.

Ухали взрывы. Стояла глубокая ночь.

Глава III

Зимнее морозное утро.

Площадь переполнена народом. Сегодня торжественный день. Металлургам вручают знамена Государственного Комитета Обороны.

— Добились своего, — сжимая локоть Надежды Константиновны, шепнула Нина, — знамена наши, наши. Ай, да мы! Победили!..

— Удержать их надо, — тоже шепотом ответила Надежда Константиновна, — могут отобрать.

— Никогда! — пылко воскликнула Нина, — не уступим никому!

— Дай бог, — Надежда Константиновна вздохнула, сурово сомкнув губы. Глаза ее устремлены на трибуну.

А там стоят руководители города и комбината, четверо военных, из которых один генерал, корреспонденты, фоторепортеры. Связисты устанавливают микрофон. В глубине трибуны видны пять древков с золотыми наконечниками. Они обернуты алыми полотнищами. Это — переходящие Красные Знамена Государственного Комитета Оборона.

Люди с нетерпением ждут начала торжества. Но вот они заволоновались, зашевелились, головы повернулись в сторону радиодинамика, установленного над трибуной.

Наступила тишина. Знакомый голос московского диктора завладел вниманием собравшихся. Передавался приказ Верховного Главнокомандующего...

...«Представителю ставки Верховного Главнокомандования, Маршалу артиллерии товарищу Воронову. Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику товарищу Рокоссовскому. Поздравляю вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск. Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий Сталин»...

Все, кто стоял на площади, неистово хлопали в ладоши и кричали «ура».

— Ты слышишь? — Буйнов трясет Громова за плечо, — близится праздник на нашей улице.

Надежда Константиновна опустила голову, закрывая рукавицей глаза.

— Чего вы? — Нина прижалась к ней плечом. — Скажите же!..

— Ничего, — вытирая глаза, ответила Ушакова, — слышишь? Немцев под Сталинградом разбили. А мой не дождался этого дня. В Москве он, в госпитале... Ногу отняли...

Ушакова проглотила слезы, а Нина молча погладила ее руку. «И от Валерия писем нет? — подумала она, — что с ним?»

— Инициатива в наших руках, — говорил в это время с трибуны генерал, высокий и статный, с орденами и медалями, — наступил такой момент в войне, когда наша армия ведет наступление по всему фронту...

Генерал перевел дыхание, спокойно оглядев многочисленную площадь. Затем снял серую каракулевую папаху и провел платочком по лицу. Громов, стоявший около трибуны, заметил, как сначала побелел, а затем побагровел широкий рубец, протянувшийся наискосок через весь лоб генерала.

— В то время, — продолжал генерал, — когда южные заводы временно оказались в руках врага, вы, в далеком Кузбассе, геройски решаете задачу снабжения фронта. Цену вашей помощи хорошо чувствуют фронтовики. Разрешите приветствовать и поздравить вас с трудовой победой, — генерал начал говорить громче, — от имени Государственного Комитета Обороны и лично от имени Иосифа Виссарионовича Сталина...

Площадь точно взорвалась. Овация и приветственные крики были ответом на слова генерала.

— Сла-а-а-ва Ста-а-а-ли-ну!..

— Сла-а-а-ва Красной Армии!

— Слава и вам металлурги! — крикнул генерал, когда люди немного успокоились.

Над трибуной в это время взвились, затрепетав, все пять развернутых полотнищ. Если б можно было измерить то ликование, которое вырвалось при этом наружу из тысячи грудей! Громовое «ура» взметнулось над землей и, казалось, даже редкие белесые облака, плывшие над головами, в испуге шарахнулись за горы.

Глава IV

Зимой 1943 года Ушаков под'езжал к Могучему.

Московский экспресс сбавлял ход. Когда нетерпеливые пассажиры открыли дверь тамбура, в вагон ворвался свист ветра. Ушаков наклонился к ребенку, спящему на руках у няни, и плотнее прикрыл одеялом его лицо.

— Не замерзнет, — успокоила его няня.

— Ветер. Простыть может.

Няню звали тетей Дашей. Ее послали из госпиталя в помощь Ушакову, который не мог один, с культей вместо левой ноги, везти ребенка.

Наконец, поезд остановился. Пассажиры заспешили к выходу.

— Ну, Дарья Никаноровна, выходить будем. Кажется, приехали.

— Слава богу. Значит дома.

Няня бережно подняла ребенка, боясь разбудить, пошла следом за Ушаковым.

Выл злой февральский ветер, подымающий с мерзлой земли кучи снега и расшвыривающий его с беспощадной силой в лица идущим людям.

Вокзал рядом, но из-за взбудораженного ветром снега он еле заметен с перрона.

— Неласково встречает, — с легкой обидой в голосе пробурчал Ушаков по адресу города.

— Я думал, он меня по-свойски, потеплее встретит. Вам не холодно, Дарья Никаноровна?

— Ничего.

Дарья Никаноровна поежилась, плотнее к груди прижала ребенка.

— А ему? — беспокоился Ушаков.

— Да вроде тепло закутан.

Ушаков все же остановился и слегка приоткрыл одеяльце. Мальчик спокойно спал. Розовые губки приоткрылись, от них шел легкий пар.

— Спи, человечек, скоро будем дома.

Зажав подмышкой костыль, на самые глаза надвинув серую солдатскую ушанку, Ушаков заковылял к выходу в город.

Идти было еще непривычно тяжело. Несмотря на холод, вскоре почувствовал, как подмышкой стало мокро.

К счастью, трамвай ожидать не пришлось. Он скоро подошел. В вагоне им уступили место и они уселись. Ушаков вытирал рукавом шинели раскрасневшееся лицо.

В груди приятно защекотало от сознания, что через несколько минут он постучится в двери родного дома и ему откроют. А кто откроет? Жена, может быть, на работе, а дочери в школе. Его ведь никто сегодня не ждет...

«Ожидай к весне, — писал он из госпиталя жене, — раньше не выпишут...»

Весна еще не дошла до Кузбасса, неведомо где застряв. Ушаков уже едет домой, не выдержав госпитальной скуки. Встречать в Могучем не будут. В суете да беготне он просто забыл послать телеграмму домой.

— Долечу культю дома, — просил он врачей. — Дома как-то спокойнее, душа на месте. Да и культя уже заживает...

Долго его не выписывали. И вообще в госпитале у него не складно получилось. Обещал товарищам в Сталинград вернуться, просил, чтобы его из дивизии не отчисляли. А вышла бессрочная. В Москве ему сказали, что требуется немедленная ампутация ноги.

— Подождите немного, — сказал Ушаков, — кончится война тогда и режьте. А сейчас нога мне пока нужна, что называется, дозореzu. Я вот только наказ своих гвардейцев исполню — и опять в Сталинград...

Врачи качали головой, разводили руками:

— Невозможно. Началась гангрена. Понимаете? Гангрена, самая страшная штука...

Скрепя сердце, лег Ушаков на операционный стол. И пролежал в госпитале больше трех месяцев.

«Ты особо не тужи, Алексей Иванович, — писал Мари-

нин, — ты слушай радио, оно тебе все скажет. От Сталинграда мы далеко. Фашисты драпают. А мы не даем гадам останавливаться. Скоро буду в загранице, так и передай моей Прасковье...»

— И откуда такая прыть в человеке? — думал Ушаков о Маринине, — ведь до войны вся улица непутевым его звала. А смотри-ка, как закипел, какой прыти набрался, в заграницу захотел... Да и не зачем-нибудь, а от фашизма Европу освободить, так ведь и пишет. В политике разбираться стал...

До войны друг к другу в гости ни разу не ходили, даром что на одной улице живут, а теперь вот, лежа в госпитале, Ушаков вдруг почувствовал острую скуку по Маринину, по его вечной суетливости и любознательности.

И в дивизию-то Маринин пришел как-то необыкновенно...

Двое суток подряд шел бой. Немецкие танки и самолеты лавинами набрасывались на сибирскую дивизию, стремясь оттеснить ее к Волге. Стонала земля от взрывов. Рушились дома и целые кварталы и казалось, что сибирякам никогда не выбраться из-под камня и железа. А они, казалось, обрели бессмертие, и немцы никак не могли понять, откуда у сталинградцев берутся силы.

А защитникам Сталинграда все-таки было тяжело. Атаки немцев не прекращались. Бойцы выбывали из строя. Требовалось пополнение. Его ждали. Все с тревогой прислушивались к Волге, где была переправа. Оттуда слышались взрывы. Немцы бомбили переправу.

Пополнение пришло. Над Сталинградом стояло сырое и туманное утро, когда по глубоким траншеям, а то и просто между развалин к передним окопам подошли новички. Ушаков узнал, что пополнение прибыло из Кузбасса. Но расспрашивать было некогда. К нему в окоп прыгнул маленький красноармеец, смешно и неуклюже выглядевший в новом обмундировании, которое явно сшито было не по нему. Новичек придвинулся к Ушакову и взволнованно спросил горячим шепотом:

— Куда стрелять? А-а, вижу, — не дожидаясь ответа вскрикнул он, — а ну-ка, не поминай меня лихом, сукин сын, — красноармеец прицелился и выстрелил.

Немец, в которого он целился, упал. Красноармеец радостно хихикнул и высунулся из окопа. Немецкая пуля звонко стегнула по каске.

Ишь, сволочь! — выругался побелевший солдатик, — ловко хватил...

Больше уже он не высовывался и стрелял молча.

Ушаков взглянул на него только тогда, когда немцы прекратили свои ожесточенные атаки и наступила недолгая тишина.

— Маринин!

Он обрадовался, узнав в маленьком рябоватом солдате своего соседа по улице.

— Вот так встреча!..

Маринин протер глаза:

— Неужто Алексей Иванович?..

И вот с тех пор все невзгоды и радости они делили пополам.

Смирившись с мыслью, что ему в дивизию не вернуться, Ушаков старался отвлечься, стал читать запоем все попадавшие под руки книги, которые ему приносила медсестра госпиталя тетя Даша, дородная, белолицая женщина, с добрыми темными глазами.

Однажды тетя Даша долго засиделась у постели Ушакова, рассказывая ему разные московские истории. Оказывается, она в этом госпитале работает с полгода. До этого работала в обыкновенной больнице, в родильном отделении.

— Привезли это, — рассказывала она, — к нам в отделение молодую женщину. Хорошая такая обличем. Мужа-то убило. В Ленинграде мать с отцом с голоду померли. Как вспомнит о муже, так слезами и заливается.

Тетя Даша отворачивается от Ушакова, пряча выступившие слезы.

— Не вынесла родов, скончалась. А мальчик-то какой хорошенький родился. Четыре сто весом... Только сиротинушка... Без родителей. Нашли у нее в вещах красноармейскую книжку, значит, Боеводиной Людмилой. И письмо нашли. Муж ее... Волгин, кажется... ну-да, Волгин, из Кузбасса. Писал отцу своему, чтобы после родов увез ее к себе...

Алексей Иванович страшно взволнованный, побледневший приподнялся тогда в постели, жадно потянулся к тете Даше...

— Да ведь это... Это знаете кто? — выкрикнул он, хватая ее за руку, — Я знаю. Мне писали об этом. Это парторга нашего сын. Василий у него погиб... От Василия мальчик... Где он сейчас? Жив?

— Жив, — ответила удивленная тетя Даша.

Ушаков взял у нее адрес и после этого каждый день думал о том, как бы скорее выписаться из госпиталя. Написал письмо Волгину, просил разрешения забрать и привезти мальчика.

Наконец, он распрощался с больничной койкой. Не дождавись ответа от Волгина, пошел в дом ребенка. Не обошлось

без разговоров. Ему сказали, что товарищу Волгину давно отправлено письмо и его ждут со дня на день. Ушакову пришлось приложить все старания. Он рассказывал о Волгине, о Могучем, о себе. Показывал документы. Ничего не помогло. К счастью, пришла телеграмма от Волгина, он благодарил и просил привезти внука, раз уж вышел такой подходящий случай. Мальчика отдали... Сопровождать его командировали тетю Дашу, или Дарью Никаноровну. Ей дали задание вручить мальчика в руки самого Волгина.

...Трамвай шел медленно. Впереди расчищали путь от снега. Ушаков дул на стекло окна, скреб ногтем лед, смотрел на город. Видел недостроенные дома.

— Эх, не успели доделать, война помешала, — с горечью пожалел Ушаков, — сколько бы в них народу жило!..

Трамвай остановился на Солнечной улице. Сердце радостно забилося. Ушаков увидел свой домик и направился к нему, торопливо выкидывая костыли.

Навстречу шла толпа женщин с лопатами и метлами. Ушаков догадался, что они идут расчищать трамвайную линию от снега. Об этом ему часто писала жена. Ее среди них не было.

«На работе», — подумал он.

— Господи!

Бабка Ульяна выронила лопату, распростерла руки, кинулась к нему навстречу...

— Алексей Иванович!.. Приехал...

Она ткнулась ему в грудь мокрым лицом, потом поцеловала в лоб. Подбежала Маринина, одетая в старый желтый зипун, стянутый в талии веревочкой. На голове — мохнатая шапка, наверное, Никифорова, на ногах валенки.

— Ну, здравствуй! — проговорила она, обнимая Ушакова, — Вот, значит, и дома...

— Почти, — Ушаков засмеялся. — Только дом, кажется, на замке...

— Надежда скоро вернется, — успокоила бабка Ульяна. — А кто это, с ребенком-то?..

Только сейчас женщины обратили внимание, что Ушаков не один. Через минуту все они знали, кто такая тетя Даша и чей ребенок.

— А вот и Надежда идет! — крикнула Варя Силина.

Надежда Константиновна шла не торопясь. Вдруг она узнала мужа. На секунду остановилась, схватившись руками за грудь...

— Алеша! — со слезами на глазах шептала она, прижимаясь к нему, — Алеша! Приехал...

Она целовала его в лицо, а он, зажав костыли подмышкой, неловко утирал рукой ее слезы...

— Если бы ты знал, как я...

— Теперь отдохнешь, — шептал Алексей Иванович, глядя жену по голове, повязанной белой шерстяной шалью, — теперь хорошо будет...

— Не устала я, истосковалась. Сердце изболелось... Теперь еще сын...

— Всему свое время. И сын вернется... Ты познакомься, Надя. Это Дарья Никаноровна... Она помогла мне доехать с мальчиком.

— Скорее домой! — познакомившись, сказала Надежда Константиновна, — скорее!..

Они пошли к своему дому. С ними — Маринина и Варя.

Глава V

Волгин с ребенком на руках и Варя поднимались на третий этаж.

— Не оступитесь, — сказал Волгин, оглядываясь.

— И всегда вы так поздно? — спросила Варя.

— За редким исключением. Как ни планирую свою работу, а непредвиденные дела всегда найдутся... Пришел сегодня Алексей Иванович и говорит: «Мне поручено вручить Громову гвардейский знак». Ну и отлично, говорю, вручайте... А он мне: «Э, нет, дорогой Сергей Сергеевич. Гвардейский знак так просто не дается. Его надо так человеку преподнести, чтобы на всю жизнь запомнилось».

— Значит, торжественно? — спрашиваю. — «Обязательно», говорит. Вот и пришлось непредвиденно в цехе народ собирать. Там и вручили.

— Как жаль, что меня не было...

— А почему?

— Больничный лист. Дочка ангину прихватила. Правда, уже проходит. Ну, и как вручали?

— Ушаков собственноручно прикрепил Громову на грудь знак, подал удостоверение и сказал:

— Чтобы заслужить звание гвардейца, нужно героизм проявить. Наша сибирская дивизия не отступила от Сталинграда, не пропустила немцев к Волге. Дивизии присвоили звание гвардейской. Ты, как герой, работаешь, в тылу. Твоей сталью, из твоих автоматов гвардейцы бьют врага. Своим героическим трудом ты, Громов, прославил не только свое имя, но и весь наш город... Кузбасс прославил. Носи и будь достоин высокого звания гвардейца-сталинградца...

А после этого рабочие обоих качали и Ушакова и Громова.

Волгин открыл дверь, пропустил вперед Варю.
В комнате было темно.

Волгин включил лампу. Варя увидела на письменном столе стопки книг, развернутые конспекты, фотографии жены и сына. Койка Волгина стояла заправленной. Было видно, что на ней давно по-хорошему не спали. Только на кушетке лежала помятая подушка.

Варя положила на кровать мальчика и распеленала. Играла с ним, улыбалась ему, щелкала языком, легонько трогала его за мягкие щеки и подбородок.

А Волгин закурил, раздвинул гардины.

За окном темнел поздний вечер. С крыши капало. В форточку тянуло тепло и приближающейся весной. Далеко на железном мосту через Томь ослепительно светили огромные лампы-прожекторы.

— Большой мечтатель этот Ушаков,—неожиданно сказал Волгин, — хороший человек. Уже на работу просится. Снова строить захотел. Рядовым пошел... Смотри, о чем мечтает—через десять лет, говорит, Томь в гранитные берега оденем, дно углубим, простор пароходам будет.

Волгин умолк, а Варя наблюдала за ним.

— Бабка Ульяна, наверное, идет, — услышав, как стукнула дверь подъезда, сказала она.

— А вы побудьте здесь, — внезапно предложил он, обращаясь к Варе, — вместе с бабкой. Пока она привыкнет.

— Так у меня же дочка одна дома... Побегу, Сергей Сергеевич...

Варя сначала побледнела, потом щеки ее запылали. Это внезапное предложение, сделанное так удивительно просто, захватило ее врасплох. Она почувствовала, как сердце испуганно застучало.

— Ему с вами было бы хорошо, Варя.

Он подошел совсем близко к ней. Она видела его взволнованное лицо, беспокойно горящие глаза. Варя помолчала. Поглядела в окно.

— Уже скоро весна, — проговорила она еле слышно, — тает.

— Да, весна... Она уже пришла...

Снова помолчали. Раздался стук в дверь. Варя кинулась открывать. Вошла запыхавшаяся бабка Ульяна.

— Ох, уж и высоко живете, — бабка села на стул, поданный Волгиным. — Думала, сердце выскочит. Ох!.. Спит?

Бабка тяжело поднялась и пошла к ребенку.

— Я побегу, — Варя поцеловала ребенка, — а то дочурка ждет.

— Ты заходи, Варенька, — попросила старуха, — помогать будешь.

— Обязательно буду забегать. Завтра приду.

— Спасибо, Варя, — Волгин проводил ее, с минуту смотрел, как она, не оглядываясь, спускалась по лестнице...

Глава VI

К весне войска Третьего Украинского фронта ушли далеко за Никополь, Кривой рог, Апостолово. Наступление здесь так же стремительно развивалось и крепло, как и на других участках огромного советского фронта.

Весеннее солнце слепило глаза, сверкало на металле орудий и штыков. Обсохшая земля пестрела зеленою, прошлогодними желтыми пятнами необранных хлебов. Земля гноилась, изрытая, точно язвами, бомбовыми воронками.

На пыльной дороге, по обочинам, на полях лежали мертвые гитлеровские солдаты. Над ними кружились черные стаи воронов. Садясь на изуродованные металлические скелеты немецких орудий и танков, которые валялись то тут, то там, вороны чистили свои окровавленные клювы и сытно каркали...

— Аж в горле першит, — сказал один из красноармейцев в плащ-палатке и каске, сидевший на корпусе мчавшегося танка, — мертвечиной пахнет. Вон их сколько лежит. Чужие, а жалко. Все-таки люди... И принесла же их нелегкая к нам. Как будто у них для могил своей земли мало...

— А ты не жалея, — ответил ему Никифор Маринин, — их никто не просил приходить к нам. Добро бы с миром, а то — ишь ты... Землю нашу поганят. — Никифор глянул по сторонам и сплюнул. — Они нас не жалели. Я им Сталинград вовек не забуду. И детям своим накажу, чтоб помнили.

А танки идут по дороге и вдоль нее, грохоча гусеницами. Пыль клубится над войском, оседая на лицах и плащ-палатках.

— Наши соколики летят, — улыбнулся Маринин, взглянув на небо. — Бомбардировщики. Ну, держись, вражешка!.. «А вдруг сын Алексея Ивановича среди них летит? — подумал он. — Летит и нас видит. Разглядывает сверху. Неужто и меня заметить может? «Высоко... ой, высоко ты, Валька, забрался!»

На короткое мгновение вспомнился Алексей Иванович, когда его укладывали на носилки после ранения...

— Если письма придут от сына, — просил тогда сержант, — перешли их мне, когда адрес сообщу...

«Встретимся ли с тобой, сержант? — Маринин еще крепче стиснул в руках автомат. — Придется мне, видно, без тебя на Берлин идти...»

Валерий и на самом деле частенько поглядывал на колонны наземных войск, гадая, где же там отец и чудаковатый сосед Маринин? Наверное, задирают головы кверху и смотрят на пролетающие воздушные армады.

О ранении отца Валерий еще ничего не знал, потому что в письмах, которые он получал изредка, об этом не упоминалось. И он думал, что отец и сейчас, вместе с Марининым, движается на запад...

Третий Украинский наступал, и полк Дубинина по несколько раз в день бомбил коммуникации гитлеровцев, их передовые линии, на которых они еще не успели закрепиться...

Сегодня уже не первый вылет. Отбомбились спокойно и возвращались на свой аэродром.

И вдруг внизу, у люкового пулемета, завозился Полюх и крикнул:

— Валька! Снизу на нас два «Фоккера» идут... Следи!..

Валерий глянул вниз, по бокам машины. Немецкие истребители шли снизу, с разных концов. Пулемет Афони заработал. Один «Фоккер» сразу же отвалил в сторону и загорелся.

— Молодец, Афоня! — крикнул Валерий. В это время послышались позывные командира и штурмана. Они запрашивали, что случилось.

— Снизу два «Фоккера», — ответил Валерий, — одного Полюх срезал...

Валерий не договорил. Он услышал, как громко вскрикнул Полюх. Пулемет замолчал. В это время второй «Фоккер», дав длинную очередь по кабине стрелков, вынырнул из-под бомбардировщика и оказался на виду у Валерия. Валерий развернул турель, прицелился и нажал на гашетку. Но «Фоккер» ушел...

— Афоня! Афоня! — позвал Валерий. Его охватило волнение. Полюх молчал. Валерий дотронулся до Афони ногой, почувствовал, как тот вздрогнул. Тогда Валерий слез со своего сидения, подполз к Полюху. Спина у Валерия сразу вспотела. Он увидел, что голова и руки Афони свесились над люковым отверстием...

Валерий оттащил Полюха от отверстия, втянул в люк пулемет и опустил крышку люка. Перевернул Полюха на спину. Грудь и рукав комбинезона были продырявлены. Растегнув комбинезон, Валерий увидел кровь. Как мог, перевязал, все время прислушиваясь к дыханию друга. Вернувшись на свое место, передал командиру:

— Полюх ранен в грудь. На посадку идите первым. Настраиваюсь на аэродром... Карабин! Карабин! Я Сокол, я Сокол! Встречайте! Серьезно ранен стрелок!..

— Я Карабин, я Карабин, — услышал в ответ Валерий, — Сокол, я вас понял. Встречаю...

Полюха вытащили из кабины. Он был без сознания.

— Прощай, друг, — Валерий, командир и штурман смотрели вслед удаляющейся машине, — прощай! Возвращайся!

Не знал Валерий, что его другу предстоит путь не куда-нибудь, а в его родной город.

Глава VII

Нина и Лиза Зазенова с работы возвращались вместе. Было еще часов шесть вечера. Стояла тихая, теплая погода.

У газетной витрины, около здания завкома металлургов, они остановились.

— Еще не читала? — спросила Нина.

— Что-нибудь очень интересное?

— Читай.

На первой полосе областной газеты под крупным заголовком была опубликована статья об инициативе вальцовщика Ивана Строгова, сталеваров Андрея Громова и Никиты Серкова, которые ежемесячно к двадцатому числу рапортуют о выполнении месячного задания. В статье говорилось, что эта инициатива широко подхвачена не только металлургами, но и шахтерами и строителями, она уже выходит за пределы области.

— Вот здорово! — Лиза захлопала в ладоши. — Опять о наших металлургах пишут...

— Еще бы! О нашей работе на фронте знают. Недаром пять знамен Комитета Обороны держим.

— Хорошо работаем... Ох, как славно! Я век буду тебе, Нина, благодарна.

— За что?

— За то, что научила меня другими глазами на работу смотреть. И вспоминать стыдно, какая я была раньше нехорошая, ничего-то не понимала...

— А сейчас?

— У-у... Сейчас не стыдно. Вымпел-то на моем станке. Раньше я людей в своей бригаде не замечала, а сейчас как-то даже сроднилась со всеми...

— Часто я думаю, Лизанька, как после войны жить будем. Тихо, счастливо. Учиться хочется. Обязательно поеду учиться в Москву. Вот только война кончится...

— Тебе что! — с завистью сказала Лиза. — В институт сразу. А мне еще до института три года учиться.

— Все равно учись. Я буду заканчивать, а ты на первый курс поступишь... Ничего... Это не страшно. Лишь бы скорей победа... Лишь бы скорее учиться...

— А Валерий? Куда ты от него уедешь?

— Чудная ты, Лиза. Вместе учиться будем...

— Может, и чудная я,—с грустью сказала Лиза, когда они расставались у трамвая. — Только несчастливая. Ты вот ожидаешь друга. Любит он тебя. А меня не любит никто...

— Не грусти, — всему свое время...

Дома Нина увидела на отцовском письменном столе записку.

«У нас в госпитале лежит друг Валерия. Он привез тебе привет. Только сейчас ему еще не до тебя...»

☆☆☆

Спокойной походкой Федор Андреевич Нестеров, в сопровождении ассистентов, идет по длинному коридору госпиталя в свой кабинет. Он только что закончил обход больных.

Не снимая халата и шапочки, как он делал обычно после обхода, Федор Андреевич обошел свой небольшой письменный стол, сел спиной к окну, устремив на помощников внимательный взгляд умных серых глаз...

— Итак, есть за и есть против... Подумайте, товарищи, случай серьезный и наша медлительность может погубить больного...

Голос у хирурга был тихий, задушевный даже тогда, когда он сердился.

— То обстоятельство, что в данный момент больной чувствует себя превосходно, не устраняет угрозы... Пуля в любую минуту может провалиться через защитную стенку сердца. Тогда кровоизлияние и... гибель...

— Но и немедленная операция не обещает хорошего исхода, — проговорила Ольга Павловна, невысокая молодая женщина со смуглым лицом. Из-под белой косынки у нее выбились черные волосы.

— Нельзя надеяться на успех, когда имеешь дело с сердцем, — добавила она.

— Из двух зол нужно выбрать меньшее, — возразил Нестеров. — Вы заметили покраснение и утолщение рубца раны на руке? Раненое место опухает, значит, задета кровеносная артерия... Или срединный нерв... Вы все знаете, что это такое... Сама рана заживает, а нерв остается пораженным. Он утолщается, становится похожим на мозоль и врастает в рубец заживающей раны... Тогда у больного наступает каузалгия, нервы раздражаются. Самое незначительное соприкосновение с

чем-нибудь, малейший шум вызывают у больного жесточайшие боли... Тогда оперировать придется руку, нервный ствол, остается на произвол судьбы сердце... А вдруг оно не выдержит, или во время приступа каузолгии пуля прорвет стенку сердца?... Как хотите, товарищи, но я предлагаю немедленно операцию, и я берусь за это дело сам...

Нестеров подошел к умывальнику, стал мыть руки.

Ольга Павловна встала с места. Она принялась мелкими нервными шагами ходить по кабинету...

— Как хотите, Федор Андреевич, но у вас мало шансов в данном случае...

— Успокойтесь, Ольга Павловна. Мне, как и вам, как и всем нам, дорога жизнь бойца. Я постараюсь вырвать его из лап смерти...

Нестеров почему-то необычно долго, чересчур долго мыл руки... В какую-то минуту он вспомнил один случай.

...Стоял жестокий январь. Мороз сковывал тело. К нему в отделение привезли в очень плохом состоянии русоволосого паренька лет восемнадцати. Казалось, случилось непоправимое несчастье. Паренек с возом сена спускался с высокой горы. Воз накренился. Паренек соскочил с сена и хотел грудью поддержать воз. Сверху упали вилы и вонзились в грудь. Вот так же, как сегодня, многие врачи качали головой — безнадежно.

— В безнадежные положения я не верю, — горячо воскликнул тогда Нестеров. — Если человек до сего времени жив, у него отличный организм и он выдержит операцию...

Для молодого хирурга это был настоящий экзамен.

Нестеров оперировал удачно.

«Где он теперь, этот русоволосый паренек? Может быть, сражается за Родину или варит броневую сталь?»

— Да, я верю в исход операции, Ольга Павловна, — уже вслух сказал Нестеров, — верю.

— Как хотите, Федор Андреевич...

— Плохо, когда не веришь в то, что делаешь.

Нестеров на минуту снова задумался. Потом твердыми шагами пошел к выходу, дав указание приготовиться к операции.

Он быстро спускается с третьего этажа и по длинному коридору идет в крайнюю палату...

Больной не вмещается на койке. Поэтому лежит подобрал слегка ноги. Нестерова встретил долгий вопросительный взгляд глубоко запавших глаз. От этого взгляда хирургу становится не по себе.

— На операцию? — равнодушно спросил больной хирурга, но по синим жилкам, вздувшимся на шее, лбу, видно, что внутренне он волнуется...

«Может быть, сказать ему прямо?» — думает Федор Андреевич и вторично рассматривает рубцы ран на руке и груди, щупает пульс, смотрит температурный листок.

— Не желаешь на операцию, дорогой Афанасий Васильевич? — впервые называет хирург больного по имени-отчеству.

— Чего там не желаешь, Федор Андреевич. Я верю вам. Один конец. Не вытаските пулю, все равно умру... Одним словом, я согласен.

Нестеров видит тихую улыбку, нескрываемую надежду на веснушчатом похудевшем лице больного. Хирург выходит из палаты с раздвоенным чувством. Он доволен, что у больного не заячья воля, что его не надо обманывать, он понимает все сам. В то же время, где-то в глубине сознания шевельнулась быстрая, как молния, мысль: «Он верит мне, а вдруг обману его надежду?» Но мимолетная, тревожная мысль сразу угасла, уступая место непоколебимой уверенности...

...Тихая просторная операционная.

Все четыре больших окна выходят на северную сторону. Над операционным столом яркий свет безтеневого электроламп. Вдоль стены стоят табуретки, стол, на столе склянки с эфиром.

Тишина. Слышны еле уловимые движения помощников хирурга. На тележке привозят Афанасия Васильевича и укладывают на операционный стол.

Пока идут приготовления, Нестеров, в сотый раз, мысленно обдумывает историю болезни, острым взглядом разглядывает пулю на рентгеноснимке. Чтобы добраться до этой пули, необходимо преодолеть многочисленные препятствия сложной топографии человеческой ткани.

Итак, все готово, произведено обезболивание.

Над больным наклонились хирург и его помощники в белых халатах и шапочках, в масках и резиновых перчатках.

На слегка порозовевшем лице Полюха выступил еле заметный пот.

Удивительное путешествие совершила пуля в его теле. Она ударила в кость руки, раздробила ее ниже плечевого сустава, пролетела в грудную клетку, пробила правое легкое и каким-то чудом застряла в стенке сердца...

На какую-то долю секунды хирург задержал скальпель в воздухе. Но это было так неуловимо, что из помощников никто не заметил.

Нестеров коснулся острием скальпеля ткани и быстрыми, мягкими движениями начал рассекать кожный покров. Руки работали точно и уверенно. Вскрыта и слегка развернута груд-

ная клетка... Хирург нашел сердце, немного оттянул сердечную сорочку направо. Совсем немного, но вполне достаточно для того, чтобы рука могла осторожно, как только может рука большого хирурга, нащупать в стенке сердца пулю; еще одно неувловимое раздумье, и острое лезвие вскрывает ткань над пулей, лежащей как бы в небольшом углублении полости сердца.

В операционной не слышно дыхания людей. Молниеносно мелькают руки в резиновых перчатках.

Пуля извлечена. Едва заметный разрез на стенке сердца зашит...

Чуть видная глазу испарина выступила на лбу Нестерова, когда он накладывал шов. Но сердце продолжало работать под рукой хирурга.

Самое главное и опасное позади. Нестеров плавными движениями освобождает сердечную сорочку и так же плавно приводит в порядок грудную клетку, зашивает разрезанные ткани...

В серых глазах хирурга неумная радость — человек остался жив!..

Когда хирург заглянул через перегородку, скрывавшую лицо больного, он увидел широко открытые глаза Афанасия Васильевича...

В глазах у него и боль и радость.

— Какого черта ты смотришь? — Нестеров сделал сердитые глаза. Но не выдержал, и все заметили, как губы хирурга дрогнули. — Тебя режут, орать надо, если можешь, а ты смотришь...

— Ничего, ничего, Федор Андреевич, — бормочет Полух, — мне не больно. Выходит, я буду жить?..

— Да-да, дорогой, ты будешь жить, наверняка будешь...

— Вы мне теперь, как отец родной, — прошептал Афанасий, — спасибо...

— Милый мой, да за что же? Твоя жизнь нужна, и мой долг сохранить ее... Вот заживет грудь, руку оперировать будем...

— Спасибо, дорогой Федор Андреевич!..

Как и предполагал Нестеров, рана на руке Афанасия серьезно разболелась. Явные признаки говорили о том, что нервный ствол врос в рубец. Развилась та самая каузалгия, которую Федор Андреевич заранее предсказывал. Пришлось больного совершенно изолировать от остальных раненых, находившихся в палате.

Афанасий лежал один.

Его раздражал любой шум. Раздражение сопровождалось припадками боли. Боли уменьшались, когда он обливался водой, но от этого Полюх мерз. Ведь на улице стояли зимние холода, теплота помещения не могла его согреть...

— Что, по-вашему, в данном случае делать? — Мрачно спрашивал Нестеров у Ольги Павловны. — Тоже подождать?

— Вы злопамятны, Федор Андреевич...

— Нет, я зол, Ольга Павловна! Зол на себя за то, что операция не удалась.

— В этом не вы виноваты.

— Если бы больному от этого было легче. Остается одно, по крайней мере, на мой взгляд — перенести операцию на узлы симпатического нерва... удалить некоторые узлы, связанные с псевреждением нервов...

И вот такие узлы, в области шеи, удалены. Результат оказался блестящий. Буквально после наркоза Афанасий проснулся здоровым. Боли не возобновлялись и через день.

Афанасий начал быстро выздоравливать...

Шло время...

Нина навещала к Полюху. Они познакомились. Посещения Нины заметно подбадривали его, действовали целебно. Здоровье улучшалось с каждым днем. Заметив это, Нестеров просил дочь навещать чаще. Нина охотно это делала, уделяя Афанасию все свободное время.

Однажды в госпиталь с Ниной пришла Лиза. И после этого зачастила. Она весело смеялась, рассказывала Полюху разные смешные истории. Приносила книги, газеты и, кажется, с успехом завоевала расположение Афанасия. Он оживлялся при ее появлении, заражался ее весельем, меньше обращая внимания на Нину. Последняя на это не сердилась, но была удивлена.

— Ничего удивительного, — призналась как-то ей Лиза, — я ему... я... ну, словом, ему, кажется, со мной хорошо... — Лиза тихонько провела свернутой газетой по носу Нины и засмеялась. И совсем неожиданно спросила:

— Скажи, Нина, он сильно некрасивый?

— Зачем же некрасивый? — растерявшись, ответила Нина, но потом, догадавшись о причине вопроса, покачала головой:

— Ах, ты лисынька. А тебе-то хорошо с ним?

— Ой, хорошо, подружка. Летчик. А я люблю смелых.

Как-то одним морозным вечером Афанасий спросил Нину:

— Вы его сильно любите, Валерия?

— Он мне очень дорог.

— Значит, любите... Он стоит этого, Нина. Он такой хороший товарищ. Вы все хорошие... Он, вы, ваш отец и все... Я

обязательно после войны приеду к вам, в Могучий, если... если не об'явится сестренка...

Афанасий замолчал, понурил голову. Потом быстро вскинул ее и заговорил взволнованно, немного заикаясь на первой букве...

— Румыны спалили село... Д-дотла... всех убили... Сестренку, Мирославу, в Германию угнали... Ж-жива или нет, не знаю...

— Не волнуйтесь, Афанасий, — Нина растроганно погладила его плечо, — найдется сестренка. Враг бежит. Красная Армия всех из неволи освободит.

В этот день Полух много рассказывал о боевых вылетах, сделанных вместе с Ушаковым...

Афанасия провожали в Действующую армию, в свой полк только летом.

Оживленно гудел переполненный вокзал. У длинного состава с попыхивающим паровозом стояли от'езжающие с провожающими. Моросил дождь.

— Скажи ему, Афоня, что здесь ждут его. Слышите?

— Конечно. Ждут, или ждете? — переспросил он.

— И то и другое, — засмеялась Нина, прижавшись в смущении к Лизе.

— Скажу обязательно.

Полух все порывался к Лизе, хотел что-то сказать. И Лиза тоже волновалась. Встретившись взглядами, они краснели и отворачивались друг от друга.

«Ну хоть бы об'яснились что ли, — думала Нина, — отправление скоро...»

— Прощайте, Лиза, — осмелился он, подавая ей руку, — уезжать не хочется. Хорошо у вас...

— Прощайте, Афоня, — прошептала Лиза, — счастливого пути!

Паровоз пронзительно загудел. Состав, медленно набирая ход, двинулся.

Афанасий в шинели, сапогах и пилотке, с вещевым мешком за плечами, вскочил на подножку, махая рукой...

Лиза грустными глазами следила за ним, отвечая взмахами руки. Внезапно она рванулась вперед, догнала вагон, где стоял Афанасий, и раскрасневшаяся и решительная бросила ему в догонку:

— Приезжайте к нам, Афоня... Обязательно. Я буду ждать вас... Потому что...

Выговорив эти слова, Лиза остановилась, не теряя из виду Афанасия, который при этом внезапном объяснении изумился, почти испугался, смотря на Лизу своими округлившимися глазами...

— Как же так?.. Как же так? А-а? — Бормотал он невнятно, и вдруг, круто повернувшись спиной к дверям вагона, сделав рупором ладонь руки, что-то крикнул Лизе. Она не разобрала его слов, только подняла над головой платок.

А он махнул рукой и крикнул еще что-то неразборчивое...
Поезд, извиваясь змеей, скрылся за отрогом Верхней горы.

(Продолжение следует).

С Т И Х И

В. БОРИСОВ

Сплав леса

К реке с откоса катится бревно,
Воды стекло живое разбивает.
И, пеной окаймленное, оно
Уже вдали от берега мелькает.

И снова всплеск, и в солнечных лучах
Опять, играя, вспыхивают волны.
У пожилого сплавщика в глазах
Пестрят рекой подхваченные бревна.

Но только вид у них совсем другой,
Они встают законченной картиной:
То новым домом, пахнущим тайгой,
То планером, парящим над равниной.

То звонкими мостами на пути,
Но чаще — тонко выточенной скрипкой,
Которую прижал к своей груди
Его сынишка с радостной улыбкой.

М. НЕБОГАТОВ

На побывке

А вот и он — родной поселок!
Дымки из труб. Тайга кругом.
На старом месте между елок
Стоит с тесовой крышей дом.

Глядят окошки в полудреме
На двор, на тропку от крыльца...
Совсем недавно был ты в доме
Помощник главный у отца.

И от волнения неровно
Забилось сердце...

Вспомнил вдруг

И как пилили эти бревна,
И как срубали каждый сук.

Любые выдержит придирки —
Добротный дом! На долгий срок...
Легонько ленты бескозырки
Колышет хвойный ветерок.

И перемены видеть любо:
Шоссе прямое, как стрела,
Большую школу возле клуба —
Дворец из камня и стекла...

Под вечер — шумное застолье.
Знакомцы старые, родня.
— Кажись, вчера учился в школе...
— Да... подрастает ребятня.

Отец вино разлил неспешно,
Меньшому подал — в первый раз:
— За мир, сынок?
— За мир, конечно.
— Ну, стало быгь, за всех за нас!

Мать все никак не верит встрече:
Ведь уезжал птенец-птенцом.
А тут гляди — и рост, и плечи —
Во всем сравнялся сын с отцом.

Видать, неплохо Петю кормят:
Крепыш. Лицо горит огнем.
А разодет-то как: по форме!
Все, как с иголки, на нем.

И говорит теперь занятно:
Фок-мачты, рей, паруса...
Пусть непонятно,
да приятно
Узнать про эти чудеса.

...Зовут к себе места родные,
В каких краях ты ни живи.
Здесь подрастал он, здесь впервые
Признался девушке в любви.

У той сосны, в зеленой шубке,
Они встречались... Так и есть,
Еще видны на ней зарубки —
Из прошлых дней живая весть.

Немного их. Всего четыре.
Но дорог сердцу след ножа...
Как все привычно в этом мире:
Туман над речкой, взлет стрижа.

Здесь каждый кустик что-то значил.
Он каждый камень здесь любил.
Вон там купался, там рыбачил,
А там вон с кедра шишки бил.

Прильнет к стволу и быстро, ловко
К верхушке самой — босиком...
Да, пригодилась та сноровка,
Недаром стал он моряком.

И вместе с грустью о прошедшем
Иная грусть уже близка —
О шуме волн в краю нездешнем,
О тихом шорохе песка.

Журчит — огромная когда-то! —
Речушка в космах камышей.
Другим теперь, другим ребятам
Купаться в ней, ловить ершей.

Им наблюдать, как ветви в заводи
Тальник склоняет.

А ему...

Ему в морях далеких плавать,
Служить народу своему.

И днем и ночью быть на страже,
Встречая грудью шторм и шквал,
Чтоб ни один осколок вражий
На нашу землю не упал!

В. ИЗМАЙЛОВ

Стрелочница

Я живу на дальнем полустанке.
Каждый день с флажками по утрам
Выхожу я к стрелке спозаранку,
И обидно мне, что нет стоянки
Здесь на полустанке поездам.

Поезда проходят-пролетают,
И всегда с волнением в груди
Я знакомый паровоз встречаю
И того, в ком я души не чаю,
Кто по всей дороге впереди.

Словно буря, поезд пронесется
Да призывно запоет гудок.
В сердце радость птицей встрепется,
Машинист в окно мне улыбнется —
Молодой веселый паренек.

Отгремят колесами вагоны,
Убегая в голубую даль.
Улетел — и ветер не догонит...
Я стою одна на перегоне
И чего-то мне немного жаль.

Жаль, что милый только из окошка
Ясною улыбкой подарил,
Хоть бы задержался он немножко,
На минутку вышел на подножку
И о чем-нибудь поговорил...

В синем небе тают струйки дыма,
Пахнет степь цветами и травой...

Я пою: — Хороший мой, любимый,
Каждый день ты пролетаешь мимо.
Где же мы увидимся с тобой?

Как-то напечатали в газете
Рядышком его портрет и мой.
Я ношу с собою снимки эти.
Рада я, что он хоть на портрете
Неразлучно, навсегда со мной...

Станция теперь у нас большая.
Стала я диспетчером на ней.
Поезда сама я пропускаю
И нетерпеливо ожидаю,
Как примчится милый мой ко мне.

Да уж, видно, не везет влюбленной:
Вновь, как вихрь, промчался мимо он,
Долгожданный и неугомонный,
Он провел по «улице зеленой»
Скоростной тяжелый эшелон...

Путь ему сама я открываю.
И когда промчится он стрелой,
Доброго пути ему желаю,
И, как прежде, с грустью напеваю:
— Где же мы увидимся с тобой?

П. БЕЛОВ

Мы рисуем

У нас у всех карандаши
И краски под руками.
Рисунки будут хороши —
Вот посмотрите сами.

Рисует Галя голубей •
В небесной синеве.
Пуškai летят они скорей
К большой родной Москве!

Сережа ростом очень мал,
Но трудится и он.
Нарисовал малыш канал —
Великий Волго-Дон.
В пустыне вырастут сады,
Засеются поля.
Напьется досыта воды
Горячая земля.
А по каналу поплывет
Огромный пароход.
Когда Сережа подрастет,
Он сам пойдет во флот.

Андрюша улицу свою
Нарисовал в тетрадь.
Дома большие —
Как в строю.
Не трудно их узнать.
И «Москвичи»
И «ЗИСы» тут

Прносятся, гудят —
В любое место довезут
И взрослых и ребят.
Поют гудки,
Звенит трамвай,
И всем известно нам:
Здесь на прогулке не зевай —
Смотри по сторонам.
Володя тоже сел за стол.
Взял карандашик свой.
Здесь будет пограничный столб,
А рядом — часовой.
Вот в небе мчится самолет.
Сейчас увидишь ты,
Как зорко смотрит вниз пилот
На землю с высоты.
Нет!
Не пробраться к нам врагу!
Везде дозоры тут
И днем и ночью,
В дождь, в пургу
Границу стерегут.

Н а т а

В детский сад приходит Ната.
Говорят ей все ребята:
— Проспала ты!
— Опоздала!
— Неужели ночи мало?
Если все игру затеют,
Ната тоже в стороне.
Говорит:
— Я не умею.
Без игры не скучно мне.
А еще добавит Ната:
— Пусть я буду виновата.
Мы сегодня дружно пляшем,
Песни новые поем.
Нет, не зря ребята наши
Настояли на своем! —
Громче всех запела Ната
И сама пустилась в пляс...
И ни в чем не виновата
Больше девочка у нас!

Р А С С К А З Ы

Н. ТЕПЛОВ

У РЕЧКИ АЛЧЕДАТ

Ночью над угрюмой тайгой плавно, бесшумно падал первый снег. Побелела земля, в пушистую бахрому нарядились вековые кедры, помолодели, красуясь бравыми женихами возле гордых свечеобразных елок.

Легкий шорох...

Из древнего дупла выкатился маленький белый комочек — горноста́й. Прислушался, поводя черными кончиками маленьких ушей, попрыгал на месте, радуясь первому снегу, и пошел печатать лапками узоры по белой простыне.

Через маленькую, похожую на ручей, речку Алчедат, узенькой просекой рассекавшую тайгу, попробовал пройти по тонкому наросту льда, но лед затрещал, и горноста́й миновал речку по валежине, рухнувшей когда-то с берега на берег.

Теперь недалеко... Дунул встречный ветерок. Остро пахло горьковатым дымком человеческого жилья.

...Щель под стеной сарая. Быстрый нырок — и горноста́й в сарае.

На насесте дремотно переговариваются глупые курицы. Глаза зверька хищно загораются. Мелькает белая молния, и острые зубы легко прокусывают горло сонной птицы. Вкусно причмокивая, горноста́й жадно пьет теплую кровь... Прыжок! И вторая птица, не крикнув, захлопала крыльями...

Сытый зверек торопится назад в дупло.

Осторожный скребущий звук...

Зазевавшийся крот, чистивший свой подземный коридор, испуганно юркнул в глубину запасного хода, и тотчас же следом за ним — белая молния...

Неглубоко под землей, по извилистым ходам носятся черный и белый клубочки — разбойник-гость за хозяином.

...А над тайгой полосуется небо заря. За сизоватой тучей, за сеткой искристых снежинок всходит еще невидимое хмурое солнце.

Облизывая окровавленную мордочку, горностаи выглядывают из полузасыпанной норы. Отблески зари скользят по его пушистой шубке, розовый снег слепит бисеринки глаз... Поздно. Днем бегать нельзя. И белый комочек снова исчезает в норе.

Захар Ермаков только что вернулся с охоты. Дома его ждала неприятная новость. Захар еще не успел раздеться, как жена жалобным голосом начала рассказывать:

— Напасть на нас — да и только! Как уехал ты, в первую же ночь порешил нечистый хорь шесть курочек. На другое утро вхожу в курятник. Батюшки мои! Только две сидят. Еще восемь штук изничтожено, и у каждой будто иголкой горлышко проткнуто... А нонешней ночью и последних двух загрыз... Шестнадцать штук одну за одной... — и Авдотья дала волю давно просившимся слезам.

— М-да... — вздохнул Захар. — Ну, ладно, перестань. Как-нибудь проживем. Глядишь, фарт какой в жизни али в промысле будет...

Попив чаю, он молча почистил ружье, стал снова собираться в путь.

— Куда ты? — спросила заплаканная Авдотья.

— На промысел пойду.

Вышел, крикнул собаку Жульку, постоял у сарая, приглядываясь к следу зверька.

«Горностаи», — отметил про себя. Пес, тычась носом в снежок, мелкой рысцой пошел по следу горностая, чуть припорошенному с ночи.

Деревушка Судженка — малая, со всех сторон окружена тайгой. Небольшой взгорок обрезаются реченкой Алчедатом, по взгорку вразброс — с десятков избенок, а кругом — тайга, шумливая, в серебре штрихующих воздух снежинок...

След горностая цепочкой обогнул избу соседа ссыльнопоселенца Зелинского, мелкой стежкой прошел правый берег Алчедата и за огородами оборвался у норы.

Захар сделал круг: выхода нигде не было. Пес, всхрапывая, царапал лапами, вгрызался зубами в промерзший вход.

— Здесь.

Сняв полушубок, Захар смаху долбанул топором в смерзшуюся глину. Нора уходила глубже, двоилась ходами. Собачий нюх безошибочно угадывал направление, и с каждым новым куском разрубенной топором земли Жулька повизгивал все беспокойнее.

Вскоре нора ушла глубоко, стало неудобно рубить. Захар присел на край канавки, свернул цыгарку, жадно затянулся дымком.

— А все-таки не отступлюсь я от тебя... — вслух сказал он, обращаясь к норе. Отбросил окурочек и снова размахнулся топором.

Брызнули, разлетаясь, мерзлые комочки глины и вдруг топор свободно вошел во что-то черное масляно-скользкое.

Жулька с храпом рванулся в расширившийся проход, сжался, разгреб лапами масляно-черную россыпь и в зубах его затрепыхался снежно-белый комочек.

— Молодец, Жулька!

Захар удовлетворенно поглаживал серебристый мех зверька.

В открывшемся гнезде лежал и обезглавленный крот.

Захар уже хотел уходить, но масляно-черная земля привлекла его внимание.

«Может, жила какая залегла тут?» — подумал он и, присев на корточки, долго растирал на широкой грубой ладони рассыпчатые комочки.

— Уголь, кажись.

Запустив в рыхлую холодную массу всю пятерню, нащупал что-то твердое. Вытащил. Камень.

— Уголь и есть! — от радостного волнения Захар обомлел.

Ссылнопоселенец Дмитрий Зелинский, строгавший у верстака доски, встретил Захара, как всегда, приветливо.

Он внимательно осмотрел черный кусок, находку охотника, и, радостно улыбаясь, подтвердил:

— Уголь это. Каменный уголь. Где разыскал-то?

— Да тут недалеко, за огородами...

Захар растерянно помигал глазами, спросил:

— И что теперь с ним делать?

— Как что? Копи угольные открывать здесь надо. Но на это капиталы большие нужны. Разве с купцом каким договориться, в акцию возьмет тебя. Только навряд ли. Следовало бы обождать тебе. Станет народ хозяином — сгодится народу.

— Когда же это будет?

— Время покажет...

— Стало быть, долго ждать-то...

Так ничего и не решив, ушел Захар от Зелинского.

Но туманное, непонятное слово «акция» крепко запало в его душу.

Вечером за ужином Захар сказал жене:

— Слышь, Дуняшка, а что, если я смоताюсь в Томск да с купчишками посоветуюсь? Митрий сказывал, что и в акцию могут принять. Копи разрабатывать совместно. Как с отыскателем.

— Езжай, Захарушка. Езжай. Авось, повезет... Да смотри, как бы не обманули тебя. Купцы, они эдакое любят, дорогое да доходное.

Одобрение жены подбавило Захару решимости. Встал. Тяжелой медвежьей походкой прошелся по избе.

— Приготовь чего-нибудь там в дорогу. С рассветом тронусь. Фарт в жизни не каждый день попадается. Надо попытаться...

На утро, заложив сани, выехал на своей старенькой лошаденке в Томск.

Лысый, горбоносый немец Отто Зейман, управляющий владельца Михельсона, сидя за столом в своем богатом кабинете, писал в Петербург хозяину докладную о ходе заготовки древесины, когда вошедший служащий конторы доложил ему о том, что с ним просит свидания по важному делу мужик Захар Ермаков.

— О! Важный тел! Что мошет говорить рюсски мушик по вашный тел?..

— Не могу знать, барин. Секрет, говорит.

— О, секрет! Посвать!

Вошел Захар. Неловко помявшись, снял шапку.

— Какой вашный секрет имеет герр Ермакофф?.. — поправляя пенсне, склонил голову на бок управляющий.

— Да вот камень нашел, углем прозывается.

Захар подал немцу завязанный в узелок кусок угля.

— Место такое знаю, где камня этого тьма.

Управляющий придирчиво осмотрел камень, колупнул ногтем лоснящиеся кристаллы. Лицо его подобрело, расплылось в лстывой улыбке. Пенсне сползло с носа.

— О! Герр Ермакофф! Ви есть замечательный рюсски открыватель! Ви есть наферно сам знаменитий потомок великий Ермак?! Прощу садиться, герр Ермакофф!

Захар напряженно взвешивал свое положение. Очень уж вежливо обходятся с ним. Видно, находка его и в самом деле

важная. Одно смущало — непонятное прибавление «герр». «Обзывает, поди, непотребно, чертов немец». Но решил твердо: не продешевлю! За зря не укажу место.

Оценивал обстоятельства и немец. Он, несомненно, проведет этого мужика, он напишет своему хозяину, что потратил громадные средства на изыскание каменного угля, обманет и хозяина, и положит деньги в карман. А с открытием угля — в этом он, Отто Зейман, уверен — в карман его ляжет еще более изрядный куш. До Петербурга далеко...

— Итак, герр Ермакофф, я вам даю за ваш хороши находка тысяч рублей!

Захар подумал, холодно отрезал:

— Камень отдам за тысячу, а место не укажу.

Глаза управляющего сверкнули через пенсне ехидным огоньком.

— Герр Ермакофф, наферно, думайт, что он нашел алмаз? Камень — не нужно! Нужно показаль место!

— Место покажу, если тысячу чистыми и в компанию меня возьмете, — упорствовал Захар.

— О, нет! О, нет, герр Ермакофф! Пять тысяч даваль! Компаний не можно.

— Не можно, так другому продам, — стоял на своем Захар.

Богатый куш уходил из рук. Лицо немца передернулось.

— Герр Ермакофф! Десять тысяч! — и на стол перед Захаром плюхнулись хрустящие пачки денег.

Десять тысяч... И во сне такая сумма не снилась... Представились сияющие радостью глаза Дуняшки, вольготная жизнь... К чорту все компании, пока не поздно!

— Место, место, герр Ермакофф!

Захар расслабленно сел, облизнул пересохшие губы, заговорил:

— Место вот где. Так с полверсты от Судженки, правый бережок Алчедата-речки, прогал там еще такой. Вот там. Приедешь — сведу на самое место.

Немец улыбнулся.

— Герр Ермакофф должен подписать бумага, что он не есть меня обмануль..

— Давай!..

И когда Захар вывел мудреные каракули, немец просиял:

— О, майн гот! Герр Ермакофф есть сегодня лютчий богатый человек. Можно брать десять тысяч.

Не торопясь, как подобает хорошему дельцу, Захар укладывал деньги по карманам.

Немец следил за ним, слащаво улыбаясь.

— До свиданье, гер Ермакофф. Скоро надо ожидайт мой экспедиций.

И только скрылась за дверью спина Захара, нажал кнопку звонка.

Вошедшему служителю приказал:

— Этот мушик надо накормить. И... — покрутил пальцем у виска, — немножко задержайт. — Подумав, добавил: — И позвайт ко мне приказчик Сафрон.

Взглянул за окно. Там уже начинала чуть высеиваться легкая синеватая муть вечера.

Вошел Сафрон, хмурый детина с обвисшими баками на щеках, преданным собачьим взглядом уставился на немца.

— О! Друг Сафрон! — громко приветствовал тот. Потом вышел из-за стола, приблизился вплотную и, глядя снизу вверх, зашептал: — Надо узнавайт, какой дорога ездаль домой Ермакофф. И еще надо приготавлийт легкий санка и штуцер. Сегодня будет самый лютчий охота на десять тысяч!

— Понятно... — буркнул Сафрон.

Незаметно и ночь подошла — темно стало.

Иркутский тракт, начинающийся у Томска, широкий, прямой. До дома уже недалеко, и Захару не терпится — на крыльях бы летел сейчас к Дуняшке, радостью поделиться.

Ни подарков не покупал, ни копейки не пропил. Боялся, не запить бы. То ли дело выложить пачками деньги перед опешившей женой! Радоваться так сообща...

Порошит редкий снежок. Отдохнувшая лошаденка трусит легкой рысцой, дремотно покачивается в санях Захар. Заманчивые видения мерещатся Захару. Погладил бороду, тронул карманы. Вот они! Десять тысяч! Пустить в дело — хороший оборот будет. Лошадей купить, корову, лавчонку какую там открыть...

— Жулька осчастливил меня. Он, песик... Ошейник ему закажу. Наборный, серебряный.

Сзади послышался залиvistый звон бубенцов.

«Почта», — подумал Захар и свернул к обочине, уступая дорогу. Легкая кошовка поравнялась с санями Захара. В кошовке двое. Раскатисто грохнул выстрел, боль обожгла грудь. Захар качнулся, прижал руки к груди, но они сами безвольно раскинулись.

— Г-галы! — выдохнул он, и голова его безвольно склонилась на отводину саней...

Лошаденка Захара всхрапнула и медленно повезла затихшего хозяина сквозь сито равнодушно летящих снежинок — неведомо куда...

К полуночи ветер забушевал с небывалой силой. Угрожающе заухала, застонала тайга, с протяжным шипением и свистом захлестались вершины, вместе со снегом посыпалась на землю колючая хвоя.

В начавшуюся непогоду притихла, затаилась таежная деревушка Судженка и только поблизости где-то по занесенной снегом дороге, задыхаясь от ветра и усталости, движется одно живое существо — лошадь с неподвижно лежащим в санях человеком.

А вьюга воет, кружит, беснуется. Тайга гудит и стонет...

Поздно вечером в сенную дверь Дмитрия Зелинского постучался кузнец Никита Дымов.

— Открой, Митюха! — отозвался он на окрик хозяина. — Благодарствие возносить пришел к тебе!

В дубленом меховом полушубке, в больших, выше колен, пимах кузнец ввалился в избу, внося с собой холодный уличный воздух.

— С благодарствием я к тебе, — повторил он, отряхивая забитый снегом воротник, и дремучие глаза его с в'евшейся в морщинки вокруг них неистребимой копотью увлажнились в лукавой усмешке.

Расстегнув полушубок, достал из-под полы до горлышка наполненную четверть самогона, протянул Зелинскому:

— Держи.

— По какому это случаю, Никита? — удивился тот.

— А по такому, Митрий: уж больно ты, парень, доброе дело сделал для меня. Камень этот, уголь, что присоветовал мне, ух, как хорош! Да ты где-нибудь посадил бы меня, — добавил Никита, оглядываясь, на что бы присесть.

Зелинский пододвинул гостю единственный табурет, начал растапливать печку.

— Так ты что, на каменном угле нынче работал что ли?

— Пробовал, Митрий. Как сказал ты мне про него, поехал я к Алчедату да и поднагрузил целый короб. Привез. Правда, малость железок попортил на нем, перекалил с непривычки, а к вечеру приноровился.

Кузнец шумно вздохнул и продолжал:

— Добро это, Митрий. Подумать только, этакая штукови-на рядом лежала, а я двадцать лет на древесный уголь время трачу да деньги плачу углежогам. Тут ради такого случая можно и ведерко самогонки распить. Наливай-ка по стакашку.

— Верно, Никита. За удачное начало и выпить не грешно будет.

То ли с мороза, то ли от удовольствия кузнец крепко потирал заскорузлые, как подошвы, ладони.

— Да, по правде, какой в этом грех. Вон даже в святом писании сказано: «Хоть ложку на ложку сменяй, лишь бы магарыч выпить». Так-то, Митрий, — попытался приврать любивший выпить Никита, но хозяин оборвал:

— Ну, это ты, брат, зря. В писании, пожалуй, нет такого изречения...

— Как нет? Должно быть, раз люди эдак говорят.

— Ну, то люди, а там апостолы. Пей-ка лучше...

Помолчали. За окном гудело, выло, свистело. Стегали в окна ледяные колючки снега, поскрипывали ставни. Взметывая огоньки, бросала тени по стенам маленькая чугунная печурка.

Вдруг сквозь посвист ветра глухо донеслось жуткое завывание собаки, окончившееся яростным лаем.

— Эк разбирает ее, — заметил кузнец, наливая по второму стакану и прислушиваясь. — Хлопни-ка еще, Митрий. От души угощаю, потому как ты крепко уважил меня. Угроздило же тебя богатство такое отыскать... Завидую я тебе. Башковитый ты...

Взгляд Зелинского задумчиво и строго скользнул по лицу кузнеца.

— Зря ты меня расхваливаешь, Никита. Не я нашел каменный уголь. Это Захара Ермакова открытие. От него я узнал. А тебе сказал потому, что он в Томск уехал со своей находкой, стало быть, все равно другие пользоваться будут...

— Вот оно что... А давно уехал-то?

— Пятый день уже нет его...

— Как думаешь, сговорится он там?

— Думаю, что сговорится.

— Ну, и ладно, как повезет. Тоже в нужде бьется человек, а дело нашему брату, кузнецам, хорошее открыл.

Никита помолчал, потянулся было снова к четверти и застыл в настороженной позе: снова, уже близко и явственно, прорезал завывание ветра собачий вой.

— Эк ее... — сказал опять кузнец и быстро поднялся. — Ну, прощай пока, Митрий. Как-нибудь забегу еще. Утром угля захаркиного с коробушку привезу да за работу возьмусь. — И, нахлобучив шапку, вышел.

На улице сильный порыв ветра чуть не сбил с ног. Перемешанный со снегом воздух клубился, спирал дыхание. Тропинку замело. Никита провалился в сугроб, чертыхнулся, покрепче запахнул воротник полушубка и пошел, прямо на смутно чернеющую в темноте соседнюю избу.

Он был уже в нескольких шагах от своего дома, когда не-
подалеку из тьмы выплыл контур лошади.

«Захар приехал», — подумал Никита и замер. От саней в
уши резанул протяжный тоскующий вой собаки.

Черным клубком собака отскочила от лошади и, коротко
взлаивая, остервенело заскоблилась в дверь избы Ермаковых.
Авдотья вышла на улицу в валенках на босу ногу, с накинну-
той на плечи шалью. Поежилась от ветра, вгляделась, радост-
но вскрикнула.

— Приехал! Ох, непогодь-то какая!..

Пес иступленно взвыл, встал на задние лапы, но тут же
словно опомнился, зубами ухватился за подол платья и, вино-
вато повизгивая, потянул Авдотью к саням.

«Что-то с Захарушкой...» — мелькнуло в голове Авдотьи.
Широко открытыми глазами глянула она в сани и обмерла.

Захар лежал, разметавшись в санях, неловко повернув на
отводину голову, а в волосах и в глазницах его белел натаю-
щий снег...

— Захарушка! Милый... Осиротил ты меня!..

Охнула, простонала Авдотья, бросилась на окостеневшее
тело мужа, кликушей забилась в безысходном горе, в голос
завыла.

— Захарка! Ну, встань. Встань, родной мой... скажи хоть,
какая рука навела на тебя кару этакую!..

— Поплыли зеленые круги в глазах, в ушах запел на раз-
ные голоса невидимый похоронный хор. Это Жулька да безжа-
лостно секущий ветер вплелись подвыванием в голос Авдотьи,
не чувствующей колючего холода, пронзающего полуодетое
тело.

— Захар... Захарушка... Сокол мой...

— Будет, Авдотья! — Дымов тронул плечо женщины. —
Поплакала и будет. Не убивайся. Не сможешь. Не вернешь
его. Себя только изведешь... Пойдем-ка в избу, не то замерз-
нешь. Эх, жисть наша...

Зло выругался и всю трепещущую унес Авдотью в избу.
Распряг лошадь, внес Захара, уложил на лавку, укрыл. По-
том привел к Авдотье древнюю старушку Макариху и, придя
домой, сгорбленный, пришибленный просидел, не смыкая глаз,
до утра...

К утру выюга приутихла. Рваные клочья туч торопливо
уползали к северу, кое-где в оголенной синеве неба мерцали
сиротливые звезды.

Весть о смерти Захара вскоре облетела всю деревню. Строи-
ли всякие догадки, расспрашивали друг друга, но никто ни-
чего не знал.

На другой день, придавленный внутренней тяжестью, кузнец накормил в суматохе всеми забытую лошадь Ермаковых и, надеясь хоть немного рассеяться в работе, собрался за углем.

На прогалине, чуть севернее того места, где Захар обнаружил уголь, пласт выходил на поверхность. Здесь Никита и раскопал небольшой карьер.

Яростно разбивая пешней куски угля, Никита и не заметил как быстро короб наполнился до краев. Не хотелось возвращаться туда, где со вспухшими от слез глазами скорбит Авдотья о своем уже похороненном Захаре.

Мучил вопрос: кто это сделал? «Дознаюсь — пришибу» — думал Никита.

Воткнул в уголь пешню и, не зная на чем еще сорвать накипевшую ярость, полоснул черенком лопаты задремавшую лошаденку.

— Н-но, несчастная!..

Змеей петляя по увалам и взгоркам, запорошенная снежной бурей, в стороне от большого Иркутского тракта вдоль нескончаемой стены глухо шумящей тайги тянется проселочная дорога. Близок ли путь, далек ли? Неведомо. Ни полосатых верстовых столбов, ни проезжего мужика, ни пешехода. Изредка только на пути где-нибудь сбоку останется прижатая к тайге деревушка, пересечет дорогу исполосованное межами поле, и снова шумит над головою тайга да змеится-вьется пустынная дорога.

Скрипят полозья легкой кошевы, мерно перезвякивают колокольцы. Местами дорога переметена сугробами, пара добрых, впряженных гуськом лошадей, притомилась, однако Отто Зейман недавней метелью доволен. Ни следа, ни знака не осталось от той ночи, когда он покончил с этим открывателем Захаром Ермаковым. Чисто сработано.

Закутанный в собачью доху, из воротника которой виден только горбатый нос, болтаясь в кошеве, немец туповатым взглядом смотрит в спину мрачного детины-кучера, покрикивает:

— Шнель! Бистрее, друг Сафрон!

Немец в хорошем настроении. Вчера прилетела из Петербурга ответная телеграмма от Михельсона с приказом начать подготовку к разработке угольных копей. А у Отто Зеймана все уже готово. Следом за ним выехала горно-разведочная партия и артель лесорубов, а через день отправятся плотники — рубить бараки. И начальник всему он. Тут только разворачиваясь — деньги сами в карман потекут...

Мелькают по сторонам могучие хвойные деревья. День погожий, и солнце сеет над тайгою белесое ровное сияние. Звякают колокольцы. Скрипят полозья.

— Скоро, друг Сафрон?

— Скоро... — бурчит приказчик и вытягивает кнутом лукавящую пристяжную. Та рванула, и вот сразу же из-за поворота таежной дороги выскочила деревушка Судженка.

Впереди, навстречу немцу, нахлестывая лошаденку вожжами, везет короб угля Никита Дымов.

Поравнявшись с возом Никиты, он быстрым движением перегнулся через борт кошевы, острыми зрачками прицелился через пенсне в короб с углем и вдруг закричал дико, гортанным голосом:

— Стой, друг Сафрон! Ошшень большой дело есть!

Колокольцы умолкли.

Путаясь в полах тяжелой дохи, управляющий подскочил к Дымову, зычно выкрикнул:

— Всталь!

Натянув вожжи, Никита остановился, смерил незнакомца полным спокойствия взглядом:

— Чего тебе?

— Кто разрешайль хищно воровайт уголь у господин Михельсон?

— У кого? Я из земли его выдрал. Ничей он.

— Я повторяйль. Уголь есть принадлежайт господину Михельсон! Ви есть вор! — взвизгнул немец.

— А ты кто, что со своими указами лезешь?..

За стеклышками пенсне блеснула зеленоватая муть.

— Я есть Отто Зейман! Понимайт?

— Что немец — понятно, а боле ничего...

— Я есть управляющий господин Михельсон!

Искра догадки промелькнула в голове Дымова.

— Управляющий... — задумчиво повторил он. — Из Томска что ли?

— Да, да! Томск — мой резиденций!

— В таком разе, не ты ли это Захарку Ермакова прикончил, — глядя на немца в упор, спросил Никита.

Отто Зейман вздрогнул, потупился и быстро забормотал:

— Я не может знайт никакой Захар Ермакофф...

От Дымова не ускользнуло замешательство немца. «Он убиваец, он». От этой мысли Дымов с минуту не в силах был что-либо вымолвить.

— Так какой же черт тогда рассказал тебе про уголь!? Кто, если не он?

— Ты будет показаль! — завизжал немец.—Ты будет выплачивай штраф, ты, мушик, вор и... .. как это... душегубка!

Задохнувшись приступом злости, Дымов скрипнул зубами, дремучие глаза его полыхнули гневом, ненавистью.

— Ты, слышь, брось это... твоё препохабие, — глухо выдавил он, надвигаясь на немца.—Слышишь? Не попрекай меня, коли сам убивец Захаркин!

Зима 1893 года выдалась на редкость снежная, но теплая. С самой осени лег на землю глубокий снег. Глухая тайга купалась в его холодной голубоватой россыпи. По временам в такие безветренные дни слышался в ней звучный треск. Это ломались от непосильной тяжести липкого снега распростертые лапы старых кедров. Но налетит, ударит по верхушкам ветер, зашумит, встряхнется от груза тайга и снова вздымают к небу свои мохнатые ветви вековые стволы. И еще бы века им стоять, да всему на свете конец наступает...

В начале зимы пришли сюда артели лесорубов, пильщиков, плотников. До пояса проваливаясь в снег, шаг за шагом прокладывали они в чащобах проселки — разметки. Визжали пилы, стучали топоры, с гудением и треском падали мощные деревья-исполины.

На грани, отсекающей большую площадь леса, встали клейменные столбики, а сама площадь расчленилась на десятки квадратов и прямоугольников. Первым было отмечено место, где Захар обнаружил уголь. На углах каждого квадрата выросли высокие столбы, обозначающие: «Первый отвод», «Второй отвод», «Третий», «Пятый», «Десятый»... А там, в центре каждого квадрата, рабочие артели уже пилили тес, возводили бараки, пробивали шурфы.

Тайга дрожала, гудела разногласием и никла, как трава под острой косою. От множества дымных костров плавало над ней негасимое марево. В морозные ночи, когда всходила луна, уже не сияла тайга как раньше, а плыла в радужной туманности, в которой зловеще вычерчивались зубчатые верхушки поредевшего частокола деревьев. Самая широкая просека излучиной уходила на восток от Судженки, и на ней тоже появились столбики с каленой надписью: «Желдорпроект».

Невиданное скопище людей закопошилось на этом небольшом клочке земли.

Из окрестных и дальних деревень шел сюда обнищавший, оборванный люд, шел свободный на зиму от полевых работ мужик, шел в поисках заработка, привлеченный общою суетой, искатель счастья.

Тайга оживала.

По горло заваленный работой, выполняя заказы на поковку кайл, багров, крючьев, с утра до ночи грохотал молотом в своей кузнице Никита Дымов.

Ждал — ни сегодня так завтра расправится с ним управляющий. Уголь украл, нагрубил, чуть не ударил даже — мало ли что могут там притянуть...

Но немец не торопился.

«Этот мушкетер не уйдет», — думал он. И не миновать бы Никите расправы, да случай избавил.

Среди рабочих с каждым днем росло недовольство. Обманутый, обсчитанный штрафами, прозябавший в тесных наспех сколоченных бараках, народ озлоблялся, роптал на управляющего:

— Пристукнуть его, суку, и концы в воду...

— Правильно, — поддерживали артельщики. — Видать, на эту яму не напасешься хламу. Прибить, только бы момент подходящий...

Удобный случай подвернулся вскоре...

Вели просеки. На пути лесорубов встал могучий в три обхвата дуплистый кедр.

— Эдакую махину пилой не возьмешь...

— Ясно дело, не хватит пилы, — переговаривались люди, собравшись у ствола.

— Топором его и думать нечего!

Раздвинув собравшихся, к кедру подошел молодой, красивый здоровяк Митька, по прозвищу «Леший», с детства живущий в тайге с топором за поясом, славящийся умением за двадцать шагов всаживать топор в древесину.

— Таковую свечку раз плюнуть да раз клонуть — и слетит, — заявил он.

— Ну, тебе-то чего проще!

— Один повалит!

— Да он, робя, и в сам деле один хочет повалить!

— Гляди, аж поджилки с азарту трясутся! — загалдели артельщики.

— И повалю — крикнул Митька.

— Упаришься!

— А вот посмотрим! — Митька стукнул обухом топора по комлю, приказал:

— Ну-ка, складывайте топоры ко мне!

Когда каждый отдал свой топор, он, окинув всех вызывающим взглядом, отошел назад, плюнул в ладонь, крикнул и, коротко взмахнув, швырнул первый топор. Ствол кедра

ровный, прямой, без сучьев и только на верхушке кудрявая зеленая шапка. Топор кувыркнулся несколько раз в воздухе и врубился, глубоко войдя в стволину.

— А ну, еще!

И второй топор воткнулся точно под первым.

Через несколько минут все пятнадцать топоров ровной дорожкой торчали в стволе, сверху вниз.

— Вот это ловкач! — ахнули артельщики.

— Да с такой сноровкой тебе сам черт не страшен!

— Черта я не боюсь, а вот управляющий у нас тово... занозистый... Ободрал меня вчера на полмесяца штрафом...

— За что это он тебя?

— А согрубил я ему. Эх, да мы еще посчитаемся!.. — и, крикнув, Митька всадил топор под корень.

Действовал он умело. Стоя вплотную возле ствола, вырубал косую дорожку. Топор свободно, казалось, без усилий входил в сырую древесину. Пахло смолою.

Вся артель, любуясь ловкостью Митьки, расселась тут же на снегу.

Мужики вынимали из карманов заолодевшие краухи, с аппетитом уплетали их.

Подрубленный с двух сторон, кедр тяжело покачивался. В это время на просеке появился Отто Зейман. Завидев сидящих рабочих, он еще издали закричал, показывая рукою на высоко торчащие топоры:

— Штраф! По три день штраф! Кто разрешайт сидеть? Кто есьт бросаль на макушка топор?

Мужики вскочили.

Кедр в это время охнул и, свистя верхушкой, плавно понесся на растерявшегося немца. Грохнулся оземь, взыграл кверху и взвихрил в воздухе целое снежное облако.

— Берегись! — прозвучало запоздалое предупреждение. И сразу разногласо понеслось по тайге:

— Человека прибило!..

Вместе с прибежавшим десятником рабочие вытащили управляющего из снега.

— Сам на погибель пришел, ровно сом из воды вынырнул!

— шумели лесорубы.

Пригнали кошеву, уложили в нее управляющего, и верный ему приказчик Сафрон в тот же день умчал его в Томск.

— Скатертью вам дорожка, супостаты! — напутствовали мужики.

...Никита Дымов, узнав про этот случай, не удивился, сказал только:

— Давно бы эдак-то...

Возвращаясь как-то домой, кузнец с берега окинул взглядом тайгу.

В морозном воздухе плавала сизая дымная мгла, на вырубках и прогалинах слышался дробный перестук топоров, визжание пил. А от пади с извилистой речкой Алчедатом и дальше к северу и западу до окрестных деревень Щербиновки и Лебедянки уходила иссеченная полосами тайга и по ним — метки, метки, столбики...

Никита хмуро огляделся кругом.

— Столбики... Ишь ты, застолбили, как волка флажками обложили... — и зло сплюнул.

А тайга тонула в дымном мареве, человечесьей силой стираемая с лица земли...

И. ЧЕРНОВ

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ

I

Размеренно выстукивают колеса, двумя живыми змейками бегут рельсы назад. Давно промелькнул Урал с его столбиком «Европа — Азия». Тянется без конца слегка всхолмленная равнина Сибири. Она сбросила снега и нежится под лучами еще нежаркого солнца, пестрит зеленью вперемежку с рыжей прошлогодней стерней, огромными черными плешинами осеннего пара уходит за горизонт. Кое-где мелькнет бурыми ветками белоствольная березовая роща, сизоватым пятном вспыхнет и исчезнет осиновый колок и снова поля, поля, без конца и без края. Огромные вспаханные массивы и нетронутая вековая целина. То там, то здесь ползают тракторы. Их много, но степь так обширна, что они теряются среди ее необозримых пространств.

Необыкновенный поезд — два пассажирских вагона и семь товарных — мчится вперед, с грохотом проскакивает мимо будок, станций и полустанков, лишь на крупных узлах останавливается ровно на столько времени, сколько надо, чтобы сменить паровоз. Но Андрею Голубцову кажется: они едут слишком медленно. Нетерпеливо потирая руки, он стоит у раскрытой двери товарного вагона, плотный, широкоплечий, словно врос крепкими ногами в подрагивающий пол. Прищуренный глаз жадно меряет взглядом безбрежный простор, и целинные массивы кажутся неправдоподобными после орловской тесноты.

— Эх-ма... земляца...

С ветром врывается нагретый воздух, несет с собою возбуждающие запахи весенней земли. Да, здесь есть где разгуляться.

В глазах Андрея молчаливый вопрос:

«А где же снега, которые до самых труб заносят избы? Где же непроходимая тайга, буреломы и чащи?

Неужели эти обжитые места и солнце и есть настоящая Сибирь? Совсем не такой представлял он ее себе».

В теплушках жарко. Тоскливо мычат коровы, тянутся к раскрытым дверям, перегороженным жердями. Влажные ноздри глубоко втягивают воздух. Равнодушно лежат овцы, укачанные за дорогу. Стоят кадки, кадушки и другой немудрящий домашний скarb. На низкой скамейке сидит старушка с пожелтевшим старчески морщинистым лицом. Беспокойно бегают живые, еще непотухшие глаза. На ней желтая длинная шуба-барчатка, отороченная черным мехом, на голове — шаль. Старушке жарко. Андрей Голубцов снял фуражку, придерживая рукой растрепанные ветром волосы, сказал сдержанно улыбаясь, через плечо поглядывая на старуху:

— Разденься, бабушка.

После войны они остались только двое. Когда Андрей вернулся из партизанского отряда, оказалось, что вся семья его погибла, только чудом уцелела бабушка, и теперь Андрей не расставался с ней. Она подняла лицо, снизу вверх поглядывая на внука, ворчливо ответила:

— Разденься...Сибирь, чай...

Бабушка низко наклонилась к корзине, где лежали со связанными ногами куры, ласково погладила их маленькой высохшей ладонью, беззвучно, одними губами приговаривая что-то. Куры моргали, неувовимо быстро закрывая глаза, настороженно пружинили вытянутые вперед шеи. Когда бабушка подняла руку, они остро и выжидательно посмотрели на нее.

— Птицу и то умаяли. Несет куда-то за тридевять земель. Маленькую Сибирью пугали, а внученок и въявь везет, — горбясь и не поднимая головы, недовольно проговорила бабушка.

Андрей видел, что она устала, ее растрясло, тяжелая шуба отдавила плечи, и бабушка уже забыла, что сама никому не давала покоя и торопила с выездом, когда вернулся ходок и рассказал, как его встретили сибиряки, как зажиточно живут они и какие благодатные места у них. Андрей, потирая щетинистый, небритый подбородок, подошел к ней, неумело по мужски поправил шаль. Ему было и жаль ее и было смешно, что она, изнывая от жары, боится снять шубу. В глазах его метались, бегали искорки, ележка подрагивали в уголках полные, плотно сжатые губы.

— Может, приляжешь? Или в пассажирский перейди.

— Как же, перейди. Все добро здесь, а я буду где, — упрямо твердила бабушка, — ты вон и курок не хотел брать.

— Как же не хотел? И кур взял, и даже коромысло положил, — сдерживая улыбку, уговаривал ее Андрей.

Потом она все же разделась и легла на разостланную постель. Андрей прикрыл ее, заботливо, чтобы не поддувало, подоткнул под матрац одеяло и, вернувшись к двери, облокотился на перекладину. Настроение его было приподнято. Он приблизительно высчитал, сколько еще надо ехать. Вышло около двух суток. Значит, через три — четыре дня можно опять, как там, на Орловщине, садиться на трактор, вслушиваться в ритмичные выстуки мотора, вдыхать сыроватый запах земли. Андрей любил машину, любил работать в степи, до краев переполненной солнцем. Ему показалось, что он уже слышит знакомый острый запах отработанного газа. Взгляд его ревниво следил за далеким трактором, черным жучком, уползающим в сторону. Андрей вспомнил, что говорил секретарь райкома, когда погрузились в вагоны, и крепче сжал зубы, так что под кожей обозначились желваки.

Да, да, прохладиться некогда, сразу же за руль. Не в гости едут и не баклуши бить. Пусть посмотрят, как работают орловские.

От Новосибирска дорога свернула на юг, в Кузбасс. На горизонте то и дело от шахтовых и заводских труб низкими темными тучами расплзался дым. По соседней линии в клубах пара, обдавая ветром, с шумом и грохотом стремительно проносились поезда со штабелями леса, с чугунными болванками, с рельсами, с углем. Их было столько, что на них перестали обращать внимание.

II

Председатель колхоза Николай Николаевич Вяткин, грузный, атлетического сложения, с черной, окладистой бородой, которой он очень гордился и которую для такого случая особенно тщательно расчесывал, прохаживался вдоль линии, нетерпеливо постукивая кнутом по голенищам до блеска начищенных сапог. Слежавшиеся складки наспех выглаженного костюма выдавали, что костюм этот из ящика вытащен недавно и что надевается он не часто.

Вяткин был явно не в духе: он хмурился, то и дело поправлял фуражку, пощипывал бороду. Только что закончился довольно бурный разговор с начальником станции. Дело в том, что поезд хотели загнать к товарному складу, председатель же доказывал, что хотя вагоны и товарные, но ведь едут-то пе-

реселенцы, гости, и не просто гости, а люди, которые через день-два будут хозяевами. Как же можно встречать их где-то на задворках? Начальник, наконец, сдался, но председатель все еще продолжал возмущаться, повторяя про себя:

— Вот бюрократ! Ну и бюрократ!

В отдалении стояла грузовая автомашина, обитая приветственными лозунгами, толпился народ. Здесь были и члены правления, и просто колхозники, и еще какие-то люди, судя по всему—городские. Обособленно шумливой стайкой держались пионеры, делегация школы, приехавшие встретить своих сверстников. Вожатая старалась их выстроить, чтобы встреча вышла торжественной, но никакой торжественности так и не получилось: едва поезд подошел к перегону, как из вагонов, не обращая внимания на встречающих, выскакивали люди. Всюду стоял мягкий с придыханием певучий орловский говор. На землю посыпались стулья, чемоданы, узлы и узелки. Замычали коровы, тревожно перекликались овцы, по сходням, встряхивая рогами, важно сошел козел.

Председатель направился вдоль поезда, отыскивал старшего, недовольно хмурясь: так и пропала заготовленная им речь. Пионеры не выдержали и тоже бросились к поезду. Белые рубашки и красные галстуки замелькали в вагонах. Вот один, красный от натуги, помогал стаскивать об'емистый ящик, другой — в общую кучу тащил пустую кадку. К бабушке вскочила девочка.

— Где помогать?

И, не дожидаясь ответа, схватила корзину.

— Куда, куда? — тревожно замахала руками бабушка, загораживая дорогу.

— Я помогать... — растерянno остановилась девочка.

Перевозка заняла целый день, и целый день Николай Николаевич был на станции, рассаживал людей, командовал. К вечеру дошла очередь до Андрея. Бабушка, все в той же желтой шубе-барчатке, стояла у машины, зорко наблюдала все ли укладывают и как укладывают. Наверху, в кузове, стоял молодой парень-сибиряк, в выцветшей, вправленной под брюки гимнастерке, весело покрикивал:

— Давай, да-в-ай!

Когда ему подали деревянную кровать, он выставил вперед руки, с притворным ужасом отскочил в сторону.

— Ай! Это что такое? С малых лет такого чудовища не видывал!

Потом осторожно взял ее, с преувеличенным любопытством осмотрел со всех сторон, даже сделал вид, что пробует на зуб, и протянул понимающе:

— Ясно! Племенной клопопитомник...

— Не скаль зубы! — сурово отрезала бабушка.

— Нет правда, бросим ее, бабушка, а? Или в музей сдадим, а то у нас забыли уж про такие!

— Не скаль, говорю, зубы! Молод...

— Во-он, бабушка, видишь? — показал парень на видневшиеся поверх домов задымленные трубы металлургического завода, сибирского первенца. — Там, знаешь, какие делают? Металлические, с сетками! Хоть завались.

— Замуж выходила, спала на этой и умру на ней.

А парень, не слушая ее, уже высоко над головой, как дубинкой, размахивал надтреснувшим коромыслом...

— Ого! И растопка приехала.

— Тебя зачем прислали? Слазь оттуда, — вскипела бабушка, безуспешно пытаясь влезть в машину.

Парень увидел, что переборщил и умолк, только проговорил скороговоркой, примирительно:

— Оно, конечно, баба без коромысла, как хлеб без соли.

Когда, наконец, все было закончено, машина, натруженно урча мотором, плавно покачиваясь на выбоинах, медленно выползала на шоссеюную дорогу. Андрей снял пиджак и без фуражки, слегка нагибаясь вперед и придерживаясь за кабину, стоял в кузове. Он засучил рукава, расстегнул ворот. Теплые волны стремительно врывались под рубашку, выдували ее горбом, мягко обтекали мускулистое, сильное тело.

Небольшой город, прижатый к невысоким, но крутым плосковерхим горам Салаирского края уходил назад. Навстречу с частыми перелесками бежали поля, ровные, как стол. В отдалении темнел сосняк, виднелись березовые рощи. Бурели ветки деревьев, мощной силой наливались почки, готовые вот-вот лопнуть и выбросить первые листики. Неудержимо тянулась вверх упругая щетина травы, скромно желтела стародубка; белые, синие вкрапины ветреницы пестрели в низинах.

Дрожал над увалом нагретый воздух, паром исходила земля, в незаметном, но бурном весеннем томлении рождая новую жизнь. Все жило и все радовалось горячему солнцу.

Губы Андрея были плотно сжаты, возбужденно блестели глаза. Его внимательный взгляд впивался в тучные отливающие матовым блеском пласты весенней пахоты, бродил по светлозеленой поросли ржи, конца которой не было видно, подолгу останавливался на прошлогодней кошенине.

— А покосу, покосу-то! — не в силах сдержаться, выдохнул Андрей.

— А у вас что — нет? — равнодушно спросил парень.

Сибирский крестьянин привык все измерять сотнями и тысячами гектаров, поэтому родные просторы он воспринимает как должное.

Андрей не ответил, все так же пристально вглядываясь в окрестности. Он уже не просто любовался, как там, когда только что перевалили Урал. Ведь это его поля, поля колхоза, членом, а значит и хозяином, которого он завтра будет.

Когда в'ехали в деревню, первое, что бросилось Андрею в глаза — это крепкие, крытые тесом избы, в большинстве новые, и все тот же, что и в поле, простор. Широкие улицы, широкие усадьбы.

— Живе-е-те, — неопределенно протянул Андрей, обращаясь к грузчику.

— Что? — Опять не понял парень.

— Живете, говорю, усадьба-то! — ответил Андрей и усмехнулся. — У нас соседи из окон друг с другом за руку здороваются.

Стандартные пятистенные домики для переселенцев оказались еще не готовы: не высохла краска, кое-где не доделали печи, и Андрея пока поместили на квартиру. Николай Николаевич вылез из кабины, тяжело опустился на подножку, медленно, словно сбрасывая что-то невидимое, провел рукою по лицу. Тщательно расчесанная борода его спуталась, спина горбилась.

— Петро, — негромко позвал он шофера, — я не буду запрягать, добрось-ка меня до стана. Что там делается сегодня? Солнце закатилось, сгустились сумерки. Приближалась ночь. Шофер, пробуя, включил и выключил фары.

Андрей посмотрел на председателя — и теплое, хорошее чувство поднялось в груди.

Идет посевная, дорог каждый день. Надо расставить людей, посмотреть, где и как пашут, готовы ли семена. Да мало ли забот у руководителя большого хозяйства! А он вот до самого вечера пробыл с ними на станции, весь день на ногах, голодный, усталый. А сейчас поедет на пашню и пробудет там до полночи.

III

Хозяева, куда поместили Андрея, были на пашне, и из дверей показался маленький, сухонький старик с рыжеватой клинышком бородкой. На голове ерошился мягкий жиденский хохолок. Бойко постукивая палкой-батоном, старик юрко пробежал к калитке.

— Гости! Давно ждали! Ах, едят твою, кусают, хозяйки нет! Эх-ма... Заходите... В стане ночуют, — часто, словно горо-

хом, сыпал словами старик. Заметил бабушку и широким жестом показал на дверь.

— Проходите, гостеньки. — Потом круто повернулся, с досадой пристукнул палкой:

— Вот okazия! Кто же печь затопит? Ах, едят твою, кусают...

Но бабушка зашла не сразу. Она, поджав губы, с достоинством поздоровалась, потрогала руками штакетник, обошла поленницу, заглянула в угольный ящик.

— Много... А это сено? — показала она на крышу коровника.

— Сено. Скормить не скормили и продать некому, — пожаловался старик.

Бабушка кивнула головой и все так же степенно обошла всю усадьбу.

— Лес не жалеете, — сказала она.

— А что жалеть? Вон его сколько! Своих две тыщи гектаров.

Прошли на задворье. Старик сдерживал шаг, примеряясь к ходу бабушки. Она нагнулась, пощупала грядку, из-под руки оглядела огород.

— Одни занимаете?

— С кем делить-то? У всех свои.

Только теперь старик понял, что она завидует и удивляется их богатству, которое сам он до этого и не замечал. Старик молодцевато отставил ногу, согнув ее в колене, и одернул свою длинную кубовую рубаху, подпоясannую ремешком.

— Живем не тужим, народу служим, — пальцами разглаживая тоненькие острые усы, самодовольно заметил старик.

Потом, когда был готов ужин и все сидели за столом, старик принес в стеклянной крынке густую пахучую медовуху.

— Эх, едят твою, кусают, зять на работе! А то бы!.. — он значительно поднял сухонький палец и вдруг засмеялся.

— Хороший мужик!

Смех у него оказался неожиданно звонкий, молодой.

Как всегда бывает в таких случаях завязались взаимные расспросы-рассказы, причем старик больше говорил, чем спрашивал. Выяснилось, что сам он тоже переселенец, что привезли его сюда еще маленьким, и что в прошлом году в колхозе заложили сад.

— Да, ты слышал? — спохватился старик. — Нам из города лекцию читали: скоро Обь и Енисей на юг потекут. Свое море будет. Не только у вас каналы строить...

Андрей об этом еще не знал и поэтому слушал внимательно.

Потом старик начал рассказывать о том, как он переезжал в Сибирь.

— Вам что? И дом, и ссуду на скотинку, да еще и денег на дорогу. А мы вот ехали...

Давнишняя горечь, видимо, стерлась из памяти. И он, заметно пьянея, рассказывал беззлобно, все так же посмеиваясь, похохатывая.

— Склал нас отец на телегу и повез. Я — старшенький. Девятый годок шел. Два месяца до Каменного пояса, до Урала, ехали. Где нас по людям пошлет—кусочки принесем, где сам подработает... Так и питались. У Барнаула остановились, сделали сруб. А на утро вышли — все по бревнышку раскидано: мужики нас не принимали. Богатеющие кержаки были. Потом сивку вилами пырнули, а отца так избили — похаркал кровью и преставился.

Старик помолчал, отодвинул пустой стакан, пальцами смахнул со стола крошки.

— Остались мы одни... Тогда-то и прошел слух, что в Кузнецком уезде мужики смирнее и земли много. Правда, земли много... Да прибытку-то мало... Вы вот деревянное корыто через всю матушку-Россию провезли, а у нас руки да брюхо только и были... Пошел я в работники. Ох, и строгий хозяин был, не тем будь помянут, покойничек. Учил заместо отца родного, что в руку попадет... Вожжи—вожжи, лопата—лопата...

Бабушка поднялась, вздохнула:

— Прилечь бы мне.

— А, приляг, отдохни, — засуетился старик, — вот там, в горнице. Сколь ехали-то?

— Восемь суток, — ответил Андрей.

Он сидел, откинувшись на спинку стула, разомлев от сытного ужина, пальцами перебирал бахрому вязаной скатерти.

— Так вот, говорю: вожжи — вожжи, лопата — лопата, — снова продолжал старик, —однова что устроил покойничек...

Старик вдруг расхохотался и, давась от смеха, покрутил головой.

— Ох, просмешник... Дело-то молодое... Однова прошусь у него: «Отпусти на вечерку». И пригодись же тут простокваша на окне, три крынки... «Выпей, это, — говорит, — тогда пушу». Что делать? Итти-то охота... Ну, выпил одну, до второй дошел — ажно мотыльки замелькали. Посмотрел на третью — и страх меня пронял. Ну, да, думаю, была не была. Осилил и эту. Вышел до ворот — и ни шагу. Распирает мое брюшенько, хоть железо куй... Ажно дух захватывает...

Хмель у него уже проходил и теперь было видно, что рассказывает он хотя и с прибаутками, но ему совсем невесело. Старик закурил, глубоко затянулся дымом и медленно выпустил.

— Ревмя реву, и ни подняться, ни сесть... Нет моей моченьки. Думал, смертный час подошел. Поднял голову, а хозяин стоит у окна и надо мной покатывается.

Услыхал тут один мужик, утащил к себе и давай мылом брюхо растирать. Еле отходил...

Старик больше не улыбался. Он замолчал, положив голову на облокоченные руки, оцепенело застыл в неподвижной позе, мрачно опустил взгляд. Слегка двигались брови, отчего то расширялись, то суживались глаза, словно он видел перед собой что-то страшное. Наступила тяжелая пауза. Старик будто забыл обо всем, углубился в свои думы.

IV

На рассвете, когда еще не растворились синие тени утреннего полусумрака и клочки тумана кисейно-легкими струйками уползали к реке, Андрей шагал к раскомандировочной. Еще издали заметил оживление: со сбруй выходили из хомутной, выводили из денника лошадей, возились у телег, запрягали.

Группами толпились и переходили с места на место женщины с узлами, с корзинами в руках. Слышались перешутивания, смех, вспыхивали и гасли незлые, добродушные пререкания. Чувствовалось непринуждение, которое бывает, когда собрались люди, давно, очень давно знающие друг друга, когда они сработались, сжились в единую семью.

— Тетя Маша, а где твой красный платочек? — лукаво спрашивают в одном месте, намекая на какую-то всем известную историю.

— Ты вчера Лысуху запрягал? — спрашивают в другом месте и добавляют не обидное, но такое хлесткое слово, которое можно сказать если не другу, то во всяком случае только хорошему соседу. Подходили переселенцы, наиболее нетерпеливые или те, кому не надо было много думать об устройстве семьи, держались вначале особняком, потом получали назначения и незаметно растворялись в общей сутолоке, и уже нельзя было разобрать, где местные, свои, а где переселенцы.

Андрей стоял в беспокойном раздумьи, глазами отыскивая председателя. Он не сомневался, что работу ему дадут. Но какую? Дадут ли трактор? Ведь их не так-то много... Росло нетерпение. Хотелось скорее за руль, хотелось, как всегда, как

там, на Орловщине, чувствовать в руках мощную и покорную силу машины, быть ее хозяином.

Председателя он узнал не сразу. Сегодня Николай Николаевич был в поношенной плотной рубаше под ремень, на плечах до того выбеленной солнцем, что трудно было определить ее цвет. Он сидел у денника, на бревне, поглаживая бороду, смотрел на стоявших перед ним бригадира, коренастого мужчину, и колхозного инспектора по качеству, высокого, сгорбленного, но еще крепкого старика. Андрей хотел подойти, но услышал разговор и остановился, с интересом прислушиваясь. Речь шла о каком-то трактористе. Старик горячился.

— Меня не проведешь, — наступал он на бригадира, — слава богу, век прожил...

Бригадир пытался возражать. Но не успевал вставить слово, беззвучно открывая и закрывая рот. Наконец, уловил момент и проговорил.

— Разве ж за ним уследишь? Молодой же...

— Молчи! Молодой... — с невыразимым оттенком в голосе перебил его старик.

— Ты бригадир? Гони с машины! Пусть на полосе поучится! Слава богу, не цоб-цобе...

Николай Николаевич увидел Андрея, обрадованно улыбнулся, жестом пригласил к себе.

— Вы, кажется, тракторист? Бригадиром были? Вот вас и надо. Курсанта прислали нам одного, ну и... — он незакончил. Обращаясь уже к старику, добавил: — Сейчас с ним в МТС пойдем, к директору. Уладим.

— Бригадир? Тракторный? Ну вот, и на машину его. А то — тракторист! Тронет и — тыр-мыр...

Хотя и не ясно было сказано, что значит тыр-мыр, но Андрей прекрасно понял старика: и сам он когда-то был молодым, неопытным трактористом.

— Понимаешь, пашет — курице по колено, огрехи везде, а борозды, как гряды, про концы и не говори...

Старик безнадежно махнул рукой и выразительно посмотрел на бригадира.

...Андрей принял смену. Радостно, в полную силу билось его сердце, а где-то в глубине души поднималось и росло другое. За себя он не боялся, но машина была чужая, незнакомая. Какие ее капризы? Не подведет ли?..

Первый день работы — почти испытание. Ведь не даром стоят за спиной председатель, бригадир, придирчивый инспектор по качеству. Андрей понимал, что они внимательно следят за ним. Ведь ему первому из переселенцев доверили такое

важное дело, и по нему будут судить о других. Чувствовал себя так, будто не было за плечами восьмилетнего стажа.

Прокрутил ручкой, прислушался: мотор фыркнул раз, другой и заработал. Заработал как будто ровно, ритмично, но чуткое ухо привычно подсказало: изредка троит. Значит, плохо пробивает. Покопался в свечах, зачистил концы. Опять завел, прислушался: все в порядке. Легко вскочил на сиденье, нажал и еще нажал на педаль. Сизоватодымное облако скрыло и людей, и машину.

«Смесь богатая», отметило сознание, и Андрей почти механически отрегулировал воздух. Облако рассеялось, стало прозрачным. Легким рывком машина двинулась вперед, на полной скорости круто развернулась и сходу лихо въехала в борозду. Бригадир одобрительно крикнул, пальцем ткнул инспектора в бок. Стальные лемехи вгрызлись в черноземную грудь и, отливая матовым блеском, побежали за ними черные ручейки пластов, переваливались, ровно падали друг на друга. Теперь, сжимая руль, всем телом ощущая сдержанную дрожь металлического корпуса машины, Андрей успокоился, облегченно вздохнул.

...Впереди, из-за увала, поднималось солнце. Его лучи били в лицо. Начинался ясный, погожий день...

☆☆☆

Дней через пять за ужином, бабушка после длительного молчания неожиданно сказала Андрею:

— Напиши-ка, слышь, нашим, пусть едут сюда.

Андрей удивленно поднял голову. Бабушка на этот раз говорила без обычной своей ворчливости, как о чем-то таком, в чем она хорошо уверилась.

— Про все напиши: и как встретили нас, и как живут здесь.

Старик-хозяин, молча смотревший в это время в голубые сумерки за окном, тоже повернулся к Андрею и оживленно поддержал:

— Верно, верно. Так и напиши: приезжайте к нам!

Б А С Н И

А. ПИНАЕВ

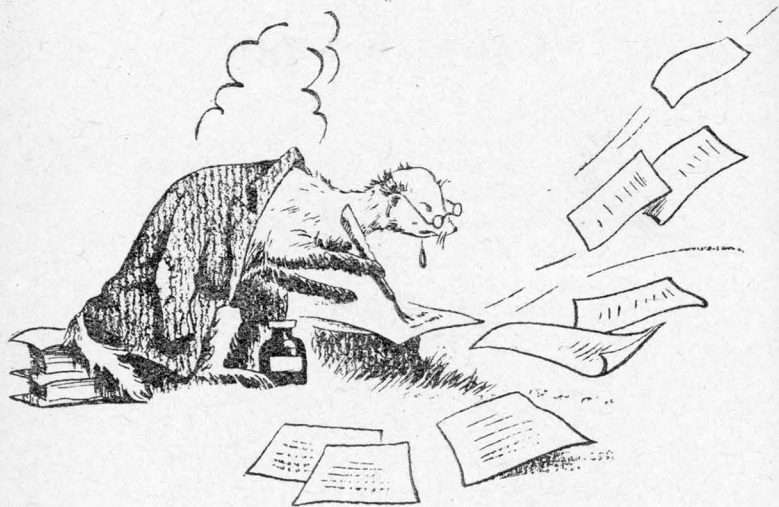

Старый хорь

У старого Хоря
День не проходит зря,
Но обязательно — то в сплетнях, то в раздоре.
То он сидит за склянкою чернил:
«Прошу помочь! Все обижают Хоря!
Я одинок. И немощен. И хил.
Житья не стало от плохих соседей.
К примеру взять — Топтыгин-генерал.
Откуда роскошь в комнате медведя?
Вчера он шерсть в универмаге брал,
Позавчера принес кило малины!..
Другой сосед — мелиоратор Лось —
Худой, высокий, ходит, сгорбив спину,
И левым глазом вечно смотрит вкось.
Заметьте, левым!..

Детский врач Синица,
Хотя и врач — невыносимый тип.
Пошел от кори у нее лечиться,
Она ж сказала: «Пустяковый грипп!
Вам нужно меньше сплетничать и злиться.
У вас не корь. У вас другая хворь...»
Прошу нарсуд оштрафовать Синицу
За оскорбление инвалида. Хорь».
Затем открыл он новую страницу
И написал на Соловья навет
В районный центр,

В центр областной,
В столицу,
В редакции двенадцати газет.
С утра садится в общем коридоре.
Ждет—на кого бы, как оса, напасть.
Идут соседи и, увидев Хоря,
Его обходят стороной, как грязь.
Иной брезгливо,
а иные робко
Ответят Хорю на его поклон.
Есть поговорка: вылетел, как пробка...
Терпеть соседям Хоря —не резон!

Тонкая политика

У гражданина Колонка
Политика тонка.
Она — продукт глубокого расчета.
Является он утром до звонка.
И поздно возвращается с работы.
Приходит спозаранку он не зря.
Ему полезно появиться рано —
Заблаговременно спросить секретаря
О том, какие у начальства планы.
Допустим, что оно поедет по цехам
(Проверить, где провал и где успехи),
Тогда и Колонку положено быть там —
Особенно в отсталом цехе.
Пусть видят все, что верный Колонок
Всегда в опасном и тревожном месте,
Работает, не покладая ног.
Когда ж начальства днем не будет в тресте,
А будет заседать в комиссиях во вне,
То можно этот день побыть с женою вместе,
(Привязан Колонок и к дому, и к жене).
И можно подремать спокойно на кровати.
А вечером, часам так к десяти.
Явиться в трест. И кстати иль некстати,
Но обязательно к начальнику зайти.
Войти и сделать жалобную мину —
Мол, поглядите, как я изнемог.
Начальник скажет:
«Вызывай машину
И уезжай на отдых, Колонок!».
Политика далекого прицела,
Но смысл ее легко расшифровать:
Быть «на глазах»,
Увиливать от дела,
Повышенную премию урвать.

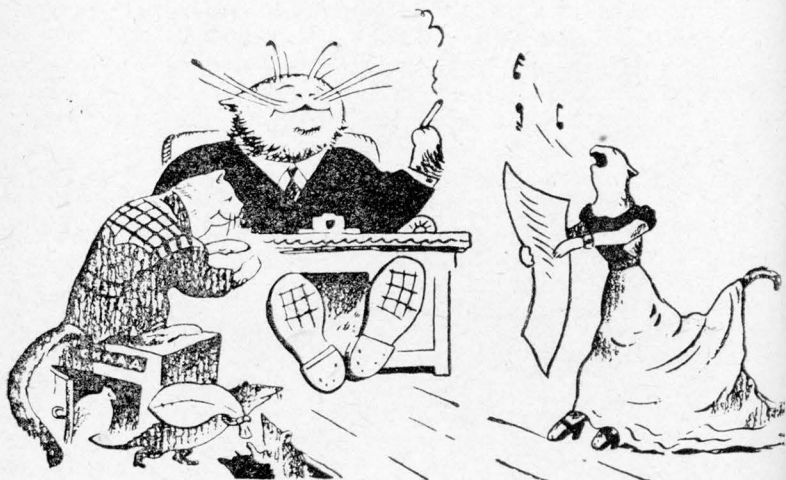
Кот

Заметно подросли игривые котята.
И рад им Кот.

И озабочен Кот:

Пора детей устраивать куда-то.
— Пушка устрою я на свой завод,
(Вакансий нет, но проведу сверх штата).
Насчет Матроса обратился к дяде.
И получил немедленно ответ:
«Шли племяша. На продуктовом складе
Мной сокращен вчера товаровед». —
А Милку-дочь, души его отраду,
Отдать искусству было решено.
Устроил шурин Милку на эстраду —
Визжит перед сеансами в кино.
Наш Кот удачно справился с задачей.
О детках милых славно порадел.
И стал примером цепкости Кошачьей
В устройстве личных и семейных дел...
Вчера мы были на одном заводе.
Там сметчик Кошкин. Кошкин счетовод.
Конструктор — Кошкин. Дальше в том же роде...
Директор Кошкин.

Уж не тот ли Кот?

О Ч Е Р К И

Н. ЗЕЛЕНИН

РУДНИК ШЕРЕГЕН

1

В отрогах Алтая, где в тайге земля Кузнецкая встречается с Хакассией, берет начало многоводная Кондома. Предзимняя лесная чаща бросает на нее старую листву, и река с этим нарядом, долго петляя по Горной Шории, наконец, резко свертывает в широкую долину. На изгибе Кондомы, как приподнятая кисть руки, высится гранитная площадка. Шорцы так ее и именуют — Таштагол (каменная ладонь).

Менее двухсот километров от Сталинска до Таштагола, но поезд на своем пути успевает подняться на четверть километра. Лента дороги карабкается вверх по уступу горы. Над ней громоздятся ребристые скалы, с которых, заглядывая на вагоны, склоняются то веселая березка с суровым кедром, то яркая рябина. Где отвес горы очень крут, и паровозу трудно преодолеть его, состав забирается в мраморную щель обходного пути. Следом он вскакивает над болотистой ложиной с густым роем кочек-ежиков и дорогой-лежневкой из связанных гармошкой бревен.

На несколько минут поезд спускается к тихому поселку, от которого на горную седловину ползет почерневшая от дождей деревянная лестница, а потом, перескочив высокий виадук над шустрой речушкой, долго бежит вперегонки с лесовозкой-узкоколейкой, пока та не скрывается в зарослях кустарника. Столбы телеграфной линии, промелькнув внизу, вдруг выпрыгивают над железнодорожной насыпью то справа, то слева.

Шория столь же красива, как и богата. Пока едешь до Таштагола, минуешь поселки горняков и лесорубов, транспорт-

ников. В годы сталинских пятилеток появились здесь рудники и обогатительные фабрики, железные дороги и механизированные леспромпхозы.

На рубеже первой и второй пятилеток сотням новостроек советской страны начал давать кузбасскую сталь ныне трижды орденоносный Кузнецкий металлургический комбинат имени великого Сталина. В создании завода-гиганта участвовали многие города. Сюда слали оборудование и материалы, ехали люди из Москвы и Белоруссии, с Украины и Волги.

Работа завода поначалу была рассчитана в основном на магнитогорскую железную руду, взамен которой Кузбасс давал Уралу уголь. Но уже тогда герои-кузнецкостроевцы, которые в жгучие морозы возводили на заброшенных таежных болотах кауперы, домны и мартены, мечтали о работе полностью на своем сырье.

В Сталинске поднимались корпуса цехов, а в Шории прорубались дороги. На Тельбесском месторождении, единственном из известных до революции, вскоре начали брать руду, и люди, заглядывая в нынешние дни, говорили: мало. Проникая в незнакомые уголки Шории, кузнецкостроевцы искали площадки для новых железных рудников. Им на помощь пришли шорцы — первые проводники геологов, потом влившиеся в семью строителей и горняков.

Поезд приходит в Таштагол утром. Сегодня — это большой торняцкий поселок, перешагнувший Кондому. Над таежной рекой высятся каменные здания школ, клуб с монументальной колоннадой, корпуса больничного городка. На месторождении, открытом шорцем Василием Скворцовым, расположен самый крупный рудник кузнецких металлургов.

Кузнецкий комбинат все больше теснит тайгу. Теперь его доменщики берут с Урала лишь пятую часть руды, а остальная своя, шорская. Недалек день, когда Сталинск совсем откажется от магнитогорского сырья.

На восток от Кондомы железная дорога еще круче лезет в глубь Шории. Здесь, в пятнадцати километрах от Таштагола и на полкилометра выше него, находится рудник Шалым, а по соседству с ним еще один — Шерегеш. Это не только название рудника. Это фамилия братьев-шорцев — Михаила и Александра Шерегешевых, которые вместе с кузнецкостроевцами заставили тайгу служить человеку...

2

У реки только название громкое — Унзас (Большая река). На самом деле это проворный горный ручей, вроде соседней Таинзы, каких сотни — «больших» и малых — в черневой

Шории. С каменистой вершины Сарлыка — Як-горы видна вся узкая долина Унзаса. Поздней осенью в пестрый сарафан одеваются деревья. Волнами расплескиваются краски по отрогам Кузнецкого Ала-Тау. Как всегда, к зиме остепеняются, потемнев, пихты и кедры, желтеет осина, кумачом покрывается листва рябины. По утрам в долине плывет густой туман. Обильные лесные росы сменяют крепкие заморозки.

На сотни километров раскинулась Шория. Она занимает почти такую же площадь, как Кузнецкая каменноугольная котловина. Но пройти в тайге и десяток километров не так-то просто. Забредешь в редкий шорский улус весной, и бурный разлив бесчисленных горных речушек заставит тебя гостить в нем несколько дней. С осени не уйдешь до снегопада из далекого селения — и трехметровые сугробы отрежут тебя от «большой земли».

Сугробы не спешат таять, лежат двести, а то и больше дней. Из лесостепи Кузнецкой котловины ветры приносят в Шорию большие дожди и снега. Таежные ливни и бураны продолжаются две трети года. Шорская земля неохотно отдает влагу, испаряемость ее невелика. Поэтому здесь частые туманы, много необычных высокогорных болот.

Сказочна природа шорской тайги. С глубокой старины хранила она в своих недрах сокровища полезных ископаемых. Первое среди них — железная руда.

3

Повадку тайги хорошо знал старый охотник Шерегешев. Михаил надолго покидал родной улус. Он больше жил в охотничьем шалаше, чем в своей избе. Этого невысокого, проворного человека знали шорцы из рода Калар и Черной Усы, других дальних племен. Непоседливый Шерегешев по звериным следам и еле заметным лесным тропам, минуя топкие болота, доходил почти до Хакассии к хребту Сарагая и на Антроп, воды которого берут свое начало в высокогорье Алтая. И где бы ни был шор-анчи, со всех сторон тайги хорошо был виден седоглавый Мустаг с его цепочкой «верблюдов» — причудливо выветренных скал. А от Мустага легко найти дорогу к своему дому.

Шория — родная земля Шерегешева. Здесь жили прадеды Михаила, здесь вырос он сам. Но дед и отец охотника не видели счастья. Они говорили сыну: все отбирали баи и камы-богачи и попы. Пушистый соболь попадет в силки — возьмут, шкуру и вкусное мясо медведя — отдай, рыбы наловишь — принеси, ягод наберешь — подари. Крохотны шор-

ские поля, ячменя не хватало, чтобы натолочь талкан, но и зерно требовали от бедняков. Приходилось с лета запасать с'едобной травы, зиму ходить в лохмотьях.

Справедливый закон принес в Шорию Великий Октябрь — Советскую Конституцию. Хозяин всех богатств земли — народ. Гордо идет по тайге Шерегешев.

Утром дома ему сказали:

— В соседнем селе знакомый человек есть. Хорошую лодку имеет.

Поглядел Михаил на сердитый Мустак — будет ли погода? И решил: пока не поздно, на Мрас-Су сходить надо.

Над бушующими порогами Мрас-Су высятся гранитные скалы. Сюда глянуть на кричащую реку, прибегает иной раз козуля, выпрыгнет над обрывом, гордо вскинув рога, горный козел. Шорской лодке — кебе не страшны стремительные водопады. Неуклюжая на вид, узкая лодченка, выдолбленная из целого дерева, несколько раз омывшись волнами, выходит на спокойную гладь плеса. Стоя в лодке, Михаил длинным шестом ловко отталкивается от подводных камней.

На том берегу давно заметил Михаил следы красной лисцы — огневки. Пришвартовал лодку в бухточке. Ищет охотник старую отметку на покосившемся камне и видит: на равном расстоянии надломлены ветви кустарника у ручья, спадающего с мшистой скалы. Надлом всюду сделан в сторону востока, откуда утреннее солнце разгоняет непроницаемый туман над тайгой. Выходит, опередил его далекий шор-анчи — с верховьев голубой реки Кабыр-Су пришел.

Старики говорили: пусть медведь — азык накажет пришельца, а ссориться на промысле нельзя — обидится «хозяин тайги», удачи не будет. Шерегешев рассудил по-своему: зверя в тайге на всех хватит. Он и без того успел сунуть в охотничью сумку шкурку колонка, растянутую на рогатинке.

Некогда горевать Михаилу. Напевая протяжную песню о счастливой охоте, держит он обратный путь. Сегодня домой надо вернуться засветло — учитель поведет рассказ. Занятной будет беседа — о большой стройке пятилетки, о новых леспромхозах, вроде тех, которые уже работают в Шории, о машинах, идущих в тайгу.

Шерегешев ускоряет шаг. Подсвистывают охотнику бурундуки и рябчики, нарушая тишину чащи. От упавшей листвы, вечнозеленой ели и трясины незримо струится пряный лесной аромат. Кое-где вспорхнет тетерев или вдруг рыжая проказница-белка на ближайшей сосне юркнет вниз по стволу за грибами.

Крепкие дома ставят шорцы. Счастливая жизнь наступает. О ней сложили не одну песню. Ровным рядком стоят дома в рощице. Не у каждого бая были раньше такие. Школы в тайге открываются. Недавно захворал один человек, к нему вместо шамана с бубнами вызвали из города врача. Вырастет у Шерегешева сынок Владимир, поедет учиться в город к русскому товарищу.

Сразу из тайги, сбросив добычу, направился Михаил к самой красивой избе с широкими окнами. В клубе народа много. Не сравнишь с прежним задымленным жильем, где у едкого очага еле размещалась своя семья. Молодые оделись по-праздничному, в городских костюмах — тоже не у всех богатых купцов видели такие отцы. На стенках — портреты самых больших людей. Каждый мальчик — олагаш знает их и вслед за старшими с любовью называет:

— Ленин, Сталин...

Не зря спешил в улус Шерегешев. В притихшем клубе учитель уже называл чудесные заводы и шахты, города и дороги. Они возникли на заброшенных пустырях или в таких тайге и торах, как шорские. Даже белок и бурундуков Михаил столько не видел, сколько успели построить городов и заводов. А еще не прошло и трех лет первой пятилетки.

«Много машин сделаем, в Шорию привезем. Много и металла надо», говорит учитель. Он знает: издревле шорцы владеют железоделательным ремеслом. Поэтому называли тайгу Кузнецкой. Железо здесь узнали раньше каменного угля. Михаилу Шерегешеву дед показал, как делают твердые скребки для очистки звериных шкур, таганы и наконечники к стрелам. Копают ямку в земле, в ней на сосновом угле разводят большой огонь (мех ставят) и сыпят туда раздробленный бурый камень. С обгорелого камня смахнут золу, — остается камень крепче бурого, — отковыивай чего хочешь.

Понимает охотник учителя. Он с гор видел большой завод, который строят рядом с Шорией. Вот и старший брат Михаила — Александр только — что вернулся с Агын-Том — быстрой Томи. Плавал вниз по Мрас-Су на плоту. Там, за развалинами старой крепости, дальше осыпавшихся ее рвов, третью зиму взрывают мерзлую землю, холод людям стал нипочем. Горнов много поставили — дым с Мустага виден. Будут железо из бурого камня выгонять, а камень тот в тайге есть.

Сам Михаил на прошлой неделе ходил на Кучеру, золотой прииск смотрел. Большие машины — драги сосут со дна реки

песок. Управляют машиной рабочие, шорцы есть среди них. Богатые крупинки получают — дороже пушистого соболя — киш. Веселый инженер сказал: «Тяжелый камень ищи, Шерегеш, руду ищи. Очень нужна сам знаешь, пятилетку скоро кончаем — вторую начнем».

...Кончилась беседа, окружила учителя молодежь. Умные ребята пошли — всем интересуются. Шерегешев тоже стоит, слушает. Много знает учитель, а тоже из шорцев. Такое рассказывает, что не помнят самые глубокие старики — только в толстых книгах вычитать можно.

5

Шумит вековая тайга, многое она помнит. Большое горе переносили шорцы от иноземных завоевателей. Зайсаны из «кыргызов» и джунгарские констайши, покорив небольшой шорский народ, установили непосильный албан — с каждой души давай несколько шкурок соболя и горностая. Можно заплатить албан и белкой, но тогда шкурок нужно больше.

Чтобы расплатиться со сборщиками албана, отправлялись шорцы в дальний путь через ледяные перевалы. Своей пушнины не хватало, выменивали ее на стрелы, панцыри и домашнюю утварь у теленгитов и других сородичей — южноалтайцев. Когда становилось невмоготу, бедняки Северного Алтая продавали детей. От такой жизни быстро вымирали люди.

Из-за Камня¹⁾, по Иртышу и Оби, на плоскодонных баркасах приплыли воеводы — наместники российского царя, с людьми служивыми. В двуречьи Томи и Кондомы поставили на горе крепость — Аба-Туру. Еще раньше поставили царские воеводы остроги в других местах Западной Сибири и со временем прогнали с Алтая иноземных захватчиков.

Большую культуру принесли североалтайцам русские. Они впервые в истории научили шорцев грамоте, показали, как надо рубить настоящие избы с надворными постройками вместо ветхих казымов, разводить скот и огороды. Появились в Шории бороны и сани, вместо кривого самодельного ножа — коса-литовка.

Так встретились шорцы с русскими.

Но жесток был царь. С «кузнецкой черни» он требовал ясак — «мягкую рухлядь». Не принесешь шкурки — потащут к бревенчатым воротам острога, в с'езжую избу. Канцелярский подьячий уставится своей лисьей бородкой: может, золотишко есть? Следом палач, как медведь, руки у него тяжелые, допытывается: не думают ли «виновные» напасть на Кузнецк или уйти в «кыргызы»?

¹⁾ Камень — Уральский край.

Не легче было и русским. За шорской тайгой, на плодородных просторах Томи селились беглые люди. В стороне от каторжного Иркутского тракта спасались от «всемиловитейшего государя-батюшка» и новых рекрутских наборов мастеровые Колывано-Воскресенского, Гавриловского, Гурьевского и других заводов, основанных энергичным, но жестоким уральцем Акинфием Демидовым. Вокруг старого Кийского села — Марининска, кольчугинских угольных копей — в необжитых местах украдкой разбивали поселки искатели вольной земли, голодные крепостные с матушки-Волги.

Беглых людей уважали шорцы. Они были их братьями по горю. Поселенцы советовали шорцам:

— Металл доставай, товарищ. У купца покупай. Хорошо будем жить. Все сами сделаем. Шорцы удивлялись: зачем покупать у пехорошего человека, он за осьмушку пороха или иголку много лучших шкурок берет. В тайге все есть, — железная гора Темир-Тау находится...

Однако не суждено было демидовской металлургии встретиться как следует с рудой Шории. Лишь недолгое время пробовали возить из таежной глухомани руду Темира на реку Томь-Чумыш, на самый близкий к Шории Томский завод.

6

На полтора километра вверх над Горной Шорией надвинута снежная шапка Мустага. По соседству с ним, как братья, раскинулись в полукольце Кубес и Сарлык. Много диких мест исшагал в тайге Шерегешев, а приглянулась ему затерявшаяся в развилке трех этих гор небольшая площадка. Здесь узкая долина Унзаса неожиданно расплзлась на несколько сот метров и по густым зарослям малинника журчит безымянный ключ. Малинник был хорошей приметой — пути между Кондомой и Мрас-Су, он находился почти на гребне водораздела между двумя по-настоящему большими горношорскими реками.

Заметил эту площадку Михаил, когда наткнулся в малинике на медведя. Он ягодой лакомился. Но был Шерегешев один, и зверь мог растерзать его. Выследил охотник, что ходит медведь на пасеку соседнего улуса. Заберется к ульям и начинает по очереди приподнимать колодки — выбирает потяжелее, с медом. Соберет полные колодки и вытаскивает из них одну за другой сотовые рамки. Смахнет мохнатой лапой надоедливых пчел и когтистой пятерней отправляет мед в пасть. Веселое занятие! — пустые рамки только летят в стороны, а колодки мишка аккуратно ставит на прежнее место — еще пригодятся.

Привел Михаил охотников — на группу людей медведь не бросается — и здесь зверю был конец. Стояла осень — косолапый был жирный, и многие шорцы хвалили хорошее мясо. А Шерегешев опять беспокоится: зовет брата Александра в тайгу. Запали ему в душу слова учителя, да еще инженер на прииске сказал: ученые люди из далекого Томска и Новосибирска к улусу на «каменной ладони» — Таштаголу пришли: горы меряют, скалы рассматривают.

Михаил и Александр направились к излюбленному Малиновому ключу. Хорошо на Унзасе. Бурундуков много, колонки и горностаи бывают. Птицы выбор большой, к осени раздобрела она от ягод: черники и княжевики. Мрасс-Су и Кондома рядом — рыбу ловить можно, нежная форель сейчас камешки глотает — с осени на дно садится. Олени, маралы и лоси бегут с Алтая к истокам хакасского Абакана, на зимовку спешат — обязательно через Мустаг и Сарлык пройдут, воду попьют на Унзасе. Кедры усеяны добрыми орехами, наполовину из масла — шишковать можно. Дома жена будет тереть поджаренный ячмень для талкана, подбавит кедровых орешков, потом вкусные лепешки получаются.

Лес на Унзасе крышей стоит — дождя почти незаметно. Зимой — снег высокий, совсем земля не промерзает, мороз не страшен... Удобное место — Малиновый ключ.

Быстро спускается ночь в Шории. Косые лучи заката скользнут по стволам деревьев, осветив чашу лучше, чем днем, и следом наступают глубокие сумерки. На вершинах кражей еще долго виден уходящий день, а здесь пора собираться на отдых. У тальника братья раскинули шалаш, плотно покрыли его листьями. Постель сделали из хвойных веток. В тайге надо предусмотреть все: день может быть теплым, а к утру резко похолодает. Иной раз температура меняется на 25 градусов.

Под бездонным небом колеблются языки костров. Над макушками кедров зажигаются звезды. Скоро спать. Ведут Шерегешевы неторопливый разговор. Заправляет Михаил неизменную трубку очередной порцией табака, а крошки бережно ссынает в кисет.

Легендами полна Горная Шория. Собери их — целую книгу составить можно. Вспомнили охотники легенду о могучем Постугае. Богатырь надолго спрятал от купцов и баев волшебные богатства тайги. Увидел, что не могут жить они в мире, обижают бедняков, и сдвинул горы. Остались под ними редкие меха, блестящие камни-самоцветы. Никто не может взять тех сокровищ.

Теперь Постукай открыл свои подземные кладовые. Видит он—пришли сильные, дружные люди. Дорогу на Мундыбаш и Темир-Тау ведут железную — перед такими не устоишь. Решил богатырь отдать им все...

— Якши, якши! — поддакивает думам Михаила задремавший у ласкового костра брат.

7

Ранним утром, когда струится по тайге бодрящая прохлада, поднялись охотники. Только что кукушка оповестила о наступлении нового дня. Ей ответил заботливый дятел. Под буреломом, который навис над Малиновым ключом, мелькнул мохнатый комочек полосатого бурундука. Щеки его серdito оттопырены.

— Мало спит кюрык,—заметил зверька Александр. — К долгой зиме готовится, полный рот калины набрал.

Где-то хрустнула ветка — вышла на добычу лиса. Заклекотал глухарь. Просыпается тайга...

— Подарок я приготовил для новой Аба-Туры, — говорит Михаил брату. Быстро ведет он Александра в малинник, где нередко лакомился медведь.

В распадке, на небольшом уступе, охотник бережно поднимает кусок бересты. Под ним — голый камень торчит, от которого рыжие потеки ползут. Отколол Александр немного камня — тяжелый.

Посылает Михаил брата на Кондому:

— Неси, Сашка, камень к ученым, которые меряют горы. Скажи, — Шерегеш на пятилетку отдает. А я останусь, еще поищу.

Не успело солнце скрыться за горы, как по нехоженным тропам спустился к Таштаголу Шерегешев-старший. За светом отыскал палатку одной из разведочных партий. С радостью встретили геологи Александра. Шорцы у них всегда желанные гости: дорогу покажут, до нужного места доведут.

Снял Шерегешев сумку с плеча, вынул перед геологами куски магнетитовой руды.

...Малиновый ключ действительно оказался хорошим. Охотники Шерегешевы удачно нашли коренные выходы руды и откололи куски ее на основном теле мощного месторождения. На этих рудных образцах ученые поместили имя их первооткрывателя и год: «Михаил Александрович Шерегешев, 1931».

Прошло время, и Михаил, переключивший теперь почти всю охоту на Малиновый ключ, вел в долину Унзаса группу разведчиков. В трехметровой траве за людьми и навьючен-

ными лошадьми оставался первый след. Над рекой, недалеко от охотничьей займки, геологи раскинули свой городок. Жить предстояло долго. Радист передал в Новосибирск и строителям Кузнецкого комбината: «Находимся на площадке Шерегешского железорудного месторождения».

8

Низкие тучи плывут над Кузнецкой котловиной, от своей тяжести они готовы порваться. Где-то косые нити ливня уже обрушились на землю. Пугливо шепчет побледневшая листва деревьев. Порывистый ветер прячет ее в овраги, бросает на взрошенные реки. Осень здесь недолга, быстро отдает свои права зиме. Вот-вот в грязь дорог ляжет первый снег, а через месяц — придут морозы.

В это время на Мустаге — весна. Только растаял прошлогодний снег. У гранитных скал в своей строгой нежности рассыпались высокогорные цветы. Стебли фиалок тянутся к предзимнему небу. Но высокогорная весна еще короче, чем осень в Кузбассе. Снеговую шапку Мустаг снимает на месяц, а то и неделю. В иные годы сугробы совсем не покидают вершины. Даже километрах в десяти ниже по склону кряжа на Унзасе — речке Большой, снег крепко ложится в сентябре, а сходит к концу мая — началу июня.

Седоглавый Мустаг долго сторожил большие богатства. Укутывал их сугробами, заслонял лесными чащами, опоясывал капризными реченками, которые в поздний паводок расплзались по всей долине, ускоряя и без того свой шустрый бег. Но что спрячешь от зорких глаз таежного следопыта! Шерегешев, выслеживая проворного соболя, нашел в отрогах Мустага железную руду. Сюда привел шорский охотник первых геологов. Долго после этого куда бы ни держал свой путь Михаил, обязательно заглянет на Унзас к разведчикам.

Беспокоился Шерегеш: когда руду будем брать? Вторая пятилетка прошла, третья идет. Старой крепости Аба-Туры не стало — завод там большой, город красивый — Сталинск. Руды много надо! Тельбес руду горнам — домнам дает, железная гора — Темир-Тау тоже посылает. Шорцы работают там, они много говорили: руды больше давай, еще строить будем. Торопил Михаил разведчиков: на Шалыме шорец Киземов тоже руду нашел. Когда Шерегеш-руда в Сталинск пойдет?

Геологи не прекращали работу, на хлопоты Михаила они отвечали одобряющей улыбкой:

— Скоро, Шерегеш, сначала с Таштагола возьмем, он ближе. Потом Шалым и следом — наша очередь. Потерпи, железная дорога уже к Каларам подошла, строители сказали: «Досрочно соединим кузнечные домны с таштагольской рудой!»

Часто перед поздним сном, усевшись на пороге своей избушки, разведчики мечтали о будущем городе, который вырастет в здешних лесных дебрях. Макушки кедров расплывались в темноте ночного неба, кругом стояла глубокая тишина, а они уже видели улицы, залитые ярким электрическим светом, поющую молодежь, слышали гудки автомашин, звуки музыки, несущейся из окон квартир и Дворца культуры.

Наяву все это свершилось позднее.

За тысячи километров от Шории ударил гром войны. Он прокатился и в горах Кузнечного Ала-Тау. Еще более суровой стала тайга. День и ночь в недрах Кузбасса кипела жизнь: шахтеры крепче налегали на врубовки, отбойные молотки, электросверла. Заводы страны требовали все больше пищи — угля. Ускоряя бег, электровозы мчали через лесные чащи эшелоны с кузнечкой сталью. Metallурги были на гвардейской вахте.

Далеко от домен и мартенов Сталинска до передовой позиции фронта, но вместе с солдатами ковали победу над врагом горняки и сталевары Сибири.

За годы войны добыча руды в Таштаголе увеличилась вдвое. Возросло производство металла и в цехах Кузнечного комбината, руды потребовалось больше.

После победы над врагом работы оказалось много. Первый послевоенный пятилетний план предусматривал значительный рост добычи железной руды в Горной Шории. Таштагол еще в три раза поднял добычу сырья для доменщиков.

Среди стахановцев рудника здесь более пятидесяти шорцев. Горняки с уважением относятся к бригадиру бурильщиков Сергею Пыжлакову, который работает на руднике с первого дня его строительства, к знатному машинисту электроваза коммунисту Аграфене Шилбагашевой. Вместе с ними образцово работает на Шерегеше машинист транспорта шорка Якушкина.

Заходит к своим старым знакомым и Александр Шерегешев. Добрую память оставил его брат. Как в былые дни, любит старый охотник с крыльца сохранившейся избушки замечательным поселком. Только теперь это не мечта, а быль. Ровные дороги разбегаются по руднику, на улицах — двух- и трехэтажные жилые дома — с водопроводом, электрическим освещением, паровым отоплением.

Мощные экскаваторы черпают богатую руду прямо на поверхности, с высоченной стены разреза. Эту руду отвозят десятитонные самосвалы Ярославского завода на станцию железной дороги. На радиаторах автомашин стоит блестящая эмблема — бурый медведь, как тот, которого подкараулил когда-то Шерегеш на здешней пасеке.

Везет поезд руду Шерегеша в Сталинск, спешит. Раньше здесь о такой хорошей дороге трудно было подумать. На единственной накатанной первыми строителями снежной дороге, если встречались лошади, — не могли раз'ехаться, оступить хоть одна из них на метр в сторону — и повозка целиком скрывалась под снегом.

На рудниках работает много шорской молодежи. Сын Александра — Николай горное училище окончил, скоро придет на рудник. Сын Михаила — Владимир тоже учится. Они не знают старой матушки-тайги и ее медвежьих порядков. У них новый закон — пятый пятилетний план, и они многое еще сделают вместе с верными своими товарищами, что приехали из Москвы, с Урала и Украины, из Татарии и Казахстана, которые тоже полюбили Кузбасс.

И. БАЛИБАЛОВ

РОЖДЕНИЕ КОКСА

1. ДОРОГА В КУЗБАСС

Поезд торопливо бежал на восток, роняя на телеграфные провода темнопепельные хлопья дыма. Сквозь легкие припущенные занавески в купе проник первый солнечный луч.

Павел Иванович Печенкин подошел к окну.

За прозрачным стеклом — безбрежная, как море, степь, одетая в золотистое платье, яркие краски увядающего сибирского лета. Павел Иванович резко повернулся спиной к окну. Закурил. Две мысли не давали покоя. Как встретят его на заводе? Удастся ли до зимы справиться с порученным делом? Поездка в Кузбасс казалась ему броском в неизвестность.

До первой сталинской пятилетки все коксохимические заводы находились на юге России, недалеко от донецкого угля. Кемеровский же завод, расположенный за Уральским хребтом, в глухой холодной Сибири, как говорили, был на отшибе. Пущенный в 1924 году, он шесть лет служил одиноким маяком в Кузнецкой котловине и считался самым северным коксохимическим предприятием в мире. В сибирскую стужу, когда в бусах железнодорожных вагонов стыл мазут, подвозили на завод и дробили уголь, управляли огнем в открытых печах и улавливали химические продукты. Это было настоящее искусство.

Иностранные инженеры, наблюдая, как над печами вьется в морозном тумане оранжевое пламя, предсказывали коксохиму недолгую жизнь. Ссылались на то, что сибирякам не по плечу удержать в печах высокий накал. У сибиряков-де нет достаточных знаний, опыта. Мороз их сломит. Они развалят

огнеупорную кладку, погасят печи. Об этом русские инженеры старой школы частенько читали в зарубежных журналах.

Павел Иванович задумался и не заметил приближающейся станции.

— Топки! — раздался за дверью голос проводника.

Поезд замедлил ход. Вагон качнуло на входных стрелках. Пассажир на верхней полке проснулся и торопливо спустился на пол.

— Ну, кажется, мы уже дома, — сказал он приподнятым голосом, бросая пытливый взгляд за окно. Затем обратился к Печенкину: — Посмотрите, какие болота кругом. Топкие места. Очевидно, отсюда и название станции. А, впрочем, это только моя догадка.

— Вы, вероятно, хорошо знаете здешние места? — спросил Печенкин.

— Вот уж этого я бы не сказал, — живо отозвался спутник. — Кузбасс — это, батенька, такая глыба, что скоро не поднимешь. Я имею в виду богатства Кузбасса. Тут столько добра понапрятано! Человеку нужны десятилетия, чтобы разобраться, где и что лежит. Возьмите уголь. Геологи говорят — 450 миллиардов. Мне думается — больше. А здесь ведь не только уголь.

Через некоторое время до слуха донесся скрежет тормозных колодок. Поезд сбавил ход. Силой инерции Печенкина прижало спиной к стенке, и он недоуменно посмотрел на соседа.

— Ничего особенного, — улыбнулся сосед, продолжая перелистывать бумаги. — катимся под гору.

— Под гору?

— Да. Спускаемся на дно Кузнецкой котловины. От станции Топки до Кемерово — 38 километров. На этом перегоне поезд скользит вниз на 200 метров.

Поезд, сделав крутой поворот на юг, побежал по открытой гриве. Вдали осколками подсиненного стекла заблестели широкие плесы реки. По обеим берегам раскинулся город. Вернее, это был черновой набросок города, сделанный сильной размашистой рукой. На равнину, как на планшет, было брошено несколько ярких мазков, с такой уверенностью, с такой смелостью, что Печенкин невольно залюбовался.

Внимание его привлекла окраина города. Вдали виднелись терриконы шахт, большие дома. И везде — леса новостроек.

2. РАЗГОВОР О НЕИЗВЕСТНОМ

В приемной главного инженера завода, куда зашел Печенкин, высокая светловолосая девушка пытливо посмотрела на его пухлый портфель и спросила:

— Вам Сергея Лукьяновича? Он на печах. Скоро вернется. Печенкину не понравился сухой взгляд и жестковатый голос секретарши.

— Может быть, вы потрудитесь взять трубку и сказать главному инженеру, что его ждут по весьма неотложному делу?

— Не думаю, что это произведет впечатление. Он третьи сутки не выходит с завода.

— Что-нибудь случилось?

Секретарша спохватилась — сказала лишнее. Подумала с досадой, сколько раз ловили ее на слове, а потом ей за это попадало до слез. Но, что она могла сделать с собой? Опять невпопад вышло.

Дверь широко распахнулась. В комнату скорой походкой вошел человек в синем пропыленном костюме. Сухощавое лицо его было опалено зноем печей.

— Ко мне? — поднял усталые глаза на Печенкина главный инженер.

— Да.

— Прошу, проходите.

Главный инженер был в прекрасном настроении. Сегодня он убедился, наконец, в том, что сложнейшая техническая задача решена отлично. Азотно-туковому заводу подан газ высокого качества. Получены первые тонны удобрения. Теперь кузбасский розовый горошек пойдет на хлопковые поля солнечного Узбекистана и вернется оттуда в Сибирь через текстильные фабрики кипами разноцветной ткани. А были дни, когда кузбасские коксовики думали об этом хлопке и тканях с затаенной тревогой. Коксовый газ — основное сырье для удобрения — загрязнялся в печах вредными примесями и не годился для переработки. Много тревожных часов провел главный инженер на печах, в лаборатории, но так и не открыл секрета очистки газа. Нашел этот способ другой инженер, по годам и опыту моложе его. Но чувства обиды не было. Наоборот, Сергея Лукьяновича радовало то, что открытие сделал молодой инженер, без какой бы то ни было посторонней помощи. Усталось слетела с плеч, хотелось даже оторваться на минуту от служебных хлопот и помечтать немножко.

Печенкин неторопливо раскрыл портфель, достал угловатый, черный комок и осторожно положил на стол:

— Вот кокс из пека.

Главный инженер взял кокс и, тяжело приподнимая припухшие от бессонницы веки, стал пытливым его рассматривать. Кокс был легкий, напоминал обыкновенную губку, искрящуюся серебряным блеском.

— Много в нем золы?

— Меньше полпроцента. Почти чистый углерод.

— Как его делают в Донбассе?

— В обыкновенных коксовых печах.

— В обыкновенных... — повторил Терехов, откидываясь на спинку стула. — Сложное дело. Коксовать жидкий пек, — это все равно, что кипятить чай в дырявой посуде.

Печенкин улыбнулся.

— Да, немножко похоже. Но у нас нет времени на размышления и на постройку специальных установок.

— Что ж, вам, видимо, завтра надо начинать знакомиться с заводом. А потом соберем совещание.

— Зачем откладывать на завтра? — возразит Печенкин. — Я сегодня успею посмотреть многое. Хотелось бы побывать на печах.

Главный инженер приподнял свой острый, покрытый щетиной подбородок, устремил взгляд в окно на коксовые батареи. Там из открытых люков хлестало багряное пламя.

На лицо приезжего гостя легла тень досады. Собеседник производил на него впечатление человека любезного, но медлительного, покрытого корочкой равнодушия к новаторству. «С ним, пожалуй, трудно будет найти общий язык», — подумал с тревогой, а слух сказал:

— На ваш завод возлагают большие надежды.

— Да, да, надежды возлагают большие, — согласился главный инженер, продолжая смотреть на печи и одновременно думая, послать или не послать сегодня в Москву телеграмму о том, что завод готов увеличить подачу газа соседям. Инженеры говорят: все проверено, можно поднимать нагрузку. Но они отвечают только за себя. А он отвечает за всех. Может быть, повременить день — другой: еще раз проверить, еще раз убедиться и тогда... Что это — сознание ответственности или робость от недостатка опыта?

— Мне бы не хотелось терять времени, — наступал Печенкин. — Нам не позволяют влезать с опытами в зиму.

— Согласен, — оживился Сергей Лукьянович. — Влезать с такими опытами в зиму нельзя. Как поведут себя печи в морозы, мы еще толком не знаем. Сейчас я вызову старшего инженера производственного отдела Филиппова, и он вам все покажет. Потом мы посоветуемся.

«Инженер Филиппов? Знакомая фамилия. За последние четыре года встречал это имя на страницах журнала — «Кокс и химия». Не он ли автор смелых теоретических статей по коксованию? Очевидно, это уже старый инженер, с серебром на висках» — думал Печенкин.

3. ИНЖЕНЕР ФИЛИППОВ

В кабинет вошел молодой человек, среднего роста, одетый в синюю легкую куртку, застегнутую на все пуговицы. Продолговатое смуглое лицо его оживляли голубые глаза, сверкающие из-под густых темных бровей. Движения его были угловаты.

Инженеру Филиппову не было еще и тридцати лет, но на заводе его все называли «старожилом». Кадровые рабочие, которым довелось еще вручную выгребать горящий «кокус» из кустарных печурок-стойл, помнили его вихрастым подростком-непоседой.

Трудовую жизнь Филиппов начал после окончания Щегловской девятилетки в мастерской жестянщиком. Починка старых ведер, поделка труб и «барабанок», как сибиряки называли железные печки, были скучным и однообразным занятием. Рыжебородый, медлительный жестянщик Ведерников сказал своему ученику:

— Не лежит, брат, у тебя душа к железу. Не этих «мачтабов» ты, парень. Нет у тебя хватки к мастерству. Поищи-ка себе другое занятие.

Юноша послушался.

В нем заметно развивалась склонность к техническому творчеству. Он был беспокойным радиолюбителем. Сам делал радиоприемники и охотно учил этому делу других. Поступив монтером в клуб, он стал душой кружка радиолюбителей. Вскоре комсомольская организация направила его на коксо-химический завод. В ту пору работали первые тихоходные батареи и химические цехи. Семнадцатилетнего комсомольца Филиппова зачислили в штат технического отдела — светокопировщиком. Его обязанности были несложными, заложить в стеклянную раму кальку-чертеж вместе со светочувствительной бумагой, с тыльной стороны закрыть рамку кошмой и поставить на солнце. Печатанье чертежей не отнимало много времени. Однако у Бориса никогда не было свободной минуты. Он не отказывался от любой черновой работы, везде старался быть полезным. Инженеры технического отдела охотно брали его с собой в цехи. Там он помогал обмерять фундаменты агрегатов, проводить нивелировку площадки — входил во все поры заводской жизни. Комсомольская организация давала Филиппову много поручений. Он руководил кружком рационализаторов на заводе, организовывал техническую учебу среди молодых шахтеров Ленинского рудника и ударные комсомольские бригады на строительстве Кузнецкого металлургического комбината.

Когда занялась заря первой сталинской пятилетки, кеме-ровские коксовики с гордостью заговорили о большом заводе, который должен возникнуть на широком поле, поросшем кустарником. В это время комсомол послал Филиппова учиться в Томский индустриальный институт.

В 1934 году он вернулся из Томска с дипломом инженера. На месте пустыря уже стояли новые коксовые батареи, кирпичные корпуса химических цехов, густо оплетенные газопроводами. На грохотах сортировки день и ночь шумел поток кузбасского кокса. Родной завод стал неузнаваем.

Это обрадовало молодого инженера. Он весь отдался техническому творчеству, и не было на заводе уголка, в который бы он не заглядывал и не пытался приложить свои знания, чтобы усовершенствовать производство.

Коксовики нового завода и сейчас помнят, как на первой быстроходной коксовой батарее расплавили огнеупорную кладку. Пришлось погасить две печи. Даже старые, опытные мастера и те отказались вернуть им жизнь. Страна теряла десятки тонн кокса в день. Филиппов никак не хотел с этим примириться.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спрашивал он Андрея Ефимовича Ломаченко, старого мастера печей, у которого в свое время учился азбуке коксового производства.

— Может быть, и можно, — отвечал Ломаченко, — да нужны умный расчет и большая смелость. Случались в моей практике закладки, но таких, помилуй бог, не встречал. Тут надо вынимать всю внутренность печей. А как удержать свод? Как не помешать соседним печам?

— Придумаем, — горячо сказал Филиппов.

— Подумаем, — усмехнулся старый мастер. Потом хитро прищурился. — Ты видел когда-нибудь такого доктора, который бы на ходу вырезывал у своего клиента мертвые части внутри тела. Не видел, да?! Вот и я не вижу, что можно на ходу оперировать коксовую батарею. Ведь она — живое существо.

Молодой инженер улыбнулся. Он искренне любил своего учителя, всегда чутко прислушивался к его советам. Но сегодня пошел наперекор и ему.

Сколько вечерних часов простоял Филиппов за чертежным столом с логарифмической линейкой в руках, никто не знал. А когда свои мысли выложил на белый лист ватмана, показал инженерам и своему учителю, разрешили «попробовать». Первый ремонт «мертвых печей» на горячем ходу прошел удачно. Печи ожили. С тех пор ни одно новое производство, ни одно крупное техническое усовершенствование на печах не начиналось без инженера Филиппова.

4. СТРАНИЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

Печенкин с Филипповым покинули контору, прошли по асфальтовой дороге под арками огромных газопроводов, мимо высоких труб, обошли двухэтажный корпус смолоразгонного цеха, отличавшегося от прочих замшелыми желто-зелеными окнами, и очутились на просторной площадке, заставленной большими железными ваннами, наполненными до краев жидкостью, отсвечивающей на солнце черным гляncем.

Черная жидкость с удушливым запахом — и есть пек. Он сливался сюда из смолоразгонных кубов. При остывании пек твердел, делался колким. Из ванн его выковыривали ломami. В сибирскую стужу эта работа не отнимала много времени, но летом пек можно было вынимать только до восхода солнца. Днем около ванн лежали расплывшиеся кучи. От солнечного тепла в лотках образовывались озера, вокруг которых на десятки метров не видно было ни кустика, ни травинки. Размягченная черная масса липла к подошвам ботинок.

Печенкин осторожно поднимал с мертвой земли вязкие куски пека, разминал их, задавал Филиппову вопросы. Филиппов отвечал обстоятельно, но сам мало расспрашивал о новом производстве. Это несколько обижало и тревожило Печенкина.

С пековых озер направились на старые коксовые печи.

Познакомившись с начальником цеха Золотаревым, гость тут же попросил показать хозяйство.

— Старенькое, все в заплатах и знакомое вам, как букварь, — глухо говорил Золотарев, стирая рукавом пот с лица. Он не любил водить экскурсантов по своему цеху. Не любил потому, что их тут нечем было удивить. Печи представляли интерес разве только для того, кто хотел знать родословную сибирского кокса. Не раз он рассказывал ее студентам местной техникума.

В 1722 году русский рудознатец Михаил Волков открыл в крутоярах правобережья Томи каменный уголь. Через сто лет на Томском заводе при участии талантливого русского инженера-механика Фролова был получен первый металлургический кокс. Сибирские коксовики опередили в этом деле американцев ровно на 30 лет.

В связи с постройкой Транссибирской магистрали коксовое производство перешло в Анжеро-Судженск. В 1903 году бельгиец Эванс Копе поставил здесь две батареи. Однако местные угли без примеси жирных углей не дали кокс нужного качества. Печи погасили. Поиски коксующихся углей продолжались. Их нашли в Барзасской тайге. Мощный пласт прекрасного спекающегося угля выходил на поверхность. Уральские горно-

заводчики арендовали участок земли у деревни Крохалевки, в тридцати километрах от Кемерово, организовали добычу угля и поставили 12 стойловых печей. Отсюда кокс на лошадях возили до Томи и отправляли на Урал.

В канун первой мировой войны началось развитие центральных районов Кузбасса. Акционерная компания «Копикуз» заложила два угольных рудника — Кемеровский и Кольчугинский. Одновременно с этим начались и опыты коксования углей. На левом берегу Томи, напротив Волковской горы, было построено 18 пламенных печей. Ежедневно здесь выжигалось до 40 тонн кокса.

В 1916 году «Копикуз» приступил к постройке коксохимического завода. Но построили его русские люди только в советское время. Первая коксовая батарея была пущена в эксплуатацию в 1924 году, через два года — вторая, а в 1929 году — третья.

По сравнению с новыми печами, построенными в годы сталинских пятилеток, старые печи казались игрушечными. Железобетонные угольные башни, схваченные сильными руками наклонных мостов, заслоняли прокопченные серенькие сооружения старого завода.

Но не история занимала техника Печенкина. Он интересовался прочностью огнеупорной кладки, тепловым режимом. Не догадываясь о цели прихода гостей, Золотарев сначала терпеливо отвечал на вопросы, а потом махнул рукой.

— Старье. Ломать пора.

— Сломать успеем, — вмешался в разговор Филиппов. — Сначала мы попробуем переквалифицировать.

— Как переквалифицировать? — полюбопытствовал Золотарев.

— Будем выжигать электродный кокс из пека.

— На этих печах?

— Да.

Золотарев недоуменно посмотрел на старшего инженера.

— Вот на этой крайней печурке и начнем первый опыт, — сказал Филиппов.

— Это, пожалуй, самое удачное место, — согласился Печенкин. — Тем более, что мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям.

Пек — это продукт каменного угля. Он получается в результате разгонки каменноугольной смолы, как жмых в маслоделии. Пек состоит из пылинок углерода, склеенных смолкой. Внешне он похож на вар, которым сапожники смолят дратву.

У пека чрезвычайно строптивый характер. На солнце он мягкий и липкий, словно мед, а в мороз — колкий, как стек-

ло. В народном хозяйстве он находил весьма ограниченное применение. Коксохимики считали его почти отбросом.

С ростом производства алюминия увеличивался спрос на дешевые высококачественные электроды. Встал вопрос, из чего же их делать? Тогда техники обратили внимание на пек.

Стране нужен был чистый, беззольный кокс для выплавки легких металлов. В 1938 году перед кузбасскими коксо-химиками была поставлена задача: освоить выжиг электродного кокса из пека в обыкновенных угольных печах.

5. ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Рассказ Печенкина на техническом совещании о коксовании пека на Макеевском заводе не вызвал глубокого интереса у технологов. Уж слишком все было просто и до наивности примитивно. Предложение инженера Филиппова — начать коксование на первой печи старой батареи — приняли без возражений.

Когда выходили из конторы, пожилой технолог сказал Золотареву:

— Завязали вам, Константин Васильевич, глаза темной повязкой и посылают на другой берег, а брода не указали — лезь ощупью.

— Ничего, как-нибудь найдем, — жестко усмехнулся Золотарев. Он не любил сочувственных улыбок, так же, как и торжественных обещаний. Будучи по натуре человеком с практической сметкой, он все делал последовательно, без суеты, спокойно. На другой день он заставил газовых мастеров и своего помощника готовить для опыта все необходимое.

Печенкину казалось: все делается чрезвычайно медленно, без души. Но он не торопил начальника цеха, терпеливо наблюдал за подготовкой. Былая самоуверенность покидала донецкого гостя. Все чаще он задавал себе вопрос: удастся ли первый опыт? Ему так хотелось удачи! И в то же время он понимал, как мало от него зависит. Не только он, никто во всем мире не знал тайны рождения электродного кокса.

Старая батарея работала без остановки десятый год. Огнеупорная кладка износилась, но трещин на подине и на стенках не наблюдалось. Можно было не опасаться, что жидкий пек из камеры проникнет в огневые простенки, зальет подовые каналы и погасит пламя. Так казалось Золотареву. И он недоумевал, зачем его консультант с опаской заглядывал в каждый люк, в огневой колодец, хмурил брови, придирчиво замечал каждую мелочь.

А Печенкин, действительно, опасался, как бы жидкий пек не ушел в тоннель батареи. Кто знает, какие он вызовет последствия. Возможно, придется остановить весь завод.

В хмурое сентябрьское утро на рабочей площадке батареи появились грузчики в новых брезентовых куртках и войлочных шляпах с широкими полями.

Поднимать по крутому трапу тачки с пеком — труд не легкий, а главное — непривычный. Золотареву пришлось собирать добровольцев со всего цеха. Подобрались один к одному — рослые, коренастые парни, опытные прокуренные коксовики. Они сидели на тачках возле трапа, дымили махоркой.

В последний раз осмотрев печь, Золотарев с Печенкиным спустились на площадку.

— Все на месте?

— Все. Ждем сигнала, — ответил бригадир, затапывая папироску.

— Двери промазали в три слоя? — поинтересовался Печенкин.

— В три. Надежно сделали.

— Приступайте! — кивнул головой грузчикам начальник цеха и пошел с Печенкиным по трапу на верх батареи.

Когда первая тачка была подана к открытому люку, Золотарев поднял тяжелую глыбу пека и бросил в раскаленную печь. Прикрывая рукавом лицо, склонился над люком. Глыба таяла, обволакиваясь кудрявым желто-зеленым дымом, который медленно поднимался вверх.

Загрузка шла без помех. Печь быстро заполнялась черными глыбами пека. Из открытых люков наружу вырывался едкий дым, слезил глаза и обжигал лицо, словно крапивой.

Рабочие закончили загрузку, закрыли люки, залили крышки жидкой глиной. Из стояка высоко поднялся столб буро-коричневого дыма и поплыл к реке. Через минуту цвет дыма изменился, стал бледнозеленым. Барильетчик закрыл стояк и включил печь в общий газосборник.

Первые полтора часа пек вел себя послушно. Он набирал тепло. Тем временем в цехе продолжалась будничная работа. Вдоль батарей, пышащих жаром, ползали коксовыталкиватели. На верху печей катались тележки, наполненные угольным порошком. На стояках то и дело вспыхивали факелы огня, сменяющиеся черными жгутами дыма. Над деревянным конусом башни тушения поднимались белые клубы пара. И ничто, казалось, не могло нарушить давно заведенного порядка.

Но вдруг над опытной печью взвилось яркое пламя и начало быстро растекаться по каменной кладке. Инженеры первыми бросились тушить пожар. С лопатами в руках, они сбивали пламя песком. Но труд их был напрасным. Подоспевшие на помощь рабочие также ничего не могли сделать.

Огонь бушевал. С ним не справилась и заводская пожарная команда. Пек кипел, пенился и, вырываясь на воздух, горел. Не было силы, которая могла бы его остановить.

Через некоторое время он перестал пениться и стих, скованный твердой коркой, образовавшейся возле раскаленных стенок печи.

Когда первый коксовый пирог был готов, коксовики столкнулись с новой трудностью. Двери печей прикипели к кирпичу. Обычным путем их нельзя было открыть. Ломы, кувалды, зубила — все было пущено в ход. Но двери не поддавались. На угольных печах таких случаев никогда не бывало, и никто толком не знал, как подступиться. Двери взяли приступом. Когда их открыли, то увидели, что печь почти пуста. На подине лежала небольшая горка кокса.

После первой неудачи техник Печенкин потерял интерес к пеклу и вскоре покинул завод. Вся трудность освоения нового производства легла на плечи молодых инженеров и техников Кемеровского коксохимического завода.

6. ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

Директор завода Виталий Алексеевич Максимов десятки раз перечитывал приказ Министерства. Человек с богатым жизненным опытом, он чувствовал, какая ответственность возлагается на него и на весь коллектив. За семь лет руководства заводом ему приходилось сталкиваться с большими трудностями и преодолевать их. Он верил, что и теперь найдет все необходимое для достижения цели.

...Кокс — это сплавленный уголь, из которого выжаты летучие вещества. Его куски серебристого цвета, ноздреваты, как губка, звонки, как фарфор, и легки, словно вырублены из сухой ели. Кокс — это пища для доменных печей, сырье для цветной металлургии, топливо для вагранок.

Основной базой производства кокса был Донбасс. Во время Отечественной войны донецкие печи, находившиеся на территории, временно оккупированной врагом, были погашены. Но фронт требовал с каждым днем больше металла. Надо было выжигать больше кокса. Это могли сделать только уральцы и сибиряки. Из Кремля на Кемеровский завод передали по телеграфу приказ: довести выжиг кокса до... (указывалось время, количество тонн)...

Раздался телефонный звонок. Директор поднял трубку.

— Читал? — спрашивал секретарь обкома партии.

— Читал.

— Трудное дело. Но мы уверены, что коксохимики не уронят чести сибиряков, справятся с задачей. Поднимайте людей.

— Нам доверили большое дело, — говорил директор на заседании парткома. — Вера партии — это неизмеримая сила, которая вдохновляет советских людей на подвиги. Мы выполним приказ Родины.

Тихо в просторной комнате парткома в этот предрассветный час. Все, кто сидит здесь, думают так же, как и директор, но никто сразу не может предложить короткий путь к решению задачи. Все, что можно было сделать, кажется, сделали. Печи работают с предельной нагрузкой.

Но камеры можно загружать полнее, если предохранить их своды от заграфичивания. Как в сильный мороз влага воздуха, сгущаясь, оседает инеем на деревьях, так графит осаждается на стенках печей и постепенно превращается в твердые наросты, уменьшая емкость печей.

Коксовики знали только одно средство борьбы с графитом: выжигали его из печи сжатым воздухом.

Но как предупредить печи от заграфичивания? Это даст дополнительно четыреста тонн кокса в сутки. О борьбе с графитом думали директор, члены партийного комитета, все коксовики.

Свод камеры обрастает графитом потому, что перегревается. Необходимо было найти способ остужать пространство под сводом. Чем? Водой?

Попробовали. На коксовых печах поставили гидранты и с помощью форсунок начали охлаждать своды водяной пылью. Не вышло.

Тогда переключились на пар. Сколько потратили русской смекалки и сил, чтобы смонтировать паропроводную систему и включить ее в действие! Однако ничего из этой затеи не получилось.

На заседании парткома долго искали причины неудач. И снова решили продолжать наступление на графит.

В жизнь завода включились научные работники. Они предложили уплотнять шихту, смачивая ее маслами. По всем расчетам это должно было повысить загрузку камер.

Расчеты не оправдались. Графит попрежнему оставался «хозяином» верха печей.

— Работаем на совесть, всю душу в печи вкладываем, — говорили рабочие, — а кокса даем мало.

Эту обиду остро чувствовали все инженеры заводы и, пожалуй, больше других — Борис Сергеевич Филиппов. Еще лет пятнадцать назад, будучи чертежником технического отдела завода, он думал, как удалить графит из печей. С той поры он не переставал искать решения этой задачи. Но поиски заканчивались безрезультатно.

Правда, теперь он был глубоко убежден в том, что бороться с графитом надо планером-штангой, которой разравнивают в печах шихту во время загрузки. Надо, чтобы одиннадцатиметровый металлический брусок «плавал» по сыпучей массе точно так же, как, скажем, плавает по воде катер, приподняв кверху нос.

Но как переделать планер, чтобы он одновременно и трамбовал шихту и стряхивал графит со стенок камеры?

Борис Сергеевич напрягал все свои силы. Сколько бессонных ночей провел он за техническими расчетами, чертежами, моделями, пока, наконец, разгадал тайну «плавания» планера по шихте!

Когда тайна стала открытой, графит на угольных печах победили. Производительность печей увеличилась.

7. СТАХАНОВСКАЯ ПОПРАВКА

Если на угольных печах с большим трудом удалось справиться с графитом, то на пековых эта задача казалась неразрешимой. Коксовики пековых печей работали с тем неистовым напряжением, с каким работают транспортники в дни февральских метелей.

Графит нельзя было унять. Он бушевал под раскаленными сводами камер, забивая горла стояков, и, подобно тяжеловесному молоту, методично ударял по стенкам, стремился прорваться в огневые колодцы, потушить пламя. Огнеупорный кирпич не выдерживал этой непрерывной, бешеной атаки и разрушался. Сначала в кирпичах появлялись трещинки. В них проникал раскаленный графит, и кирпичи начинали разбухать.

Но так как температура все время резко менялась — во время загрузки она падала, а в процессе коксования высоко поднималась, — то и кирпич, подчиняясь законам физики, то сжимался, то расширялся. В стенках печей появлялись щели, по которым жидкий пек проникал в огневые каналы, и начинался пожар.

Тушение пожаров хотя и отнимало у работников цеха много времени и сил, но было еще не самым страшным злом.

Самым страшным и, на первых порах, необъяснимым явлением было другое. Готовые, хорошо пропеченные коксовые пироги не отставали от подины. Коксовыталкиватель, который легко выталкивал угольный пирог, не мог сдвинуть с места пековый, хотя он был в два с половиной раза легче угольного пирога. Приходилось выгребать электродный кокс вручную. А это была жаркая работа.

В цехе никто не хотел мириться с таким положением. Инженеры, техники, мастера, стахановцы настойчиво стремились по мере сил и опыта внести в это свою догадку.

Беспокойные, трудные дни переживал завод. Многие инженеры, в том числе Борис Сергеевич Филиппов и Константин Васильевич Золотарев, находились в отъезде. Пековое производство лежало на плечах молодых техников Петра Яковлевича Калякина и Павла Лаврентьевича Салтана, выпускников Кемеровского коксохимического техникума. Они со студенческой скамьи привыкли к старым печам и не замечали тех трудностей, которые каждому новичку бросались в глаза. Они работали с редким упорством, повседневно совершенствовались в производстве. Но чувствовалось, что им одним чрезвычайно трудно. Поэтому, когда на завод пришел молодой инженер Яхнис, ему сразу же предложили идти на пеко-коксовое производство. Молодого инженера увлекло новое дело.

Осенью 1942 года кемеровским коксохимикам дали задание удвоить выжиг электродного кокса. Выполнить это задание было особенно трудно: установка для плавления пека была мала, а для постройки новой не было времени.

Что делать?

Решили коксовать пек так же, как уголь. И это дело поручили инженеру Яхнису.

На печах удесят�ерилось напряжение. Твердый пек начали дробить. Но при загрузке печей пековая пыль буквально ослепляла. Помощь врачей оказалась бесполезной. Тогда по предложению инженера Яхниса отказались от дробления пека, а стали загружать его кусками, смоченными водой. На верху печей удалось создать терпимые условия.

Но причины забуривания печей попрежнему оставались неразгаданными.

В цехе об этом шли бесконечные разговоры.

— А знаем ли мы, что происходит в печах? — думал инженер Яхнис. — Нет, не знаем.

Он вспомнил историю развития коксового производства. Сто пятьдесят лет разгадывали тайну рождения кокса и применения его в металлургии. Долго. Очень долго. Но это было в условиях капитализма. В советских условиях, когда производительным силам дан широкий простор, все проблемы решаются в тысячу раз быстрее и эффективнее. И он понимал эту закономерность. Все глубже и глубже вникал в производство, прислушивался к советам опытных рабочих.

— Вот что я думаю, — сказал однажды аппаратчик Владимир Беляев. — Не попробовать ли нам начинать загрузку с машинной стороны?

Потомственный коксовик, более десятка лет проработавший вместе с отцом, Феоктистом Ивановичем, на печах, Владимир славился стахановской работой. Обычно малоразговорчивый и спокойный, на этот раз он горячо доказывал инженерам целесообразность своего предложения.

Объяснения Владимира Беляева были противоречивы и не удовлетворяли ни Яхниса, ни Салтана, ни Калякина. Тем не менее, все согласилось попробовать на практике. Знали: хуже не будет.

Изменили способ загрузки. Печи стали забуриваться реже. Но положение оставалось тяжелым.

Однажды, когда инженеры стояли на машинной площадке возле открытой печи, всматриваясь в оранжевые наросты графита, к ним подошел стахановец-аппаратчик Макар Владимиренко.

— Я думаю, — сказал он, — вся беда у нас в загрузке. Разрешите мне по-своему загрузить печь. Если у меня не получится, государство не понесет убытки. Я разгружу ее своими руками.

Инженеры переглянулись.

— А что, — согласился Салтан. — В самом деле, пусть попробует.

— Грузи, — разрешил Яхнис.

Раньше печь загружали маленькими порциями жидкого пека через небольшие промежутки времени. Макар Владимиренко удлинил эти промежутки. Результат получился удивительный. Пирог из печи вышел, как говорят, без сучка, без задоринки.

В цехе все восхищались. Инженеры и техники в недоумении пожимали плечами. Владимиренко сделал удачный опыт, руководствуясь только своими наблюдениями. Он не знал законов коксования и не брался объяснить свой опыт. Но инженерам нужно было найти причины успеха. Яхнис и Салтан занялись наблюдением за печами.

Прошло две недели, и секрет раскрылся.

Когда в раскаленную камеру попадает порция жидкого пека, она быстро обволакивается корочкой кокса. Получается что-то похожее на конфету с начинкой. Во время заливки второй порции жидкость не проламывает этой корки, а коксуется как бы отдельно. В процессе коксования происходит усадка, и посередине печи образуется пустота или, как говорят коксовики, «дупло». Другими словами, коксовый пирог разламывается на две части, распирает стенки камер и не поддается выдаче.

У Владимиренко пирог получается без дупла.

Почему?

Потому, что стахановец-рационализатор подождал, пока загруженная порция пека прококсуется, а потом заливал жидкий пек на пористую, уже прококсованную массу. Пек проникал глубоко в поры, и весь пирог сливался в монолитный кусок.

Так аппаратчик Макар Владимиренко внес существенную поправку в технологию пекового производства.

Собирая годами по крупницам опыт, терпеливо разгадывая тайны рождения электродного кокса, новаторы все больше убеждались, что на старых камерных печах работать невыгодно. Надо было придумать что-то новое.

По предложению института проектирования коксовых установок на заводе начали постройку подовой батареи. Она обладала тем преимуществом, что давала более высокий выход кокса, нежели действующие печи. На подовую батарею смотрели с большой надеждой.

8. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ФИЛИППОВА

После продолжительной командировки Филиппов вернулся на родной завод. В пекококсовом цехе растапливали подовую батарею. Когда он переступил порог кабинета, директор поспешил заметить:

— Мы тут без вас, Борис Сергеевич, такие печурки построили, залюбуешься! Последнее слово техники! Высокий выход кокса и никаких пожаров. Пойдемте, покажу.

«Подовка», как ее называли коксовики, представляла громоздкое, неуклюжее сооружение из шамотного кирпича и металла. По сравнению с другими она была очень низка: чтобы заглянуть в печь, приходилось нагибаться. Коксовики к этому не были привычны. Конструктор словно забыл, что на печи будут работать люди, а им нужно создать удобства для быстрого и точного выполнения сложных операций.

Инженер Филиппов, хорошо зная историю развития электродного производства, разу раскусил «новинку» и с присущей ему прямоотой сказал:

— Не было печей и это не печи. Ученическая работа. Зря силы тратили.

— Это уж чересчур! — вспыхнул директор.

Батарея стояла на растопке, и он жил мыслью громко отпраздновать день пуска, послать в Москву рапорт о новой трудовой победе коллектива. А тут вдруг — «зря силы трагили». Директор выпрямился и, поднимая крутые брови (признак крайнего раздражения), продолжал:

— Печи сделаны по проекту очень авторитетного института. По-вашему, там инженеры только афоризмы Козьмы Пруtkова читают?

— Видимо, не читают, и зря, — спокойно ответил Филиппов. — У Пруtkова хорошо сказано: «Не ходи по косогору — сапоги стопчешь».

— Это как же прикажете понимать?

— Просто. Авторы сбились на чужую дорожку и преподнесли нам переделку устаревшей конструкции печей одной иностранной фирмы.

— Вы так думаете?

— Не думаю, а вижу. Больше того, в основу проекта положена ложная идея: будто коксование пека надо вести при низких температурах, и тогда кирпичная кладка не будет разрушаться. На самом деле, это далеко, далеко не так.

— Вы это можете доказать? — директор бросил недоверчивый взгляд на инженера.

— Попробую.

— Тогда давайте продолжим этот разговор на техническом совете. Но я должен предупредить: у вас будут серьезные противники.

— Естественно. Разговор-то ведь будет тоже серьезный, — улыбнулся Филиппов. — Время пришло ставить электродное производство на собственные ноги.

— Вот как, — пожал плечами директор. — А мне казалось, что это сделано.

— Э, нет. Все еще — впереди.

Филиппов не любил сглаживать углов. Поэтому разговор на техническом совете принял острый характер.

Инженеры сразу разделились на два лагеря. Филиппов называл подовую батарею «мертворожденным детищем». Его поддерживали инженер Яхнис, техники Калякин и Салтан — те, кто имел за своими плечами практический опыт коксования пека. Поклонников «подовки» возглавлял заместитель главного инженера Аверкин, низенький, круглый человек в больших роговых очках, которого на заводе метко называли «удобно обтекаемым». Он хорошо умел прятать свои чувства и говорил глухим воркующим голосом, напоминающим журчание воды под крапом.

— Предположим, мы все согласились с Борисом Сергеевичем, — сказал Аверкин, поблескивая очками. — Подовая батарея — это не то, что нам надо. А что он предлагает нам взамен?

— Высокий накал, — твердо бросил Филиппов. — Надо вести процесс коксования на предельно высокой температуре, скажем, при 1500 градусах.

— Помилуйте! — всплеснул короткими руками Аверкин. — Да вы так весь завод спалите. При низких температурах каждый день пожары, а тогда что — пожарникам прикажите работать без выходных?

— Наоборот, мы тогда пожарникам дадим долговременный отпуск, — возразил Филиппов. — Пожаров не будет. Почему они сейчас нас мучают? Потому, что на печах хозяйничает пек. Он лезет во все щели кладки. А при высоком накале мы взнуздаем его. Он не прикоснется к сильно нагретым стенкам камеры и не проникнет в глубину кладки. Высокая температура его не пустит туда. Он сразу же покроется коксовой коркой, сделается цыпленком в яичной скорлупе.

— Это — смелая догадка, — согласился Аверкин, — но не больше. Однако нам пока неизвестен опыт применения высоких температур.

Филиппов вскочил:

— Что же теперь сидеть и ждать? Поглядывать за моря и океаны, когда там попробуют и нам скажут, так, по-вашему, получается? Меня это просто оскорбляет.

— Простите, Борис Сергеевич, вы меня не совсем точно поняли, — перебил Аверкин, скрещивая на животе руки. — Я вовсе не имел намерения оскорблять кого бы то ни было. Да не за этим мы сюда и собрались. А что касается существа дела, то я должен авторитетно заявить: нечего нам заниматься экспериментами, кустарничать. Мы призваны вести эксплуатацию печей, выжигать кокс. Для поисков чего-то нового есть другие люди. Пусть они делают свое дело. Дали нам проект подовой, мы ее построили. Говорите — плохая. Соглашаюсь. Стало быть, надо ее усовершенствовать. Вот и давайте над этим думать. Это входит в наши служебные функции.

— А создать свои отечественные печи, значит, не входит в наши функции, — зло усмехнулся Филиппов. — Я глубоко убежден в другом. Все то, что идет на пользу моей стране, я и призван делать.

Аверкин с'ежился, втягивая короткую шею в круглые плечи.

— Вы, Борис Сергеевич, перешагиваете в область чистой политики. Я же говорю с вами узко технически...

— Позвольте, Петр Саввич, заметить, — вмешался главный инженер, — вы неправы. Восхищаться нам «подовкой»

или думать о создании своих печей — это вопрос глубокой политики...

Подовую батарею пустили. Предположения инженера Филиппова подтвердились полностью. Пек продолжал хозяйничать на печах. В тоннелях и на рабочих площадках было жарко. Процесс коксования длился более шестидесяти часов. Огнеупорная кладка сгорала на глазах. Пожарники зорко несли вахту. Завод приносил государству большие убытки.

Мысль о высоком накале не давала покоя.

В это время Бориса Сергеевича Филиппова назначили главным инженером завода. Теперь у него было больше возможностей осуществить свою идею — построить высокотемпературные печи. Но и ответственность удваивалась.

«А если неудача?», — спрашивал он себя. Подорвет доверие к высокому накалу, затянет решение неотложной задачи. Пожалуй, следует посоветоваться с парторгом ЦК. Что скажет он?

Парторг ЦК ВКП(б) Алексей Васильевич Гаевский, много передумал о пекококсовом производстве, отлично зная все его теневые стороны. Слушал он главного инженера внимательно, одобрительно кивая головой.

— Верно, — поддержал Гаевский. — За выжиг кокса отвечаем мы. Следовательно, мы и должны больше всех думать, как поставить новое производство на собственные ноги. Риск большой. Да. Но ведь, как говорят, волков бояться — в лес не ходить. И еще. Почему вы, Борис Сергеевич, один хотите взять на себя всю ответственность? По-моему, следует сделать так: вы, как главный инженер, подымайте всех технологов завода, начинайте разрабатывать проект. Сделаете — соберем техническую конференцию и там окончательно обсудим.

— Хорошо, — повеселел Филиппов. — Лучшего не придумаешь.

— Тут надо подходить к делу с широким захватом, — продолжал парторг. — Главное — добейтесь того, чтобы на новых печах были хорошие условия труда. И дома, и школы, и санатории, и заводы — все мы строим для человека-труженика. В этом глубочайший революционный смысл. А что некоторые технологи ругают вашу идею, это, если хотите знать, хорошая примета. В вашей идее новизна. — Она-то равнодушных и пугает. А они начинают пугать других. Но мы-то — коммунисты! Разве нас можно чем-нибудь испугать?

Поддержка партийного комитета окрылила Филиппова. Дни и ночи он сидел над расчетами, набрасывал эскизы, давал задания своим помощникам. Инженера Яхниса и техни-

ков Салтана и Калякина усадил за обобщение опыта по коксованию пека.

Хотелось использовать все, что по крупнякам собиралось долгие годы. Начальнику технического отдела Николаю Петровичу Токареву с группой конструкторов поручил разработку механической части проекта.

Материалом для постройки печей Борис Сергеевич избрал динасовый огнеупорный кирпич. Он легко выдерживает высокий накал, передает тепло и, главное, как говорят специалисты, «не растет» при нагревании. Для Филиппова это было чрезвычайно важно. Он ставил себе целью создать быстроходные печи, в четыре раза сократить период коксования.

Но жизнь заставляла думать и о другом. Коксовые печи строятся из фасонного кирпича. Если инженер предлагает печь своей конструкции, то он предлагает и свои марки кирпича. На огнеупорный завод делается специальный заказ. Так поступали всегда. Филиппову никто бы не бросил упрека, если бы он захотел пойти по проторенной дорожке. Однако он от нее отказался. Все огнеупорные заводы перегружены заказами для восстановления коксовых установок Донбасса. Филиппов дорожил временем и народными деньгами.

— Прикиньте, сколько нам будет стоить огнеупор четырехсот фасонов, — сказал он начальнику технического отдела. Ему называли цифры.

— Нет, это слишком дорого. Вы, Николай Петрович, никогда не видели, как делают ковры?

— Не приходилось, — отозвался Токарев. — Говорят, что работа требует мастерства и терпения.

— Правильно, — улыбнулся Филиппов. — Вам тоже придется запастись этими качествами. Заказывать огнеупоры не будем. Сотрем печи из фасонов, которые имеются на складах. Дешевле и быстрее.

— Что ж, попробуем, — после долгого раздумья согласился Токарев.

— Вы хотите сказать: сделаем, — поправил главный инженер. — В технике нужна точность.

После этого разговора в окнах технического отдела по ночам долго горел свет.

На заводе нарастала тревога. Выли февральские бураны. Коксовый жиг на подовой батарее падал. Печи густо дымили и забуривались. Долго так продолжаться не могло. Нужно было срочно форсировать постройку очередной группы печей, иначе нельзя было думать о выполнении государственного плана.

Главного инженера занимал один вопрос: а что, если начать одновременно и проектирование и строительство новых печей? Какая колоссальная экономия времени и средств!

Филиппов стоял на высоком деревянном помосте возле горки желтоватого кирпича в кругу шамотчиков. Ему предстояло сейчас сказать, закладывать ли очередную группу печей по старым чертежам или по эскизу, что лежит у него в кармане. Он смотрел на бетонную, чисто выметенную площадку и молчал. Молчали и другие.

Слишком уж хотелось Филиппову увидеть новые печи, убедиться в правильности своей идеи, своих расчетов, поставить производство на крепкие ноги. Он никак не мог относиться равнодушно к тому, что только из-за скорого износа печей завод приносит государству миллионные убытки. Продлить жизнь печей месяца на три, и убытков не будет.

Но было очень рискованно начинать кладку по черновым наброскам и на ходу доделывать проект. Первым ответ будет держать он, главный инженер, которому доверили...

Впрочем, не в том дело, кто будет отвечать, если завод не выполнит государственный план.

Тягостное молчание нарушил человек в офицерской гимнастерке. На плечах у него были погоны капитана, на правой стороне груди поблескивали ордена и медали. Старые рабочие сразу признали в нем бывшего начальника цеха.

— Константин Иванович! — широко улыбаясь, громко сказал мастер кладки Смирнов, подавая руку. — Вернулись! Вот это здорово! Когда?

— Вчера, — глуховатым, смущенным голосом ответил Золотарев. Он всегда почему-то смущался, когда привлекал к себе внимание окружающих.

— Не вытерпел, значит, пришел, — оглядывая офицера, не унимался Смирнов.

— Не вытерпел, — повторил Золотарев и еще больше смутился.

— Хорошо, что приехал, — улыбаясь, сказал Филиппов, крепко пожимая руку. — У нас тут работы...

Главный инженер коротко передал своему однокашнику по институту суть дела.

— Да... Заманчиво, — тряхнул плечами Золотарев и, по давнишней привычке, часто замигал близорукими глазами. — Интересное дело. Очень интересное.

— Я думаю, строить будем новые печи, — твердо сказал Филиппов, обводя взглядом присутствующих.

— Хуже не будет, Борис Сергеевич, — первым отозвался Смирнов. — Такой у нас народ! Сколько инженеров... Додумаем, не первый раз.

— Ждать нечего, — поддержал Золотарев. — Я завтра выйду на работу. Куда меня пошлете? — и посмотрел на главного инженера.

— Как «куда»? — недоуменно пожал плечами Филиппов. — Вот сюда, в цех, на старое место. Будешь строить.

Золотарев улыбнулся.

— Что ж, будем строить.

— Ну, ребята, чего же мы стоим, — обратился мастер к рабочим. — Доставайте шнуры. Где там подсобники? Раствор пусть заводят. Сегодня ряда два успеем положить.

Когда на заводе узнали о закладке печей по новому, еще незавершенному проекту, никто не удивился. Инженеры и техники восхищались смелостью главного инженера. Они внимательно выслушивали его распоряжения, а иной раз и упреки. Работы, конечно, всем прибавилось. Филиппов сам не спал ночей, всех торопил: в техническом отделе — конструкторов, на рабочей площадке — шамотчиков, в цехе — инженеров и техников. Он вникал во все детали, давал советы, заставлял думать. Не привыкший делать что-нибудь механически, без критического осмысливания, он зажигал в своих помощниках творческий огонек. Равнодушных не оставалось...

Участники заводской технической конференции единодушно одобрили проект и вынесли решение просить главк поддержать инициативу творческого коллектива.

На заводе наступили волнующие дни. Новые печи были растоплены и приготовлены к загрузке.

«Как они поведут себя? Подчинятся ли человеческой воле?» — эти вопросы волновали техника Калякина и инженера Яхниса, которым была поручена растопка новых печей. Ведь до сих пор никому еще не удалось управлять огнем в пековых печах. Они вспоминали разговор с крутыми специалистами-теплотехниками. Тогда вот так же растапливали группу печей. Работники цеха обратились к теплотехникам за советами:

— Возможно ли отрегулировать пековые печи?

— Нельзя, — авторитетно ответили теплотехники.

— Почему?

— Попробуйте заставить ветер дуть в ту сторону, в какую вам хочется. Не можете? Так и мы не можем управлять огнем в пековых печах.

Но на новых печах техник Калякин опроверг это утверждение. Он установил твердый режим. Инженер Яхнис разработал график загрузки печей. Вместе с этим коксовики научились применять пар для борьбы с графитом.

После девятилетнего упорного труда кемеровские технологи все-таки подчинили себе стихию на пековых печах.

На заседании завкома, где подводились итоги соревнования, присутствовало больше ста пятидесяти инженеров, техников, мастеров и стахановцев завода. Когда заместитель начальника пекового цеха инженер Яхнис поднялся на трибуну, в зрительном зале наступила тишина.

Все присутствующие в зале участвовали в решении большой и сложной задачи. Новая коксовая установка была творчеством коллектива. Естественно, каждому хотелось знать результаты затраченного труда. Инженер Яхнис сказал то, чего от него ждали.

Коллектив пекококсового цеха выполнил свои обязательства. Новая коксовая установка освоена. Коксование пека ведется на предельно высокой температуре. По сравнению с подовыми печами процесс коксования сократился в четыре раза. Вдвое снижен расход газа и пара. Производительность труда рабочих увеличилась. Созданы нормальные условия для работы. Срок службы печей несомненно увеличится. Короче говоря, за один только месяц коксовики сэкономили четверть миллиона рублей.

9. НОВЫЙ ШАГ ВПЕРЕД

В первые дни нового года на каждом промышленном предприятии, стройке, в совхозе и колхозе нашей страны собираются люди и сообща обсуждают перспективы работы. Вместе с выражением сердечной любви, привета и благодарности за счастливую жизнь, они рапортуют о своих достижениях и берут обязательства добиться новых побед в творческом труде.

В 1951 году, когда на коксохимическом заводе начался такой разговор больше всех задумались работники пекового цеха. Они сделали большой шаг вперед: создали новую конструкцию печей, подняли выжиг кокса. За это Борис Сергеевич Филиппов, ставший к этому времени уже директором завода, инженеры Константин Васильевич Золотарев, Николай Петрович Токарев и Ефим Израйлевич Яхнис были удостоены звания лауреата Сталинской премии.

С тех пор прошло три года. А пекококсовое производство продолжало стоять на одном уровне. Коксовики-электродчики, вместо похвал, все чаще и чаще стали слышать упреки: «Топчетесь на одном месте, товарищи!» Они остро переживали эти упреки. Многочисленные опыты не меняли положения. Теперь их сокрушала забота: что они скажут. Какие возьмут обязательства? Их забота передавалась другим. Все

на заводе понимали — надо удешевить выжиг электродного кокса. Для этого необходимо удлинить кампанию печей.

Тревога нарастала. Из цеха она перекинулась в партийный комитет, в заводоуправление. Какие обязательства будут брать коксовики-электродчики? Этот вопрос занимал всех инженеров и рабочих.

— Вот что, Константин Васильевич, — заметил Филиппов начальнику цеха. — Давайте подготовим широкое производственно-техническое совещание. Надо критически подытожить опыт и заставить всех думать, думать и еще раз думать. Сначала пусть инженеры и техники цеха внесут свои предложения, а затем послушаем, что скажут остальные. Я думаю, нужно взять обязательство: в нынешнем году довести выжиг кокса в одной печи за кампанию до 1300 тонн.

— Тысячу триста? — Золотарев удивленно посмотрел на директора. Он давно привык к смелым мыслям Филиппова, но такой цифры не ожидал.

— Это что же, надо увеличить выжиг на 500 тонн?

— Да, — подтвердил директор. — Сомневаешься?

Золотарев молчал.

— Я сам немножко сомневаюсь, — признался Борис Сергеевич, улыбаясь уголками губ. — Но мы должны по-государственному решать дела, время не ждет.

На производственное совещание собрались не только работники цеха, но и все инженеры заводоуправления и смежных производств. С глубоким вниманием коксовики слушали докладчиков, вдумывались в каждое предложение.

Филиппов сидел за столом, подперев рукой подбородок, и пытливо смотрел на оратора. Говорил аппаратчик Добряков:

— Мы пускаем очередную группу печей. И что ж, опять будем работать только три месяца? Ломаем да строим, строим да ломаем. Контору завели. Пережженным кирпичом торгуем. Дома из него строим. Слов нет, крепкие дома ставим. Веку им не будет. А все-таки надо признаться — неладно это. Надо заставить печи дольше жить.

Аппаратчик говорил то, что у каждого было на сердце. Люди встревожены, хотят решить задачу — значит, она будет решена.

Обязательство — довести выжиг пекового кокса в одной печи до 1300 тонн за кампанию — было принято единодушно.

Коксовики давно убедились: загружать печи выгоднее горячим пеком. Но легко сказать — горячим, а как его подогреть? Сначала пробовали это делать в кубе с огневым обогревом. Пек на дне куба коксовался, а наверху был холодный. Тогда главный инженер поручил технику Салтану найти практический способ подогрева пека.

Техник Салтан засел за книги. Он узнал, что разогревать можно паром, но это очень дорогой способ. А нельзя ли придумать что-нибудь попроще? Салтан принялся за опыты. Много раз его постигали неудачи, но в конце концов он добился своего.

Материалы исследования он передал в технический отдел завода, где по его предложению был сконструирован подогреватель пека.

С тех пор прошло пять лет. Коксовики научились подогревать пек до двух сот градусов. В то же время они пришли к твердому убеждению, что необходимо увеличить температуру пека.

Зачем?

Они продолжали настойчиво бороться с так называемым «тепловым ударом». Дело в том, что когда жидкий пек заливают в раскаленную печь, температура огнеупорных стенок резко понижается. Подчиняясь закону физики, кирпич при охлаждении сжимается, в простенках образуются щели, куда попадает жидкий пек. Там он скоксовывается и таким образом распирает печь. Печь старится. Следовательно, нужно продолжать подогрев пека.

Снова начались поиски. Инженерам давно было известно, что для подогрева смолы нефтяники пользуются трубчатой печью.

— А что, если попробовать трубчатку? — подал кто-то мысль.

К предложению прислушались. Мысль о постройке трубчатой печи захватила всех.

Филиппову мысль о трубчатке не понравилась. Пек — это не смола, которую можно подавать любым насосом. Пек быстро стынет. Директор спросил:

— Где взять нужный насос?

— Будем искать — найдем, — отвечали инженеры.

— Хорошо. Верю, — согласился директор.

За решение этой задачи взялись механики Златин, Карлов, начальник технического отдела Токарев и Золотарев.

Сначала их увлекла мысль поставить насос с электрообогревом. Но решить эту задачу не смогли.

Поставили два паровых насоса. Но горячий пек начал выжигать сальники. Придумали способ их охлаждения. Но появилась другая помеха: поршневые кольца стали заклиниваться углеродом.

Директор завода пристально наблюдал и торопил инженеров. Они сутками стояли у насосов и все-таки не могли заставить их качать горячий пек.

После долгих поисков механики выбросили поршневые кольца и заменили их плунжором. Насос с плунжорами начал качать горячий пек на коксовые печи. Проблема была решена.

Когда в партийном комитете спрашивали коксовиков, что же мешает удлинить срок службы печей, коксовики отвечали: нам подают пек с низкой точкой явления. Наши поставщики должны давать высокоплавкое сырье. Но в партийном комитете знали, что высокоплавкий пек на заводе еще не научились делать. А как же требовать от других?

В высокоплавком пеке, как говорят химики, больше свободного углерода, и коксование идет легко.

Инженеры Филиппов, Коминов, Белгородский, Штейн, техники Смоляков и Очерет создали и освоили окислительную установку. Удалось поднять температуру плавления пека. Печи стали дышать ровнее.

Инженеру Яхнису, техникам Калякину и Салтану больше, чем кому-либо, было понятно, что любое усовершенствование не принесет нужной пользы, если на печах не будет достигнут твердый технологический режим, четкий ритм. А постоянного режима на печах не было.

Необходимо было ввести в действие поминутный график, загружать печи и выдавать кокс по часам. Но это не легко было сделать. В конструкции печей были недостатки. Техник Салтан с конструкторами много поработали над усовершенствованием конструкции печей. Тем временем помощник начальника цеха Яхнис с Калякиным, Пастором и Баранцевым искали пути борьбы с графитом. Они усовершенствовали штангу, для продувки печей применили сжатый воздух, снизили расход пара, добились равномерной загрузки печей и улучшили тепловой обогрев.

Кадровые рабочие — машинист коксовыталькователя Зайцева, замазчик Будиев, газовщик Кавешникова, аппаратчик Прудон — освоили новую технологию. Бригада Ильи Андреевича Скучина добилась самых высоких показателей.

График на печах стал нерушимым законом.

В погожий осенний полдень на бетонной площадке, возле открытой печи стояла большая группа людей. Лица их были опалены жаром и покрыты копотью. Они весело обменивались короткими фразами, смотрели друг на друга с уважением и дружелюбием.

Они прошли трудный и славный путь по нехоженным тропам техники. За двенадцать лет совместного творчества они подружились, научились понимать друг друга с полуслова.

Коксовики пытливо заглядывали в светлооранжевое нутро печи. Для постороннего человека там ничего примечательного не было — две раскаленные стены, выложенные из огнеупорного кирпича, образовали узкий, пустой коридор. Только на потолке, возле паровой форсунки, висели оранжевые хлопья графита. Вот и все. Но коксовики в прямолинейных гладких стенках видели многое.

— Печи стоят, — с чувством глубокого удовлетворения сказал Золотарев, поправляя очки.

— И будут стоять еще... — помощник начальника цеха инженер Яхнис достал из нагрудного кармана маленькую логарифмическую линейку и тут же сделал вычисление... — Примерно, будут стоять еще месяцев пять—шесть.

С ним все молча соглашались.

Многолетний опыт показал — на горячем ходу пековые печи быстро растут. Жизнь печей длилась всего два с половиной — три месяца.

А последняя группа печей работает уже пятый месяц, и коксовики не замечают признаков разрушения. Они продлили жизнь печей. В коллективном техническом творчестве коксовики поднялись на новую ступень.

И. АРАЛИЧЕВ

✱

НОВАТОРЫ

П о в е с т ь

1

Кузнец Степан Коротков бросил насиженные места и в поисках лучшей жизни, переселялся со своей многочисленной семьей из села Ермаковского в Минусинск. Разобрал избу, соорудил из ее бревен плот, погрузил на плот скarb и кузнечное свое горно и пустился вниз, сперва по Усе, потом по Енисею. Вышедшая из порогов река была быстра, свое-нравна, отмели часты, берега каменисты — долго ли до бе-ды! Босой, в холщевых портах, с рыжеватой бородой; густо покрывавшей крутые скулы и развевавшейся по ветру, хмурая косматые брови, стоял кузнец за рулем, обхватив подмышкой тесину, уходившую толстым концом в темную воду. Жена и младшие дети сидели, присмирив, на скарбе, со страхом гля-дя на прочосившиеся мимо почти отвесные каменистые бе-рега.

Впереди был город, новая жизнь и неизвестность...

Илья и Иван — два сына кузнеца, не без сожаления глядели на удалявшуюся синеву гор. Реки они не боялись. Сколько раз, бывало, уплывали они, уносимые холодной быстринной реки, далеко, далеко от села и возвращались по-том пешком по узкой береговой полоске, вдоль скал, чтобы снова бултыхнуться в воду и снова отдаться стремнине. С удивлением смотрели они на свою мать — крупную, в меру полную и красивую еще женщину, которая сидела, как на-седка, часто оглядываясь вокруг: в глазах ее стоял ужас...

Через несколько дней плот прибил к отмели на виду Минусинска. Покланявшись городскому голове и вручив из-

рядное подношение уездному исправнику, Степан Коротков вместе с нанятыми на подмогу плотниками, собрал из сплавленных бревен избу и кузницу, и через неделю житель тихого города Минусинска, выходя по утрам на крылечко своего дома, мог уже расслышать новые звуки — веселые и частые удары молота о наковальню.

Заказов хватало, дело в кузнице кипело, с излуголодной жизнью и нуждой, кажется, было покончено. Старилась же на кузнеца, прибавляло время на лбу ее резкие морщины, росли и вытягивались дети, а самого Короткова не брало время. Жадный до работы кузнец трудился от зари до зари. Как только уходила ночь, вставал он и, напившись чаю, опоясывался кожаным фартуком и отправлялся в кузницу. Заставлял он работать и Илью и Ивана, поставив их насекальщиками напильников. Зимой ребята ходили по утрам в школу, а вечерами, при тусклом свете керосиновой лампы, сидели в особой пристроечке и насекали напильники. Летом приходилось им заниматься этой работой с утра и до позднего вечера.

Это была нудная и утомительная работа. Пытливый Иван подсчитал: за день приходилось ему делать до 40000 ударов. Насечка выходила ровной только при точном ударе — чуть ли не с полдня мышцы рук начинали ныть, глаза резало, будто в них попал песок. Мальчики ложились вечером в постель с тяжелой головой и забывались беспокойным, неровным сном.

— Убежим! — предложил как-то Иван старшему брату.

— А куда?

— Все равно куда, лишь бы только напильников не насекать.

— Эх, машину бы придумать такую... Станочек! Чтобы не руками, понимаешь?...

— А что? Давай, придумаем!..

С этого дня жизнь Ивана вся перевернулась. Стал он задумчив, рассеян, скрытен. Поздней осенью, когда ветер срывал последние листья с дрожащих осин, начали братья мастерить задуманную машину. Отец отпустил им железа, разрешил пользоваться горном и наковальней. И в первые вечера сибирской зимы, когда снег в минусинской котловине курится, как дым, насекательная машина была готова. Она была тяжела и неуклюжа на вид, насекала напильники неточно, но отец, обычно не любивший шума и шумных людей, пришел от насекательного станка в восторг и звал в кузницу горожан, показывая изобретенное сынами приспособление.

— Ай да сыны! Ай да... ан-же-не-ры! — не без труда выговаривал он, потирая руки и расхаживая по просторной горнице.

Всполошились другие минусинские кузнецы, узнав про изобретение Коротковых. Самим было неловко являться в кузницу, — они подсылали своих детей с поручением разглядеть диковинку.

Слух о станке дошел до каменного двухэтажного дома, что стоит на городской площади Минусинска. Этот дом зовется «музеем Мартянова» и знает его ученый мир не только в России, но и в других странах. Ценнейшие коллекции, результаты археологических раскопок и многолетних приобретений минусинского провизора Николая Михайловича Мартянова собраны в этом музее.

— Что за машина изобретена твоими сыновьями? — спросил однажды директор музея у Короткова, явившись к нему в кузницу.

Кузнец вытер о фартук большие замасленные руки и пошел показывать гостю насекомательный станок.

— Качество насечки хромает! — пояснил Коротков. — Конечно, если бы не ковать, а выточить все детали на станке — давал бы он точную насечку...

Но директору музея как раз и понравилось то, что насекомательный станок был кованым, самодельным. Он решил приобрести его для городского музея, как образец народного творчества.

Кузнец не стал перечить директору музея да и деньги предлагались большие. Коротков поставил свою подпись на расписке, получил деньги и приказал сыновьям доставить станок в музей. Отвезли его братья на салазках, сдали директору и вернулись домой с легкими салазками, но с тяжестью на сердце. Иван, глядя себе под ноги, сердито спросил у отца:

— Что же теперь, опять руками насекать?

— Посмотрим. Дайте срок... — неопределенно ответил отец.

В музее насекомательный станок был поставлен на видном месте, и в одно из воскресений вся семья Коротковых пришла поглядеть на него. Вокруг не совсем обычного экспоната толпилось немало минусинцев.

— Сынов твоих надо бы в гимназию — в Красноярск или в Иркутск! — советовали Короткову знакомые купцы.

— Куда нам в гимназию! В училище хотя бы науку-то одолели. Мы не дворяне... — отвечал кузнец, внутренне радуясь таким советам.

...После окончания городского училища уехал Илья в далекий Луганск на паровозостроительный завод Гартмана, где устроился учеником слесаря. В 1914 году окончил училище и Иван. Разносторонний ум и юношеская подвижность Ивана противились тяжелой монотонной работе в отцовской кузнице. Опыстлел подростку родной дом, Минусинск, все вокруг стало казаться ему каким-то далеким, точно затянутое туманом. И когда Иван заявил, что уедет учиться в техническое училище, старый кузнец как-то сразу сгорбился и, почесывая бороду, вдруг сказал:

— Тебя, ан-же-нер, все равно дома не удержишь! Улетай из гнезда!..

Иван покидал Минусинск.

Пароход, шипя паром, медленно разворачивался в узкой протоке, и потом побежал вниз по течению. Иван вглядывался в удалявшуюся панораму города, в двухэтажное, красного кирпича, здание музея — там стоял его насекательный станок...

— Ваня! — закричал неожиданно кто-то снизу. Иван увидел лодку с фонарем на носу. Товарищ по училищу сидел на корме, босой, с веслом в руках.

— Ваня! Куда, в Красноярск? — спрашивал товарищ.

— В Саратов! В техническое! Учиться, — отвечал Иван.

Лодка быстро отдалялась от набиравшего скорость парохода. «На тайменей на всю ночь поехал!» — подумал Иван.. Он понял, что больше ему уже не ездить вот так, на ночную рыбную ловлю, никогда...

Три года проучился Иван в Саратове в среднем техническом училище, работая во время летних каникул в Заволжье—в изыскательской партии или слесарем в железнодорожном депо. И всюду—на уроках или на практике, в депо или в заволжских просторах — одинаково влекло его к машинам. Целое лето проработал он на паровозе кочегаром.

Но окончить училище не пришлось. В начале лета 1917 года, вскоре после Февральской революции, из дому пришло письмо: отец при смерти. Иван спешил в Минусинск, пробираясь в Сибирь с воинскими эшелонами, жадно читая газеты и листовки, распространявшиеся большевиками, прислушиваясь к солдатским речам. Впервые раздвигалась перед ним новая, незнакомая жизнь, много узнал он такого, о чем до сих пор словно и не подозревал.

Вести о вооруженном восстании в Петрограде, о создании советского правительства принял уже дома с надеждой, ощущая твердо, что в этом — спасение Родины, заря новой жизни для миллионов таких, как он...

...После колчаковского переворота Ивана мобилизовали в армию, но он через два месяца перешел с товарищами в партизанский отряд Мамонтова, участвовал в освобождении Барнаула и Ново-Николаевска.

В августе 1921 года его демобилизовали и, как знающего слесарное дело, направили в угольные шахты Анжеро-Судженска. Шахт до того Коротков никогда не видал. Ремонтируя насос, работая под землей, молодой слесарь понял, как властна еще над шахтерами стихия. Да, именно в тот первый спуск в шахту, со всей впечатлительностью юноши, убедился он в том, какой непрестанной бдительности и огромного труда требуют недра земли от человека, решившего извлечь из них нужное ему черное золото — «уголек», как ласково называли шахтеры свою добычу.

Велико, непонятно, таинственно давление горных пород. Когда породы не тронуты — отдельные слои их находятся между собой в состоянии покоя и давление пород уравновешивается. Но это спокойствие обманчиво — оно существует только до тех пор, пока человек не начинает вынимать уголь из земных недр. Тут уж покоя как не бывало!.. Попробуй-ка, некрепи выработку—и слои породы около нее тотчас же начнут прогибаться, зловеще растрескиваться, пока, наконец, не обрушатся с грохотом и гулом, заполняя обломками всю выработку!..

Коротков был разочарован всем увиденным в шахте. Никогда он не подозревал, что так подневолен природе человек, добравшийся до богатств, скрытых в недрах земли. Ему, выросшему на степном просторе, умевшему управлять конем и паровозом, познавшему уже столько интересного о машинах и о власти человека над природой, тяжелый труд шахтеров, работавших под землей с помощью обушка и лопаты, казался в диковинку. Книг о горном деле в анжеро-судженской библиотеке было тогда мало, да и они объясняли далеко не все.

Крепление горных выработок необходимо, без него невозможно предохранить их от обрушения. Но как нелепо выглядел все же крепильщик, осторожно пробиравшийся в обнимку с бревном среди кромешной тьмы! Глухой удар топора его, доносившийся из забоя, напоминал Ивану нетронутую тайгу, в которой охотник прорубает себе тропу. Молодой слесарь шагал, согнувшись по штреку, хлюпая чунями по лужам, вздрагивая от проникавших за воротник капель воды. Лицо его было искажено злостью. «Царь природы!» Вспомнилось прочитанное: чтобы предупредить завалы и сделать работу в очистном забое безопасной, необходимо не допускать обрушения пород в рабочем пространстве или, как

говорят, управлять кровлей. Ну и «управление», нечего сказать!..

Старые шахтеры, которые отдали лучшие годы, здоровье, силу шахте, принадлежавшей еще недавно капиталисту Михельсону, слушали рассуждения молодого слесаря со снисходительной улыбкой. Не ты первый, не ты последний!.. Так было и так будет... Конечно, где-то далеко, в самой глубине шахтерского сердца, спрятана заветная мечта о шахте, в которой не надо будет крепить кровлю и где подспудная толща земли будет подчинена человеку. Но высказывали ее шахтеры новичку неохотно.

Вечерами в общежитии шахты устраивались танцы под баян, приходили откатчицы здоровые, рослые девушки. Однажды на вечорке появились два незнакомых парня, одетых по-городскому. Вместо сапог на них были ботинки, одинаковые серые костюмы их были тщательно отутюжены, а белые воротнички рубашек повязаны яркими галстуками. «Рабфаковцы», — услышал Иван и подивился новому слову. Но парни скоро раз'яснили ему, что оно означает. Более того, узнав, что Иван три года проучился в техническом училище, они убедили его, не мешкая, ехать с ними в Томск и тоже стать студентом рабфака при технологическом институте...

И Коротков поехал.

Окончив рабфак, он стал студентом технологического института. Здесь, в институте, вступил в партию.

Когда нужно было выбрать специальность, Иван вспомнил анжерский период своей жизни. Нет, горная специальность ему не по душе. Он не хочет иметь ничего общего с горным делом и шахтами! После рабфака, отвергая советы преподавателей и друзей, поступил он не на горный, а на дизелестроительный факультет.

Студенческие годы пролетели быстро — и вот работает уже Иван над дипломной работой — проектом дизелестроительного завода. Дипломную практику он проходил на знаменитом Коломенском заводе, под Москвой.

Путь молодого инженера, казалось, был предопределен. Поедет ли он в Коломну или в Ленинград, на «Красный путловец», где зарождалось советское тракторостроение — все равно придется покинуть родную Сибирь. Но большинство товарищей, с которыми подружился за годы учебы, были горняками и уезжали на шахты Кузбасса. Двое из них — Владимир Коноплев и Николай Тимофеев, кончавшие горный факультет, восторженно рассказывали ему о новом строительстве, какое несла Кузбассу первая сталинская пятилетка.

— Итак, Иван, расстаемся? Мы — в Кузбасс, а ты — в Ленинград! — не без грусти говорили они.

Устроили прощальную вечеринку, пели протяжные песни, мечтали о будущем...

За несколько дней до назначенного отъезда в Ленинград у Ивана тяжело заболела жена. Он и женился-то за месяц до окончания института, как вдруг свалилось такое несчастье. Остаться в Томске? Но что было делать в Сибири в самом начале первой пятилетки инженеру-дизелестроителю?

2

Томск, Тимирязевский проспект. Сколько поколений сибирского студенчества проходило под сенью высоких твоих тополей! Первая радость от приобщения к сокровищнице знаний, первое свидание с любимой девушкой — все это связано для многих с этим уголком города...

Молодой инженер, так неожиданно задержавшийся в городе, где ему уже нечего было делать, медленно шел по Тимирязевскому проспекту. Около университетской библиотеки кто-то схватил его за руку.

— О чем задумался?

Коротков оглянулся. Перед ним стоял веселый, бодрый человек с пухлым портфелем в руке. Лицо его показалось знакомым.

— Иванов?

— Он самый!

Иванов был секретарем Анжеро-Судженского районного комитета партии в пору, когда Коротков работал на шахте слесарем. Теперь он возглавлял недавно организованный в Томске институт по проектированию шахт Кузнецкого бассейна — Гипрошахт. Иванов рассказал Короткову о предстоящем строительстве новых шахт в Кузбассе. Говорил он горячо и увлекательно.

Выслушав рассказ Короткова о болезни жены, директор Гипрошахта добавил:

— Да, тебе из Томска теперь трогаться нельзя. Знаешь что? Иди работать ко мне!..

— Но я инженер по двигателям внутреннего сгорания...

— Ну и что же? В Кузбассе теперь хватит работы всем. Нам скоро потребуются такие специальности, каких не готовят еще ни в Томске, ни в других местах...

Коротков принял предложение. Но все же работа в Гипрошахте была для него немислима без переквалификации. Должность инженера-конструктора, которую он занял, обя-

зывала его заниматься проектами механизации новых шахт. А что он знал в этой отрасли техники? Почти ничего.

Незаметно для самого себя Коротков погружался в новое, интересное дело. Да, тут было над чем поработать механику.

Первой самостоятельной работой, которую поручили Короткову, был проект механизации угледобычи на крупной шахте № 9-12. Выполнить эту работу без помощи сведущих лиц, без руководства специалиста-профессора нечего было и думать. Иванов командировал Короткова на Украину, в Днепропетровск. Здесь, в горном институте, томский инженер-дизелестроитель и превратился в специалиста по механизации угледобычи.

Не так-то просто произошло это превращение.

...Южный город на берегу Днепра, с его обилием солнца, зелени, широкий проспект, по которому Коротков любил прогуливаться летними вечерами, возвращаясь с купания на Днепре, был по душе ему. Часто на закате, распахнув окно, Коротков садился за чертежную доску. В первую очередь надо было составить проект рудничного двора. Пряный запах цветущей акации врывается в комнату.

Время шло... Коротков так истосковался по жене, по родным местам, что путь с Украины в Сибирь показался ему бесконечно долгим.

Он жаждал тяжелых трудов — и они не замедлили явиться. Гипрошахт направлял его в самое «пекло» стройки — на ту самую шахту, проект механизации которой он составлял и на который получил авторское свидетельство — первое в своей жизни... Ствол шахты № 9-12 проходил в водоносных породах, шахтеры промокали до нитки, вместе с ними мок Коротков. Жадно приглядывался он к проходчикам и убеждался, что они такие же шахтеры-новички, как и он сам — многие из них прибыли из таежных заимок и еще только осваивались с трудом под землей. Проходчик, работающий в мокром забое, перед спуском в шахту получал поллитра спирта. Яростный стук топоров крепильщиков доносился то тут, то там. «Всю сибирскую тайгу так под землю загоним! Лесу-то сколько на крепление нужно. И возни с ним, мороки — не оберешься! Будь она неладна, такая работенка!» — ругались проходчики.

Коротков, спустившийся в шахту уже не слесарем, а инженером, по-иному приглядывался ко всему. Он руководил теперь пуском шахты. Все ее моторы, подъемные устройства, насосы, вентиляторы, электрокабель, конвейеры — все ее артерии и нервы — знал он, как свои пять пальцев...

От Коноплева приходили изредка вести. Слава его среди шахтостроителей росла. Он все время работал в Ленинске-Кузнецком. Здесь, на проходке ствола шахты, познал Владимир Коноплев и первую горечь неудач, и первые радости шахтостроителя. А для горечи основания были серьезные. Шахт заложено в Кузбассе много, но проходились они медленно. За сутки люди углублялись всего на полметра. Разве можно мириться с такими темпами проходки!

— При таких темпах не скоро превратим мы Кузбасс во второй Донбасс! — говорил при встречах с другом Коноплев.

Как и в далекие студенческие годы любили они спорить за обеденным столом, фантазировать, мечтать о будущем. Своими руками создавали они новый угольный бассейн страны. Все их касалось и все тревожило.

— Да, надо что-то делать! Новые, механизированные шахты ставят перед нами, горными инженерами, новые задачи. Итти за стариками, слепо следовать за ними — нельзя! Надо что-то придумать. Шахты мы заложили, а когда уголь из них получим?

— В том-то и дело. И, знаешь, Иван, я вижу, что и проходчики смотрят на нас, инженеров, с надеждой...

— И с укоризной! Самое главное — не зарасти мохом, не успокаиваться...

Коноплев уехал к себе, в Ленинск-Кузнецкий, и вскоре после этого разговора услышал Коротков, что друг его стал для ускорения проходки применять глубокое бурение. Коноплев разработал новую более совершенную технологию проходки. Процесс бурения был уплотнен, отпалка отбуренного забоя стала протекать более организованно. Но все же разборка забоя отнимала три четверти всего рабочего времени проходчиков. Происходило это потому, что шахтеры грузили взорванную породу вручную, лопатами. Коноплев добился ускорения загрузки бабьи вдвое тем, что ввел в обиход полумеханизированную лопату, построенную по его чертежу в мастерских шахты.

Дни были горячие: заложенные в начале пятилетки новые шахты начинали вступать в строй. Гипрошахт организовал бригаду по пуску новых шахт, в нее вошел и Иван Коротков.

Первенцы сталинских пятилеток, шахты эти были обильно насыщены механизмами. Можно сказать, что по уровню механизации они были одними из лучших в мире. Между тем, специальной литературы по вопросам механизации процесса угледобычи еще не существовало. Опыт этот только еще накапливался. Конструкторам и проектировщикам, вро-

де Короткова, приходилось до многого доходить своим умом. Короткову довелось участвовать в пуске одной из самых механизированных шахт в стране — шахты имени Кирова в Ленинске-Кузнецком, проводить реконструкцию шахты имени Ворошилова в Прокопьевске, шахты «Пятилетка» в Таежном.

В те далекие уже от нас годы, жизнь столкнула Ивана Короткова со многими такими же, как он, молодыми горными инженерами, которые выросли затем в руководителей шахт, угольных трестов и комбинатов.

Поколение Короткова и Коноплева прошло хорошую школу, оно выковалось в годы первой сталинской пятилетки.

В те незабываемые годы встретился Коротков впервые и с Назаром Ворониным.

Студент Назар Воронин слыл человеком увлекающимся и непутевым. Когда он пришел в Гипрошахт просить работы, его направили в отдел оборудования и назначили конструктором. Худощавому, щуплому пареньку, с легко воспламеняющимся самомнением, всегда спорящему, неуживчивому, непоседливому прощалось многое за его несомненное дарование конструктора. Его мысли были всегда оригинальны, его способы решения технических вопросов приводили в восхищение не одного только Короткова.

Обстановка требовала смелости. Сама специальность шахтного механизатора, можно сказать, еще только появилась тогда на свет. Поводов для споров было много, и Воронин был яростным спорщиком. Но он умел отстаивать свои идеи и это подкупало. Характеры Короткова и Воронина были прямо противоположны. У Короткова при всей смелости мысли всегда бывал период неуверенности, который ему следовало преодолеть, прежде чем решиться на действие. Воронин и решал, и действовал быстро, но нередко на ходу менял принятую уже конструкцию механизма.

В конце концов Коротков рассорился с Ворониным и тот добился перевода в другой отдел.

Но и сам Коротков недолго после этого проработал в Гипрошахте — его перевели в Новосибирск, в отдел главного механика комбината «Кузбассуголь». Здесь перенес он большое личное горе — умерла жена. Было тяжело оставаться в Новосибирске — назначение главным механиком на шахту «Пятилетка» в Таежном он принял охотно.

Шахта эта была трудной. Аварии происходили нередко — кровля осыпалась, порода попадала в уголь, засоряла его. Много возились с креплением. Достаточно было потревожить

стойки, перебить их — и кровля уже уходила из подчинения. Главный механик шахты учился у крепильщиков узнавать надежность кровли по стуку: прочная, ненарушенная кровля издает чистый, звонкий звук, а слабая, нарушенная — звучит глухо, «бунит». Крепильщикам доставалось, они были все время начеку, тотчас же обирая отстававшие куски породы и дополнительно закрепляя кровлю. Как только освобождалось от угля хоть немного места, достаточного для установки стойки, они уже крепили. «Крепи скорее, крепи, пока кровля не нарушена! Чем меньше она отстоялась, тем легче ее удержать!» — учили опытные крепильщики заевавшегося новичка.

Явившись в лаву, главный механик начинал свои наблюдения.

Он замечал, как от усиления давления на крепь отскакивали кусочки угля, зловеще трещали стойки, поскрипывали верхняки, потрескивали обаполы.

В выработанном пространстве осыпалась порода.

— Кровля сорит! Лучше крепите лаву! — наказывал мастер крепильщикам.

А посадка лавы? Случалось, что обрушение лавы переходило через усиленный ряд крепления — «органку», сдвигало его с первым от забоя рядом стоек и проникало в рабочее пространство. Снова завал!..

Неужели нельзя придумать что-нибудь такое, что избавило бы шахту от этих аварий, а работающих в ней — от непрерывной угрозы?

Собирались по вечерам у управляющего трестом «Калининуголь», которым был... Владимир Фомич Коноплев. Семь лет строил Коноплев новые шахты, потом был выдвинут управляющим угольным трестом — сначала в том же Ленинске-Кузнецком, где строил шахты, а затем здесь — в Таежном. Коротков часто заходил к нему домой. Из окна квартиры виднелись в долине три терриконика. Коротков был угрюм, молчалив. За столом, где распивались бесконечные чаи, засиживался у Коноплева еще один товарищ по студенческим годам — Николай Тимофеев. Он был теперь главным инженером треста «Калининуголь».

— Видно, тогда только будет покончено с завалами лав, когда будет придуман новый способ добычи угля.. — зло замечал Тимофеев.

Николай Тимофеев родился в Рязанской губернии и был привезен в Иркутск мальчиком — к отцу, отбывавшему в Сибири военную службу и оставшемуся здесь навсегда. Волевой, упрямый и целеустремленный Тимофеев более подходил к роли управляющего трестом, чем мягкий Коноплев.

— Сегодня я снова присутствовал при посадке лавы, — сообщал Коротков. — И еще раз убедился, что кровлю нужно успокоить. Нужно научиться управлять ею с помощью механизмов. Другого выхода я не вижу!

...Может быть, потому, что Коротков был машиностроителем, а не горным инженером, он более, чем его товарищи, не мог мириться с тем, что управление кровлей вызывает столько забот. В Минусинске, в кузнице отца, нужда заставила его изобрести накатальный станок. Теперь необходимость снова толкала его на изобретение какого-то механизма — какого, он пока и сам не представлял себе ясно.

Трудные шахтерские будни проходили без изменений. Аварии на «Пятилетке» случались все так же часто, как и прежде. Главный механик устранял их, анализировал положение и мысль его упорно работала в одном направлении: как добиться, чтобы транспортер придвигался поближе к забою? Как обойтись без крепления? Придумать механические рудничные стойки? Их раздавит! Да и передвигать их по лаве — дело далеко не простое — нужны трансмиссии, валы. Разве это возможно в условиях шахты?

Нет, не удавалось даже нащупать решения...

Где же все-таки выход?

А тут еще личные несчастья: помогая неопытному электрику зарядить аккумуляторы электровоза, Коротков обжег себе лицо серной кислотой и лишился зрения на целый месяц. Не успел он оправиться после одной беды, как пришла другая. Электроподстанция-автомат, питавшая током ряд участков шахты, вышла из строя. Явившись на место аварии, главный механик не успел даже оглядеться, как произошло замыкание, тотчас же вызвавшее взрыв газа...

Теперь Коротков вышел из строя всерьез и надолго. Пребывание в больнице лишило его возможности участвовать в работе коллектива. Обязанности главного механика выполнял заместитель. Товарищи по шахте навещали больного — он был в курсе всего, что происходило на шахте.

И все же оставалось много томительных часов вынужденного безделья. Тогда Коротков отдавался мыслям.

Он мечтал.

Как неясное видение, как сон, являлось ему механизированное передвижное крепление, которое раз и навсегда освободило бы горняка от необходимости крепить кровлю!

Всходит и заходит солнце, с нагорной ночной тайги ветер приносит смолистые запахи хвои, по утрам слышится веселый гомон торопящейся в школу детворы, на станцию в положенное время проходят, возвещая о себе зычными паровозными

гудками, таштагольский и мундыбашский поезда, то и дело урчит под окном трехтонка или автобус...

Жизнь идет своим чередом. Глубоко под землей, круглые сутки, не умолкая ни на минуту, позвякивая буферами, к скиповому под'ему бегут поезда с углем. Коксующийся уголь Таежного. Его ждут в Сталинске, в Магнитогорске, в Тагиле. Он входит составной частью в сталь, из которой сделаны каркасы высотных зданий Москвы, рельсы московского метро, экскаваторы, морские корабли, роторы гигантских турбин.

Хоть одним глазом поглядеть бы на то, что делается в шахте! В особенности — на недавно организованном опытном механизированном участке № 5. Начальником этого участка был молодой горный инженер Кузнецов. Образцовая двухсотметровая лава — есть где разгуляться! Здесь пробовал Коротков применить маленький транспортер «Октябренок», имевший всего два с половиной метра длины и весивший 50 кило — очень удобный для быстрой переброски с места на место. Транспортер не прижился. Тогда начали осваивать транспортер с широким ходом. Похоже, что этот завоюет себе право на жизнь... На пятом участке можно будет развернуть опыты по механизированному креплению кровли. Но как эти опыты проводить? Что испытывать? Об этом тогда, в больнице, не было еще ясного представления.

«Речь идет о настоящей революции в горном деле, а я в нем дилетант!» — горько констатировал Коротков. Грузно поворачивался он на койке лицом к стене, пытаясь уснуть. Но сон не приходил, мысль попрежнему напряженно работала. «Конечно, это дело ученых... Для решения этой задачи, вероятно, потребовалось бы создать целый институт. Но и теория без практики — мертвое дело...»

Наконец, долгожданный час настал. Коротков покинул больницу и вернулся к работе.

Повседневные заботы о выполнении и перевыполнении плана угледобычи одолевали и Короткова, и Коноплева, и Тимофеева. В соревновании с прокопьевцами таежинцы сдавали в те дни одну позицию за другой. Встречались теперь очень редко. Но каждый раз, когда сходились вместе в уютной квартире Коноплева, — снова возвращались к своей мечте. Беседы о передвижном механизированном креплении позволяли им на миг отвлечься от неотложных будничных забот и отдохнуть. Коноплев сидел глубоко в кресле, шевеля своими густыми, нависшими бровями, глаза его горели веселым и задорным огоньком. Ни морщины, ни появившаяся седина не старили его, словно навсегда осталось в нем что-то юношеское.

— Придумаем! А не мы — другой кто-нибудь придумает! — повторял он. — Но только дальше так жить нельзя...

Коноплева больше всего занимала идея создания сверхмощного и одновременно портативного домкрата.

— Один будет или несколько — не знаю. Но домкратом должны мы подпира^{ть} кровлю* и потом, после выемки угля, двигать его дальше...

Но как построить мощный и в то же время небольшой по табаритам домкрат?

Об этом-то больше всего и шел спор.

Вскоре пришло время расстаться.

Друзей разлучила война.

...Донбасс был захвачен врагом. Нужно было быстро наращивать мощности кузбасских шахт. Требовалось много механизмов. Короткова назначили главным инженером березовского завода «Свет шахтера».

С маленьким чемоданчиком в руке входит Иван Степанович Коротков в крохотный кабинет главного инженера завода. В окно видит он шеренги двухэтажных шахтерских общежитий, железнодорожные пути, лиловеющие сопки.

Каждый город имеет свой силуэт. Невозможно себе представить Москву без Кремля, Ленинград — без Адмиралтейской иглы. Шахтерский город — это созвездие шахт, окруженных поселками. По центральной части Березовска проходит железнодорожная ветка, соединяющая шахты со станцией западнее ее, поближе к Березовскому логу, темнеют две пирамиды террикоников шахты № 2. Под боком у этой шахты и раскинулись цехи завода.

Главный инженер был целиком поглощен делами завода, от работы которого зависело оснащение шахт механизмами. Время было суровое. Верховный Главнокомандующий прислал в те дни угольщикам Кузбасса телеграмму с призывом максимально поднять добычу угля, немедленно грузить в вагоны и отправлять его на запад. Угольные маршруты должны были продвигаться с такой скоростью, что даже воинские эшелоны и поезда с кузнецкой сталью — и те уступали им дорогу...

Вот как нужен был для победы уголь Кузбасса!

Именно в эти незабываемые дни произошло событие, внешне малозаметное, но очень важное для судеб задуманного тремя кузбасскими инженерами дела. Среди эвакуированных из Донбасса станков, увидел Коротков гидравлический пресс.

Сердце вдруг учащенно забилося. Гидравлика! Вот что должно быть использовано для передвижного крепления. Только гидравлической системе это под силу!

От обычной работы Коротков отдыхал по вечерам за конструированием приспособлений и машин, которые приходилось делать в годы войны своими силами. Так сконструировал он гибочные вальцы, дисковые ножницы, мостовой кран, фрикционный пресс.

Теперь это больше не удовлетворяло его. Организовать испытание гидравлических систем для создания высоких давлений, способных выдержать напор горных пород в лаве — вот над чем нужно работать!

Чем красивее мечта, тем сложнее ее практическое осуществление.

Труднее всего начало. Первая линия, первая мысль и следующий за ней строй логических рассуждений и начальных формул. Они — как первая музыкальная фраза, которая дает тон всему произведению. Ищешь мучительно долго, но когда эта фраза найдена — работа идет радостно и легко...

— Тимофей Федорович! — обратился как-то Коротков к начальнику инструментального цеха Коновицыну. — У меня есть одна идея, о которой пока будем знать только ты да я. Надо произвести некоторую экспериментальную работу. Мы сделаем насос высокого давления и будем испытывать его...

Эскиз насоса был тут же набросан на листе бумаги. Коновицын сделал его за неделю. Но насос не работал, не нагнетал масло.

Предстояло дознаться причины этого.

3

Два долгих года шла затем в одной из пустовавших мастерских экспериментальная работа. Испытания моделей нового гидравлического насоса проводились одно за другим. О целях этих испытаний никто на заводе толком ничего не знал.

Эксперименты стали для Короткова всепоглощающей страстью. Он выписывал много литературы из Москвы, связался с горным институтом Академии наук СССР. Специалисты и ученые охотно помогали ему советами. Поиски путей к созданию гидравлики высоких давлений приходилось начинать с азов.

...Окончилась Отечественная война. Товарищ Сталин поставил перед угольной промышленностью задачу — довести добычу угля до 500 миллионов тонн в год.

«Эту задачу можно решить только тогда, когда добыча угля будет в корне изменена», — думал Коротков.

Добыча угля должна быть организована так, чтобы уголь шел из шахты непрерывным потоком»...

Коротков сидел теперь каждый вечер в своем маленьком

кабинете и жадно читал книги по гидравлике. Несколько раз ездил в Москву для консультаций.

— Советская угольная промышленность, — не устал доказывать Коротков в Министерстве и в горном институте Академии наук, — имеет уже много хороших машин. Выемка угля, его погрузка и транспортирование в лаве — все это механизировано. Тут мы, советские угольщики, далеко опередили Америку, — об англичанах и говорить нечего. Комбайн «Донбасс» завоевывает одну позицию за другой.

— Да, сделано много, — соглашались с ним.

— И все же, — не успокаивался Коротков, — непрерывный процесс угледобычи пока невозможен!

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать то, о чем хотят забыть все — об управлении кровлей. Самую прекрасную машину, самый наисовершеннейший комбайн нужно останавливать для того, чтобы закрепить выработанное пространство деревянными или металлическими стойками. Разве это не обидно? Есть замечательные машины, способные производить выемку угля с любой скоростью, но продвижение их сдерживается необходимостью крепить кровлю... Есть комбайн «Донбасс», изобретаются все новые и новые комбайны. А в способе угледобычи, в принципах ее ничего не изменилось. Организация труда в шахте остается прежней. Каждый цикл операций включает в себе подготовительные работы, во время которых крепится кровля и, следовательно, комбайн бездействует и уголь не добывается...

Многие горные инженеры, слушая Короткова, только пожимали плечами. Но были и сторонники. К ним в первую очередь относились Коноплев и Тимофеев. Коноплев работал теперь начальником комбината «Кузнецкуголь», а Тимофеев — там же — главным инженером. Оба единомышленника Короткова руководили доброй половиной Кузнецкого бассейна. На груди их красовались золотые Звезды Героев Социалистического Труда.

Коротков часто бывал в Углегорске, в управлении комбината.

— Безусловно, — говорил он Коноплеву и Тимофееву, — сегодня цикличная система является передовой. Такой останется она еще надолго. Но мы обязаны смотреть в будущее. Называйте меня мечтателем, но согласитесь, что в будущем нужно переходить на поточный метод добычи угля. Ведь поток — характернейшая черта всякого социалистического производства. А чем характеризуется поточное производство? Технологической последовательностью и непрерывностью!

— Я вижу, — замечал хлоднокровно Коноплев, — что мы возвращаемся к нашим былым дискуссиям...

— Да, возвращаемся, но — на новой основе. Я часто задаю себе вопрос: как решить задачу, поставленную товарищем Сталиным? Довести добычу угля до 500 миллионов тонн в год одним лишь строительством новых шахт невозможно. Нужны совершенно другие методы добычи.

— Добычу из каждого забоя и шахты нужно увеличить в несколько раз...

— Я вижу решение вопроса, — твердил свое Коротков, — в поточном методе угледобычи.

— Что же ты предлагаешь? Новый комбайн?

Коротков сделал нетерпеливый жест.

— Да, если хотите назовите это комбайном. Я предлагаю комбайн, выполняющий все операции в лаве, в том числе и крепление.

— И крепление?

— Да, речь идет о передвижном механизированном креплении. И мне кажется, что я нащупал путь к механизации крепления. Это—гидравлика! Вы теперь большие начальники. Нужны широко поставленные эксперименты, нужно время, люди, вероятно, понадобятся деньги. Дайте же мне возможность работать!..

Коротков вернулся на этот раз домой с ясной программой действий.

Нужно по-настоящему заняться испытанием гидравлических систем.

Большая радость и большая тревога овладели им. Наступал момент, когда идея, так долго вынашивавшаяся, обретала свои конкретные формы и вступала в начальный этап своего материального осуществления.

Ум, воля, чувства, память и воображение — все было подчинено достижению цели.

Какие приводы существуют в современной технике?

Есть новые, интересные гидравлические системы. Гидравлические прессы существуют с 1900 года, но в машиностроении они появились на двадцать лет позже и затем быстро завоевали себе видное место. Мощные прессы делаются теперь гидравлическими, гидравлика используется и при конструировании станков.

Но гидравлические системы способны давать давление только в пределах ста атмосфер. Этого слишком мало для того, чтобы поддержать кровлю. Да и габариты такого насоса велики — два метра на три. Разве потащишь его в шахту?

Опыты, которые Коротков вел в течение двух лет, убедили его, что высоких давлений, необходимых для поддержания кровли достичь можно.

Да, гидравлическую систему высокого давления можно создать. Значит, нужно браться за работу.

В этом — ключ к решению задачи.

...В те самые дни главный инженер завода «Свет шахтера» впервые прочел старую, военных лет, статью академика Скочинского, напечатанную в «Горном журнале».

«В перспективе, — писал академик, — необходимо создать твердую научную базу поточного производства в горном деле на основе комплексной механизации, автоматизации и телемеханики, а также диспетчеризации. Такой подход к решению проблемы обеспечит действенное использование этого решения при практическом осуществлении роста производительности труда и поднимет горное дело в нашей стране на более высокую ступень техники».

Коротков вскочил с постели и быстро зашагал из конца в конец спальни, почти задыхаясь от волнения. Ведь это же то, то самое, о чем он говорил только вчера Коноплеву и Тимофееву! Выходило, что вековая горняцкая мечта о добыче угля без крепления кровли есть, в то же время, мечта о самом совершенном способе угледобычи, присущем только социалистическому строю!..

Успокоившись, он читал дальше. О, дальше шли еще более любопытные строки: «Вместе с тем перед горной научной мыслью нашей страны должны быть поставлены задачи изыскания и внедрения принципиально новых методов разработки месторождений, основанных на использовании физико-химической и физико-механической энергии...»

В этих высказываниях ученого кузбасский инженер-практик находил подтверждение тем думам, которые одолевали трех друзей-горняков сначала в Таежном, а потом здесь, в Березовске и Углегорске.

Итак, путь выбран правильно. Надо продолжать изучение гидравлических систем. Работы много. Коноплев и Тимофеев будут помогать. Но нужен еще и опытный конструктор. Нужен крепкий коллектив, разностороннее творческое содружество, способное создать комбайн принципиально нового типа — фронтальный, наступающий комбайн с передвижным, механизированным креплением!

После недолгих колебаний выбор остановился на Воронине. Он работал теперь в техническом отделе комбината и

слава его, как даровитого, «природного» конструктора угольных машин за эти годы укрепилась еще более. Пришлось Короткову итти сегодня на поклон к тому самому Воронину, с которым когда-то он не очень дружелюбно расстался в Томске.

Воронин поверил в новую идею. А раз так, значит, засядет он теперь за чертежи и не успокоится, пока не кончит проекта всего комбайна. Таков Воронин!

Уже давно Коротков посвятил в свои замыслы секретаря заводской партийной организации Павликова и директора завода Тренева.

— Смотри же, Иван Степанович, — говорили они теперь Короткову, — чтобы эта работа наш завод не миновала! Не отдавай на сторону — опытный экземпляр будем строить мы и никто другой!..

Пошли дни, один хлопотливее другого. Случалось, что Коновицын вбегал в кабинет к Короткову с блестящими от радости глазами. А бывало и так, что на лице его было написано отчаяние.

...Главный инженер завода зачастил в Углегорск. Вместе с Ворониным обсуждали они каждую деталь щита. Нужно приниматься за строительство опытного образца. На душе у обоих было радостно и тревожно. Впрочем и Коноплев, и Тимофеев, строго и придирчиво проверявшие каждую стадию проектирования, не уставали успокаивать обоих: все правильно, действуйте смело. Щит должен пойти!..

Коротков ездил в Углегорск на машине. Он сидел рядом с шофером, поглядывая на дорогу так, словно никогда по ней не ездил.

А дорога и впрямь менялась с каждой поездкой, как менялись Березовск, Углегорск, весь Кузбасс... Давно ли между Березовском и Углегорском гуляли ветры на голых холмах? В бураны, в осеннюю непогоду дорога становилась непроезжей. Короткову вспомнилось, как однажды увязла здесь в грязи машина с министром угольной промышленности и ее пришлось вытаскивать с помощью тракторов. Теперь на встречу его «ГАЗ'у-67» бежали по асфальтированному шоссе нескончаемой вереницей машины. На грузовиках — цельнотянутые трубы, угловое железо, металлические крепления для шахт, балки, кирпич, щебень, дверные пролеты и оконные рамы. Часть машин сворачивала на боковые ответвления дороги, к новым шахтам и поселкам, другие проходили в центр Березовска.

Охваченный думами о будущем, о времени, когда передвижной механизированный щит станет реальностью, Корот-

ков прибыл в Углегорск, решил пешком прогуляться по городу.

Нет шахтерского города более выразительного, чем Углегорск. Он весь на виду. Гигантской дугой обнимают его с трех сторон шахты. Котловина с пирамидами терриконов, темнеющих на фоне шербатых углегорских сопок, железнодорожная магистраль с пробегающими то и дело маршрутами, груженными углем и металлом, которые ведут не паровозы, а сильные, красивые и бесшумные электровозы, надшахтные здания и заводские корпуса, тесно уставленные в ряд — все это видно с главной улицы шахтерского города, с ее зеленой аллеи и устроенных на открытом воздухе кафэ и закусочных, за столиками которых постоянно видишь шахтеров, свободных от работы. Молодые являются сюда веселой компанией, постарше — приходят с женами. Они пьют кофе и чай, едят пельмени, сдабривая их бутылкой вина. По асфальту улицы бегут машины, пробегает трамвай на горную часть Углегорска, с которой видно на востоке постоянно выпирающее из-за сопки черное облако: то дышит Кузнецкий металлургический комбинат...

Посидев в кафэ, Коротков направился к Воронину.

В боковом кармане его пиджака лежала на этот раз уже законченная схема передвижного механизированного щита. Он вытащил ее и положил на стол перед Ворониным.

— Да, теперь можно начинать проектирование! Теперь можно чертить... Пойдем к Коноплеву и Тимофееву. Обсудим окончательно схему — и за дело! К тому же для постройки опытного экземпляра нужны деньги.

— Прежде всего, построим модель на нашем заводе. Я уже и людей подбираю для этого.

Поднялись на второй этаж, к Коноплеву. Пришлось ждать, пока он закончит разговор по телефону с управляющим одного из угольных трестов. Положив трубку, откинувшись на спинку кресла, Коноплев устало спросил:

— Что, Иван?

Коротков молчал. Слишком серьезный и важный момент был в его жизни, и он, медлительный всегда, теперь и вовсе был нерешителен, неподвижен, не мог сказать ничего. Нетерпеливый Коноплев уже хмурил брови.

— Надо строить модель щита! — выручил, хитро поблескивая глазами, Воронин.

...Коротков возвращался в Березовск в отличном расположении духа. «Мы поднялись на небывалую высоту. Наше вре-

мя — время огромной ответственности», — вспомнил он слова Коноплева.

Дома, перечитал воспоминания одного из учеников Павлова, излагавшего малоизвестную лекцию великого ученого «Об уме человека». Не следует копаться в мелочах. Исследователь должен уметь отличить главное от второстепенного. Нужно видеть из-за деревьев лес. На многое второстепенное следует, быть может, закрывать глаза, улавливая лишь главное, ведущее, и с него начинать. Надо всегда видеть конечную цель. Это свойство ума должно быть так сильно, что в некоторых случаях можно говорить о рефлексе цели, о целеустремленности, которая по силе своей приближается к безусловному рефлексу. Это значит, что надо уметь с самого начала планировать свою работу.

Как это верно!..

...В-третьих, надо уметь сохранять всегда инициативу, быть мысленно свободным, следовательно, всегда новым, неожиданным.

...Свобода ума необходима исследователю для того, чтобы, не считаясь ни с какими преградами, искать и находить новые пути в науке, а в технике — вырабатывать новые орудия производства, создавать новые модели, устанавливать новые формы организации труда. Это свойство, разумеется, тесно связано с проявлением творческой фантазии ученого. Однако фантазия не есть фантастичность, свобода не есть анархия мысли. Фантазия должна, согласно Павлову, все время корректироваться точным видением действительности...

Коротков знал, что некоторые инженеры смотрели на его двухлетние опыты с гидравлическим насосом, как на «блажь». Кое-кто открыто посмеивался над его увлечением, отнимавшим у него и без того немногие часы, остававшиеся для отдыха.

Он обдумывал теперь последние черты щита — форму секций, пульт управления, очистное устройство, которое будет передвигаться впереди щита. Перед тем, как засесть за эскиз модели, снова и снова осматривал стоявший в скрытой от посторонних глаз мастерской опытный насос, корпус которого был сделан из высококачественной стали. Да, приборы показывали уже давление в 300 атмосфер. Насос в состоянии был работать, сохраняя такое давление две смены — 16 часов подряд. Течь, можно сказать, прекратилась — за 8 часов набрали всего 20 капель масла. Есть уверенность, что ее можно будет устранить совершенно...

...Воронин, Коноплев и Тимофеев бывали теперь на заводе ежедневно. Они работали в мастерской, у насоса, вместе с Коротковым. Затем они направлялись к нему в кабинет, садились

на кожаный диван и отдыхали, лишь изредка перебрасываясь словом. Однажды Коноплев сообщил товарищам о том, что Иосиф Виссарионович Сталин предложил форсировать работу по конструированию и строительству горных комбайнов, которые должны стать основной машиной по добыче угля.

— Видите! — вскочил на ноги Воронин. — Друзья, как только мы построим наш фронтальный комбайн...

— Когда закончишь чертежи? — перебил его своим глуховатым голосом Коротков. — Рано еще нам о победных рапортах думать...

— Сижу все вечера. Технический отдел меня здорово отвлекает. Вообще, мы будто любительством занимаемся! Хорошо тут, на заводе, — тихо, никаких тебе посетителей с шахт. Ей-ей, я бы сюда, в Березовск, на жительство переехал, — сказал Воронин, поглядывая на Тимофеева.

— А что? — сказал Тимофеев. — Есть полный смысл снять тебя из технического отдела и прикрепить к заводу...

Воронин был переведен в Березовск и работал теперь над механизированным передвижным щитом вместе с Коротковым. Из кабинета главного инженера часто доносились в коридор громкие голоса. Перепалки эти происходили часто. Однако сталкивались не идеи, а характеры. Оба жили одним делом. Их мирил обычно Коноплев, все также часто навещавший завод.

5

Надо было изготовить модель управляемого передвижного щита, который заменит крепление и явится основной частью будущего комбайна. Изготовление небольшой модели размером в квадратный метр с небольшим требовало необычного слесарного мастерства. Мелкие детали нужно было изготовить с точностью до микрона. На инструментальных заводах такую работу выполняют на станках большой точности, проверяют под микроскопом.

На заводе «Свет шахтера» оказался только один слесарь, которому была под силу такая тонкая работа, — Иван Федорович Пухов.

— Иван Федорович, я хочу поговорить с тобой, как коммунист с коммунистом. Задумано большое дело, касающееся чести всей нашей угольной промышленности, всей нашей советской техники. Нужно дать нашему шахтеру новую машину.

Сын минусинского кузнеца и сын донецкого шахтера просидели над схемой до рассвета.

...Примерно, в ту же пору, когда, покинув Минусинск и кузницу отца, Иван Коротков должен был в поисках куска хлеба

слесарить в депо станции Саратов, — в селе Верхние Апочки, Курской области, умирал вернувшийся на родину, искалеченный во время обвала на шахте, донецкий горняк Федор Пухов. У изголовья изуродованного шахтера стояла окаменевшая от горя жена и единственный сын Иван. Паренек хорошо знал—ждет его теперь невеселая батрацкая доля. С вольной жизнью, со школой, в которую довелось ходить только три зимы, было покончено.

Когда пришло время Ивану податься на заработки в Юзовку, он начал с того, что недолго проработал откатчиком на шахте. Потом перешел на Рутченковский механический завод, где за два месяца освоил навыки подручного слесаря. Ездил по донецким шахтам и скоро завоевал славу специалиста по ремонту шахтных подъемных машин. Жажда к знаниям, интерес к мастерству не ослабевали. Его выдвинули мастером. Надо было уметь читать чертежи, а грамоты не хватало. Пересиливая усталость от дневной работы, Иван Пухов стал учиться по вечерам. Он закончил вечернюю школу для малограмотных и затем — шестимесячные курсы чертежников и двухгодичные курсы мастеров.

Так проработал он в Рутченкове вплоть до Отечественной войны.

Эвакуировался в Сибирь вместе со станками своей мастерской. Не хватало брезентов и часть станков стояла на платформах, открытых ветрам и пыли. Пухов бегал на станциях за кипятком и снедью для старухи-матери, а затем брал ведро с машинным маслом, паклю и забирался на платформы — очищать станки от пыли.

Донбасский слесарь прижился в Березовске быстро и прочно...

Беседуя сейчас с ним, объясняя, как изготовлять модель управляемого щита, Коротков вспомнил о том, что в прошлое воскресенье встретил Пухова, направлявшегося на мотоцикле на реку Чумыш. За узкими и худыми плечами трящегося на мотоцикле слесаря висело длинноствольное ружье собственного изготовления. Пухов никогда не покупает ружей, а делает их себе сам. Страстный охотник! А еще больше любит он свое слесарное дело. Заговори с ним о какой-нибудь тонкой работе: изготовлении лекала или другого измерительного инструмента — и загорятся глаза у него, как вот горят сейчас... Уж он обязательно добьется, чтобы ему эту работу поручили. И сделает он ее так чисто, что хоть в лупу смотри и любуйся!..

Да, это счастье, что на заводе оказался такой слесарь.

— Ну, как? — спросил, закончив объяснения, Коротков.

— Я такую работу люблю!

— Должен сказать тебе, Иван Федорович: эта работа, вероятнее всего, оплачена не будет.

— Что ж, по вечерам, по выходным дням буду делать. Отступаться мне нельзя!

6

Вечерами, запершись в мастерской — в той самой, в которой вот уже третий год, «колдовали» Коротков с Коновицыным над испытанием насоса, — Пухов занимался теперь изготовлением модели передвижного щита.

Воронин, переселившись в Березовск, еще сидел за проектом, а Пухов уже мастерил модель. Держа в руках маленький полый цилиндр, он сыпал его своей самодельной пастой и терпеливо, часами, протирал пальцем. Прибором для измерения точности доводки служила ему лишь собственная интуиция. Обнаружив, что деталь перетерта, Пухов откладывал ее в сторону и начинал все сначала...

Это была кропотливая, ювелирная работа. Когда модель изготовили, оказалось, что надо еще решить вопрос о том, как сделать к ней пульт управления. Пухов знал указания Короткова и Воронина, но сделал пульт управления по-своему. Эту задачу он решил так просто, ясно и убедительно, что оба инженера, увидев пульт в готовом виде, только переглянулись от восхищения.

...День, необыкновенный для Березовска, а может быть, и для всего Кузбасса, начался с того, что из под'езда конторы завода «Свет шахтера» выбежал Коротков. Он заспешил мимо ограды, тянувшейся вдоль двухэтажного кирпичного здания конторы, и тотчас же скрылся в заводских воротах. Через несколько минут главный инженер входил уже в небольшую комнату — единственную пока что свою лабораторию.

Посреди комнаты стоял большой стол и на нем — действующая модель управляемого передвижного щита.

— Готова? — спросил главный инженер у Пухова.

— Глядите сами, Иван Степанович.

Внешне ничего не выдавало волнения людей. Разве только бледнее обыкновенного были их лица.

Поверхность длинного стола заменяла почву выработки, а кровлей служила поставленная на щит деревянная крышка, обшитая листовой сталью.

— Ну, Иван Степанович, садись!..

Смеясь и покряхтывая, оба стали взбираться на стол и усесться на крышке модели, спинами друг к другу.

— В тебе, Иван Степанович, весу много. Так что, может быть, и не сыграет щит — не поднимет крышки...

— Тогда дело плохо. Расчетного давления, значит, нет!

Вошел Коновицын. Вот он приблизился к пульту управления, выключил модель и снова включил ее. Коротков и Пухов сразу же почувствовали, как крышка, на которой они сидели, дрогнула и начала медленно подниматься... Коротков схватил Пухова за плечо и радостно закричал:

— Работает! Работает!..

Весть о том, что модель передвижного щита готова и действует, быстро долетела до Углегорска. Не успели установить модель в коротковском кабинете, как из Углегорска стали прибывать любопытные инженеры. Первыми прикатили Коноплев и Тимофеев.

Друзья ликовали больше всех.

Снова потекли дни упорного труда. Воронин работал теперь над проектом более смело и уверенно. В те горячие дни пришел к нему встревоженный Коротков. В руках его был номер технического бюллетеня. В нем сообщалось о передвижном креплении, над которым работает инженер Журавлев. Идея Журавлева заключалась в том, что он защищает призабойное пространство пологопадающего пласта своеобразным металлическим перекрытием, шарнирно закрепленным на металлическом основании в виде салазок. Перемещение журавлевского крепления тоже должно осуществляться при помощи гидравлических домкратов.

— А что в этом удивительного? — сказал Воронин. — Да разве один Журавлев работает над осуществлением горняцкой мечты? Мы с тобой и не догадываемся, сколько инженеров и стахановцев занято в Советском Союзе этой мыслью. Каждый идет своей дорогой, но цель у нас одна. Значит ли это, что нам нужно прекратить свою работу? Нисколько! Если хочешь знать, мы находимся в более выгодных условиях, чем кто-либо, потому что не только конструируем, но и осуществляем свою конструкцию. Это важное преимущество!

Воронин успокаивал Короткова и подсмеивался над его сомнениями. Он был уверен в том, что проектируемый им комбайн с передвижным креплением рассчитан правильно, и будет надежен, экономичен и прост в управлении.

Журавлев был только единомышленником, союзником в том большом и смелом деле, начатом в Березовске и находившемся на пути к своему осуществлению. Но противников нового комбайна, еще не родившегося даже на свет, а только представленного в виде модели, нашлось уже немало. Они частенько портили кровь и Воронину и Короткову.

Одним из противников был главный механик комбината «Кузнецкуголь» Петренко.

Наступала весна. Березовский лог наполнялся мутными весенними водами. Земля радовалась, просыпаясь к жизни после суровой и долгой сибирской зимы.

О новом, чудесном комбайне уже ходили легенды по всему Кузбассу. Модель щита совершала триумфальное шествие по всем рудникам бассейна. Березовский слесарь забросил свою мастерскую. Ему приходилось демонстрировать модель перед шахтерами и партийными работниками, учеными и горными инженерами во время лекций и докладов, которые читались то Коротковым, то Ворониным.

Пора было начинать строить первый опытный экземпляр комбайна. Коноплев и Тимофеев решили поставить этот вопрос на заседании технического совета комбината. Модель перевезли в Углегорск и установили в зале заседаний. Пухов, уже свыкшийся со своей ролью демонстратора, сам устанавливал модель, налаживал пульт управления и давал объяснения перед началом заседания. Шахтеры-стахановцы, приглашенные на заседание, вместе с членами технического совета ходили вокруг модели, разглядывали ее, задавали вопросы, требовали от Пухова, чтобы он пускал ее.

Отношение к модели было настороженное и недоверчивое. Доклад на заседании делал Коротков. Он говорил медленно, четко, без запинки, почти не заглядывая в лежавшую перед ним тетрадь.

— Новая высокопроизводительная механизация угледобычи, — говорил он, — должна достигаться при помощи не отдельных машин, а единой, комбинированной машины, выполняющей все операции в лаве. Механизацию всех операций в лаве нужно решать комплексно... Необходимо решать вопросы угледобычи смелее. То, что сегодня кажется неисполнимым, завтра может стать реальностью. Наши убеждения сложились в результате многолетних поисков и наблюдений. Мы экспериментировали и делали подсчеты. Вопросы крепления и управления кровлей связаны с необходимостью управления силами порядка 150—200 тонн на один линейный метр очистного забоя. Различные системы винтовых или клиновых домкратов для таких усилий получаются тяжелыми, громоздкими и в условиях лавы мало работоспособными. Мы решили создать щит, который должен двигаться гидравлической системой. Вы видели модель. Она показывает вам принцип нашего щита. Он будет непрерывно, даже при своем передвижении, поддерживать кровлю по всей длине лавы с силой, достаточной для предотвращения давления горных пород и опускания их вследствие прогибания кровли.

— Ваш щит кровли не выдержит! — крикнул кто-то с места.

— Он будет, повторяю, достаточно мощным для того, чтобы выдержать посадку основной кровли.

— И будет передвигаться?

— Щит не только передвигается сам, но и передвигает весь комплекс оборудования, необходимого для производства очистных работ...

Закончив доклад, Коротков покинул трибуну.

— Кто возьмет слово? — спросил председатель.

В зале установилась атмосфера некоторой неловкости: ведь новый щит является не просто детищем нескольких инженеров-конструкторов, он создается при ближайшем участии руководителей комбината. А ведь то, что изложил здесь Коротков — красивая и, к сожалению, неосуществимая мечта. Такого мнения держались многие из находившихся в зале. Начальник технического отдела комбината Аврущенко, председательствовавший на заседании, в глубине души тоже считал, что опыты, может быть, и следует продолжать, но реально они, конечно, не дадут ничего.

Наконец, слово взял Петренко.

— Скажу, что думаю: дело это нереальное! Идея, привлекательная, не спорю. Но комбайн, который нам предлагают, — задача со многими неизвестными. Выйдет или не выйдет что-нибудь из этой затеи, мы не знаем... Боюсь, что не выйдет ничего. Это же менее выгодно, чем та механизация, которую мы сейчас имеем. Менее выгодно и более опасно. Вы себе представляете, что может получиться в случае аварии? Такой комбайн будет стоить много денег. А если машина будет схоронена в результате обрушения кровли? И притом, судя по всему, это должна быть очень тонкая, деликатная машина. Не всякий шахтер с нею справится!..

Более витиевато выступал заместитель начальника технического отдела комбината Попов, но смысл его слов был тот же.

— Однако, — заключил Попов, — поскольку авторы предлагаемой машины — известные и авторитетные товарищи, я не возражаю против продолжения экспериментальной работы и ассигнования средств на строительство опытного экземпляра.

Коноплев слушал выступавших со своей обычной снисходительной улыбкой, но резковатый, властный характер Тимофеева не мог мириться со всем этим. Главный инженер комбината сидел глубоко в кресле, склонив голову и пряча злые искорки в глазах. Слесарь Пухов, скромно примостившийся у

пульта управления модели в углу зала, переживал не меньше авторов комбайна. Воронин порывался все время вперед, лицо его то бледнело, то розовело, он с трудом сдерживал себя от реплик.

Только один Коротков был, казалось, спокоен. Его большой, похожий на чемодан, портфель свиной кожи лежал перед ним. Поглядывая изредка на слесаря, он перебирал в памяти прошлое: как изготавлилась модель, как трудился над ней Пухов, придумавший сам пульт управления. Какая жалость, что Пухов не инженер! Вспомнился вдруг сказ Лескова о тульском левше. «Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравнивали неравенство талантов и дарований... Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру...» Ошибался Лесков! Русский народный талант жив, он бьет ключом и в наш машинный век... Необозримые просторы открывает наша советская действительность для народного творчества во всех областях жизни, в том числе и в технике!.. Только бы позволили построить опытный экземпляр. Быстро построили бы. Пухов, Коновицын, Тренев.... Да разве они одни — весь завод будет жить этим делом. Строительство нового комбайна станет делом чести для всей нашей партийной организации!..

...На совещании в обкоме партии, на конференции по изучению производительных сил Кузбасса, созванной Академией Наук СССР, на лекциях в раскомандировочных залах крупнейших шахт бассейна — всюду авторы нового комбайна получали массу дополнений и предложений, направленных на лучшее осуществление их идеи. Академики и стахановцы, инженеры и партийные работники, каждый, кто видел модель в действии, начинал верить в реальность задуманного.

Поддержка обкома партии, помощь горняцкой массы, заинтересованность и содействие научных организаций — все это было налицо. Можно работать спокойно.

— Наш передвижной щит, работающий с комбайном, — предварял теперь свои пояснения Воронин, — имеет 200 листов чертежей. Но с одними этими двумястами листов я, главный конструктор новой машины, работать не могу. Нам нужно все время совершенствовать свое детище, так как мы идем по непроторенной дороге. Без общения с производственниками такой комбайн не создать!..

Не пришлось использовать и заграничный опыт. Отлично зная английский, немецкий и французский языки, Воронин просмотрел за последние годы массу технической литературы.

Он искал хоть малейшего намека на что-нибудь, связанное с механизированным передвижным креплением. Ничего! В одном английском горном журнале с улыбкой прочел он заметку о том, что в Англии поставили на одной шахте несколько гидравлических стоек, подкачивающихся... вручную.

Капиталистический способ производства по самой природе своей исключает использование достижений науки и техники для облегчения труда рабочего.

6

Создание опытного экземпляра комбайна было поручено заводу «Свет шахтера».

Тимофеев выехал в Москву, чтобы сделать сообщение о новой машине на заседании Технического совета Министерства.

Москва не возражала против того, чтобы первый опытный комбайн строили в Березовске. Однако вся работа должна теперь руководиться научно-исследовательским институтом по проектированию угольных машин. Воронина и Короткова перевели на работу в Новокузнецкое отделение этого института и назначили главными конструкторами нового комбайна.

Трудность создания новой машины заключалась теперь в том, что наряду с ее строительством, приходилось проводить испытания отдельных ее элементов, отказываясь от одних деталей и создавая другие.

Коновицын, Пухов, молодой инженер научно-исследовательского института Лавринович работали теперь в Березовске, во вновь созданном экспериментальном цехе.

Заводу, наряду со строительством опытного экземпляра комбайна, нужно было, конечно, выполнять и свою обычную производственную программу.

И план выполнить, и комбайн дать!

Так стоял вопрос.

— Лука Николаевич, дадим комбайн? — спрашивал Воронин у мастера механического цеха Фомиченко.

— Во что бы то ни стало! — отвечал тот.

Опытный слесарь Фомиченко давно уже работал на сборке угольных машин. Обычно он руководил сборкой лебедок. Сейчас, кроме того, взял на себя руководство монтажом опытного комбайна. Слесари Алексей Новоселов и Никита Подоев помогали ему.

Для комбайна требовалось много металлических конструкций. Начальник цеха металлоконструкций Антипов взялся за дело горячо.

— Трудно, не спору, — говорил он. — Но ведь на фронте труднее было. Это я вам как капитан запаса подтверждаю.

Конечно, срок сжатый, но если взяться как следует — заказ выполним во-время.

Честь завода требовала, чтобы комбайн был изготовлен как можно быстрее. Антипов не унывал и подбодрял людей, но начальник механического цеха Крылов ходил мрачнее тучи: комбайн отвлекал много сил, создавалась угроза невыполнения плана выпуска шахтного оборудования.

— Карп Прокопьевич, — жаловался Крылов директору завода Треневу, — так работать нельзя. Два дела сразу...

— Тебе нужна помощь? Обсудим вопрос на партийном бюро, но противопоставлять строительство комбайна программе завода не дадим!

На заседании партийного бюро Крылова спросили, какая нужна ему помощь. Начальник механического цеха вытащил из кармана записную книжку и стал перечислять. Ему нужно еще десять слесарей, не хватает толстостенных труб, красной меди, поковок. А главное — просит он поднять людей на соревнование, так как не все рабочие понимают важность создания опытного экземпляра нового комбайна.

На следующий день заводские агитаторы выслушали обстоятельные доклады Короткова и Воронина и пошли в цехи. Партийная организация завода взяла изготовление деталей комбайна под особый контроль.

«Комбайнеры» пользовались теперь на заводе всеобщим вниманием. Но внутри самой группы комбайностроителей возникали трения. Главный предмет разногласий Воронина и Короткова касался нижнего основания щита. Воронин предложил удлинить форму лыжи и упорно настаивал на своем предложении. Коротков колебался.

— Или будет по-моему, или разойдемся! — услышали с тревогой молодые сотрудники угрозу Воронина.

— Ну, милые бранятся — только тешатся! — говорил Коноплев, узнав об очередной размолвке двух конструкторов.

И, как всегда, помирил их.

Решающее слово было сейчас не за Ворониным, не за Коротковым, а за научно-исследовательским институтом, работниками которого они теперь являлись. Детали комбайна, в особенности, детали щита видоизменялись и совершенствовались в соответствии с заключениями институтских работников.

Новокузнецкий филиал института пристально следил за тем, что делается в Березовске. На что должна опираться секция щита — на башмак со сферической поверхностью или на лыжу? Вот о чем шел спор.

Институт настаивал на башмаке, тогда как Коротков и Воронин с присущим им упрямством защищали лыжу. Тогда в Березовск решили послать инженера-конструктора Анну Васильевну Кокорину. Задача у Кокориной была дипломатическая—убедить авторов в неправильности их решения и в необходимости уступить.

— Честное слово, не знаю, что с ними делать. Может быть, вы на них повлияете... — говорил Анне Васильевне напутствовавший ее директор филиала.

Коротков встретил ее словами:

— Я вижу, что вы приехали с целью воздействовать на нас, — сказал Иван Степанович, внимательно выслушав гостью. — Выслушайте и меня, как инженер инженера. Вы — конструктор, а я, кроме того, бывший главный механик шахты...

Коротков говорил с таким убеждением в своей правоте и приводил такие обоснованные на практическом опыте аргументы, что Кокорина, казалось, должна была заколебаться. Но этого, к удивлению Ивана Степановича, видимо, не случилось.

На следующий день Кокорина получила допуск в заветную мастерскую и, облачившись в синий халат с белым воротничком, стала проверять гидравлическую систему щита.

Коротков не возвращался больше к теме их первой беседы, но нервный, горячий Воронин вел с Кокориной бесконечные споры.

— На наших почвах башмак не годится, он вдавится в породу и тогда мы не сдвинем щита! — почти кричал он.

Но Анна Васильевна только слушала и загадочно улыбалась.

— Посмотрим, товарищ Воронин, посмотрим...

Через неделю она вошла в кабинет Короткова и, присев на краешек дивана, неожиданно сказала:

— Иван Степанович, я пришла к выводу, что вы правы.

Прошло еще несколько дней и в Новокузнецк полетела телеграмма, из которой вытекало, что инженер-конструктор Кокорина перешла на сторону березовских упрямцев.

Кокорина прожила в Березовске несколько месяцев в неустанном труде. Целеустремленность и неутомимость Короткова и Воронина захватили и ее. Она работала, не чувствуя усталости, с раннего утра и до позднего вечера. За время своего пребывания на заводе она не только проверила всю гидравлическую систему щита, но и воплотила в чертежах вариант основания секции, так рьяно защищавшийся Коротковым и

Ворониным. Иван Степанович не без торжества спрятал их в нескораемый шкаф.

На прощание Кокорина сказала:

— Я еще приеду в Таежное.

Щит был изготовлен в срок. Наступала пора испытаний опытного экземпляра машины. Как она поведет себя в действии?

Первые испытания проводили на специально построенном испытательном стенде. Опять зачастили гости из Углегорска. Не было ни одного сколько-нибудь видного горного инженера или конструктора в обоих угольных комбинатах Кузбасса, ни одного руководящего партийного работника области, который не побывал бы в те дни в Березовске.

Думами о новом комбайне жил весь заводский коллектив, весь город. На каждом заседании бюро городского комитета партии — независимо от того, стоял этот вопрос на повестке дня или не стоял — интересовались ходом испытаний на стенде. О комбайне говорили на собраниях и дома, за семейным столом, о нем писали в газетах.

В институте Анна Васильевна еще раз тщательно проверила всю гидравлическую систему. Каждую секцию можно было теперь изолировать, на пульте управления можно было также сразу перекрыть магистрали всех четных или нечетных секций. Домкраты каждой секции представляли теперь единую гидравлическую систему и их верхнее сплошное перекрытие надежно поддерживалось на поршнях четырех сообщающихся цилиндров.

Да, это был уже не тот, неясный в деталях, «наступающий комбайн», рисунок которого Коротков привозил когда-то Воронину в Углегорск.

...Петренко остался верен себе:

— Ваш щит работает только на стенде! — заявил он, а если его так, без стенда запустить — и двигаться не будет.

Воронин и Коротков слушали главного механика с почти-тельностью и все же оставались при своем мнении.

Закончив стендовые испытания, щит демонтировали, погрузили в вагон и отправили на юг, в Таежное. Вслед за комбайном двинулась и воронинская бригада: Коротков и четверо березовских слесарей; Пухов, Новоселов, Подоев, Хряпин.

Короткову Таежное казалось теперь еще роднее, чем прежде. Недавно из общежития он переселился в уютную только что отстроенную гостиницу против громадного здания уголь-

ного треста. Из окна его чистенькой, пахнувшей свежей краской, комнаты он видел уходившую вдаль кремнистую дорогу на Калтанский рудник и поблескивающую на солнце, бежавшую с гор, речушку Кандалеп.

Однажды Короткову позвонили, что из Москвы прилетел министр угольной промышленности и что он выехал уже из Углегорска на «Пятилетку» — смотреть щит.

...Электровоз резко затормозил, вагончики шахтного пассажирского поезда столкнулись буферами и остановились. Люди вышли из поезда и направились по штреку пешком. В шахтерских спецовках, в касках-черепашках, к которым прикреплены лампы, эта группа ничем не отличалась от рядовых шахтеров. Впереди, рядом с начальником шахты, Рогожским, шагал, чуть сутулясь, министр.

Вот она, семнадцатая лава 16-го участка шахты «Пятилетка» — лава, которая войдет в историю техники. Всем хотелось поскорее посмотреть, как работает чудесный комбайн. Пусть существует еще только один опытный экземпляр, пусть впереди еще нелегкий путь доводки — горняки Кузбасса уже окрестили новую машину «подземным танком».

Молодой шахтер Абдулаев смотрел на бегущую вниз и падающую в вагончик черную струю угля. Это был уголь, добытый новым комбайном.

Гости направились вверх, в лаву. В полосе лампового света показался небольшой пульт управления, блеснул телефон. У пульта сидел один из первых комбайнеров новой машины Леонтий Тарасюк.

— Сейчас пускаю машину! — предупредил он с нескрываемым торжеством.

— Пускай транспортер! — приказал он затем по телефону люковому. Тарасюк дал предупредительный сигнал и нажал кнопку.

Включен струг, включен лавный транспортер, включено передвижное щитовое крепление. Как ни слабо освещено лицо комбайнера, на нем ясно видно вдохновение. Да это уже предтеча шахтера совсем нового типа — шахтера и инженера в одном лице...

— Замечательная будет машина! — говорил Тарасюк министру. — С такой машиной сможем горы угля давать! Пробирайтесь ближе к забою, на щит поглядите!

С глухим шумом проходил струг двадцативосьмиметровую лаву. Уголь сыпался из-под струга в лавный транспортер и быстро уносился вниз. Когда струг достиг конца лавы, концевой выключатель автоматически выключил лебедку.

Тарасюк снова нажал кнопку и струг начал свой обратный путь.

В забое тускло поблескивал свежий и ровный как лента, след струга.

Гости, расположившиеся вокруг Тарасюка, старались лучше разглядеть передвижной щит—наиболее интересовавшую их часть комбайна. Они видывали немало комбайнов. Похоже было, что ни струг, ни лебедка, ни лавный транспортер не производили на них сильного впечатления. Но щит... Все рассматривали его, лежа в самых неудобных позах, несколько часов.

Комбайнер нажал кнопку на пульте, и могучий щит, сдерживавший кровлю, двинулся вперед. Сила, которая его двигала, была несокрушима. Она стирала и выравнивала неровности кровли и почвы. Щит шагал! Передвигаясь, он осторожно толкал вперед перед собой, как слон детскую коляску, лавный транспортер и струг. Немедленно после окончания строгания заканчивалась и передвижка щита — кровля ни на одну минуту не оставалась обнаженной и щит надежно ее поддерживал. Сзади у него имелись особые щитки, отшивавшие забой от завала породы, которая обрушивается после передвижения щита.

Щит затягивал кровлю сплошь, в том числе и в призабойном пространстве над лавным транспортером и стругом. Полная механизация отбойки, навалки и доставки угля, крепления лавы и управления кровлей — всеми этими операциями управлял один человек простым нажатием кнопки.

Первые испытания проводились в очень тяжелых условиях. На протяжении всей двадцативосьмиметровой лавы из кровли обильно выделялась вода. Пласт залегал беспокойно — на длине 6 метров угол падения пласта менялся от 2 до 13 градусов. Обработываемый целик угля был окружен с трех сторон выработанным пространством и до пуска комбайна стоял три месяца. Кровля была слабая — при малейшем обнажении образовывались «завалы», выпадали «коржи» и мелкие «купола».

И все же комбайн работал. Он был еще несовершенен. Но он работал и давал уголь!

В отдельные смены подвигание достигало нескольких метров. И все время крепление и управление кровлей в лаве осуществлялось исключительно щитом комбайна...

Поднявшись на-гора и войдя в кабинет начальника шахты, министр сказал собравшимся инженерам:

— Самое главное и самое ценное в этом комбайне — щит. Вы видели, каким слабеньким несовершенным выглядит тут струг. В конце концов, эту механизированную крепь можно будет использовать в сочетании с любым комбайном или вовсе без комбайна. Механизация крепления очистных выработок — единственный, еще не решенный нами, вопрос. Приказываю назвать новый комбайн «Сибиряком» и продолжать доводочные испытания. Мы не будем жалеть денег на это дело!

...Самым спокойным человеком на шахте казался ее начальник инженер Рогожский. Он уже настолько привык к присутствию на шахте «комбайнеров», что не замечал даже того, что они самым бесцеремонным образом оккупировали его собственный кабинет. Он хорошо понимал значение испытаний «Сибиряка». И все же, как у каждого хозяйственника, душа Рогожского нередко двоилась. Финансирование экспериментального участка, на котором работал комбайн «Сибиряк», запаздывало, работы приходилось проводить за счет шахты. Это приводило к повышению себестоимости добываемого шахтой угля и лишало руководящий персонал шахт премий.

Перемены, какие несет горнякам новый комбайн с передвижным креплением, видел и главный инженер шахты Алексей Алексеевич Трофимов. Он решил, что пока будут идти доводочные испытания новой машины, не мешает готовить для нее комбайнеров.

Комбайн вообще, а «Сибиряк», в особенности, несет в шахту новую жизнь. С чем раньше шел шахтер к механику? «Дай подпилочек! Дай точило!» Сейчас связь механика с шахтером становится совсем другой. Механик шахты или участка должен быть более квалифицированным, чем прежде. Да и шахтер теперь должен быть немного механиком. Впрочем, старому разделению работников шахты на горняков и механиков приходит конец. Знаток горного дела должен быть и знатоком машин, а этот, последний — знатоком горного дела. Так считал Трофимов. Он учился сам и учил группу шахтеров, готовя ее для работы на комбайне «Сибиряк».

Коротков почти ежедневно заходил в кабинет Рогожского, усаживался за длинный стол для заседаний и, осторожно отодвинув графин с водой, знакомился с очередной почтой. Со всех концов страны летели теперь запросы, советы и даже требования — выслать наступающий комбайн для испытания на пологих пластах средней мощности.

В Москве экономисты заканчивали свои подсчеты. Они сообщили в Таежное, что комплексная механизация угледобычи с помощью «Сибиряка» (отбойка, навалка и крепление) позволит увеличить угледобычу, по крайней мере, в два с половиной раза. При этом потребность в рабочей силе сократится вдвое, а себестоимость, угля снизится на 80 процентов.

И что особенно радовало и тревожило таежинских комбайнеров, приходили известия о разработке новых систем передвижного крепления, основанных на тех же принципах применения гидравлических домкратов, какие имел и щит комбайна «Сибиряк».

Однако это были только проекты, а в Таежном опытный экземпляр машины уже существовал и действовал.

— Этот струг, черт бы его побрал! Он портит нам всю машину. Выбросить его надо! Со стругом нам нечего даже в Москву теперь соваться. Засмеют!.. — тревожился Коротков.

— Ты остаешься таким же минусинским мечтателем, как и был! — отвечал Воронин. — Почти двадцать лет ты работал над передвижной механизированной крепью и создал ее. Тебе шестой десяток пошел, что же ты думаешь начинать жизнь сначала и изучать вопросы теории разрушения углей? Нет, братец, и в изобретательстве есть разделение труда. Предоставим это другим, а сами займемся доводкой щита. Да и какая разница, что придать нашему щиту — струг или комбайн «Донбасс». Какое это имеет значение? Берем же мы наш щит для задуманного проходческого комбайна...

— Я мыслю себе полное осуществление своей идеи в виде агрегата, добывающего уголь, транспортирующего его и крепящего кровлю. Если мы с тобой не можем ее осуществить сами, почему бы не привлечь специалистов по разрушению углей? Если делать машину будущего, так надо, действительно, применить новые принципы во всем — и в добыче, и в креплении!..

Конец этим спорам пришел неожиданно. Во время одной из своих поездок в Москву, в самолете Коротков познакомился с горным инженером Силицким, конструктором нового комбайна «Черемховец». Оба знали друг друга по рассказам, и только теперь, при личной встрече, перед Коротковым предстали во всех подробностях особенности создаваемой Силицким машины. И самым важным было то, что она должна была действовать по новому методу разрушения углей и горных пород. Два советских инженера — сын сибирского кузнеца и сын сосланного царским правительством в Сибирь поляка-революционера — летели над Барабинской степью и смот-

рели вниз, на поросшие камышом болота и березовые колки, и тихо переговаривались о том, как их машины будут действовать там, далеко внизу, под землей... Механизированная крепь «Сибиряк» и работающий новым методом разрушения углей и горных пород комбайн «Черемховец» должны в будущем соединиться в один агрегат.

После возвращения из Москвы Коротков несколько раз бывал в Черемхово, проводя там у Силицкого целые недели. Дело с новым методом разрушения углей не ладилось.

«Теория одно, а практика — другое! Нужно привести к единству данные лаборатории и данные, получаемые в забое. И тогда дело пойдет!» — твердо решил Коротков.

Механизированная крепь «Сибиряк» родилась. Она нужна шахтерам. Будет создан и агрегат, который обеспечит одновременно непрерывную выемку и транспортировку угля, крепление и управление кровлей в лаве. Поточный метод угледобычи, казавшийся еще недавно фантастикой, уже становится реальностью...

Творческий импульс, явившийся результатом практического применения гидравлики для управления горным давлением, оказался животворящим. В Донбассе, в жаркой Грузии, в холодной Воркуте, в Черемхово, в Подмоскowie — везде, где есть уголь и куда тысячами эшелонов возили крепежный лес, где лесодоставщики, обливаясь потом, таскали тяжелые, сырые лесины, рубили, ставили их — везде теперь хотят иметь щиты и крепежные агрегаты, способные от нажатия кнопки ползти, шагать, перемещаться, ни на минуту не отпуская кровлю пласта, не давая ей садиться...

Много пытливых людей трудится в угольных бассейнах советской страны. Они превращают горняцкую мечту в реальность, создавая гигантские, высотой с трех-четырёхэтажный дом, гидрощиты для разработки мощных угольных пластов, разрабатывая гидрокровли для выемки пластов горизонтальными слоями, проектируя специальные гидравлические крепи для угольных пластов Караганды и молодого Томь-Усинского рудника в Кузбассе.

Комбайн «Сибирь» изо дня в день совершенствуется, но уже сотни изобретателей охвачены новыми, еще более смелыми техническими идеями, которые тоже будут осуществлены на благо Родины.

Обязательно!

Георгий Степанович Блынский более шести-десяти лет живет в Кузбассе. Еще в юности начал он изучать Горную Шорию — один из живописных и богатых районов Кузнецкой земли.

Горная Шория, с ее обширной тайгой, с ее скалистыми горами и речными долинами, очень понравилась Г. Блынскому. Он познакомился с шорским фольклором, записал много сказок и легенд.

Одна из них предлагается вниманию читателей.

Г. БЛЫНСКИЙ.

ГОРЕ ИВАНАКА

У Иванака захворала жена Кача (Екатерина). Сначала она ходила кое-как, делала свои домашние дела, а когда выпал снег и наступили морозы, — слегла в постель.

Иванак с'ездил к попу помолиться, чтобы больной стало легче, отдал три рубля и свечку пред иконой поставил — не помогло. Спрашивал знающих людей, отчего жена хворает — и те ничего не сказали.

Обратился Иванак к шаману Каму, который жил тут же в улусе, и посулил ему нетель.

Кам явился во всем своем наряде с бубном в руках и три дня усердно комлал над больной. Потом повесил над ней пучек волос из хвоста нетели и ушел домой.

От крика Кама и рокота бубна больной стало еще хуже.

Одно узнал Иванак, что в жене его сидит сам Шайтан, Злой Дух, которого выгнать очень трудно. Крепко засел. Ну, значит делать нечего, с Шайтаном драться не будешь. Нужно приниматься за работу, да и жена велит работать. Навозил Иванак сена и дров. С'ездил в соседний улус, пригласил старуху-мать поухаживать за больной.

Поехал за хлебом в город, сменял рыбу на хлеб. Купил порошу, дрови, пистонов и, вернувшись домой, стал собираться на промысел в тайгу.

Замужняя сестра Иванака изжарила ячменя, намолочила талкану¹⁾ и крупы ручной мельницей, испекла несколько ржанных ковриг²⁾. Иванак сложил все запасы в сумку, простился с женой, сказав, что он ей принесет мяса и меду, надел лыжи и отправился в тайгу.

На Бель-Су, к балагану пришел он на второй день к вечеру. Откидал снег от балагана, нарубил и натаскал дров, развел огонь. Повесил Иванак котелок над огнем, сварил чай, оттаял ковригу хлеба.

Надо пить чай, с утра во рту ничего не было. Но еда не идет Иванаку. На уме у него больная жена с впалыми глазами, иссохшей грудью. Отчего могла захворать? — думал Иванак. — Была такая крепкая и здоровая. Всего месяца полтора тому назад еще рыбачила с ним ночи напролет. Правда, был холод и она стала кашлять, а однажды даже сказала:

— Иванак, я что-то занемогла.

Развели на берегу огонь, отогрелись и опять стали закидывать в Томь невод.

Все Шайтан виноват, — думает Иванак. — А какая работница была жена! Утром, чуть свет, он еще спит, а Кача уже накормит скотину, затопит печь и вяжет невод или прядет пряжу. Чай сварит, хлеб напечет, скотину напоит и тогда только разбудит Иванака пить чай. Хорошо было жить. Днем с трубкой в зубах пойдет он к соседям, где чашку чая, где аромочки выпьет. Она же запряжет лошадь и едет за сеном или за дровами или сидит дома и шьет ему чирки.

Кто теперь будет так вести домашность? Иванак вздохнул. Кто наварит араки и будет угощать, когда он вернется с промысла? Жаль такую бабу хоронить. Только бы хороший промысел, Иванак ничего не пожалеет дать Каму, чтобы он выгнал из Качи Шайтана.

С такими думами напился Иванак чаю, подбросил на огонь дров, закурил трубку и стал готовить себе постель из пихтовых веток. Лег на подосланную телячью шкурку. Трубка дымит, дрова потрескивают, Иванаку не спится. Уж не от того ли она захворала, — опять размышляет он, — что я в Покров пьяный ее крепко побил? Плохая привычка — в пьяном виде бабу бить, а он много раз ее обижал. Больше не буду драться...

¹⁾ талкан — крупномолотая мука из поджаренного ячменя; применяется в пищу с молоком или водой.

²⁾ коврига — круглая булка диаметром в 30 см., испеченная из ржаной муки.

И она какая-то недогадливая, видит, Иванак — пьян, и спряталась бы куда-нибудь. Так нет, вьется тут же около тебя, разувает, раздевает. Дура баба!..

Хорошо бы найти берлогу и застрелить медведя. Стал бы я ее крепко кормить жирным медвежьим мясом и салом. Зверь сильный, может, она и поправилась бы. На шкуру меду купил бы или еще чего-нибудь, только чтобы она поправилась.

С этими мыслями Иванак заснул. Во сне он видел: медведя стрелял, но ружье дало осечку. Потом проходили олени, прыгали белки, свистели рябчики. Он даже застрелил три белки, ободрал, такие жирные, жене гостинцы.

Проснулся от холода. Огонь погас. Иванак на горячие угли наложил свежих дров и раздул огонь. Опять задремал и снова увидел много зверей.

Рано утром поел талкану с водой, напился чаю и пошел на промысел.

Ходил по склонам гор, по логам вплоть до вечера. Плохой день, промыслил мало: два рябчика и одну белку. Правда, видел много следов колонка около старых кедров. Не мед ли ест колонок в дупле кедра? Иванак знал, что колонок, как и медведь, большой любитель меда. Нужно завтра посмотреть, сегодня уже поздно, темно.

По дороге в балаган Иванак срубил на дрова сухую пихту, приволок ее и изрубил на поленья, опять развел огонь и пил чай. Потом ободрал белку, желудок с семечками изжарил над огнем и съел, шкурку выправил и повесил сушить, а тушку вместе с рябчиками спрятал на очищенную и гладко обтесанную пихту повыше, чтобы не испортили мыши или какой другой зверек.

Опять он долго думал о Каче, сидя у пылающего костра и попыхивая трубкой. Теперь буду все работать сам, решил он, укладываясь спать, и чирки буду шить, и сено, и дрова запаковать; пускай Кача только хлеб стряпает и невод вяжет, пускай отдыхает и поправляется.

Утром, как и вчера, поел он талкану, запил чаем с люттем хлеба и снова вышел на промысел.

Невесело на сердце. Иванак запел потихоньку песню:

Зеленые пихты, кудрявые кедры,
Не знаете вы горе Иванака,
У него захворала жена.
Кача хворает и лежит на постели,
Ее нужно сладко, жирно кормить,
А промысла хорошего нет.

Дайте, пихты и кедры,
Больше белок и больше меду,
Качу нужно кормить сладко.

Пошел Иванак на лыжах по вчерашнему следу колонка. След привел его к старому сухому кедру. Присмотрелся он вокруг, видит: на снегу валяется несколько мертвых пчел. Значит, колонок разорил колодку и лазит на кедр есть мед. Иванак очень обрадовался своей находке. Сбежал в балаган за большой берестяной гуженкой¹⁾, оставленной им весной, когда он тут на Бель-Су рыбачил. Посмотрел на кедр и принялся его рубить. Целый день он подрубал дерево своим маленьким топором. Наконец, кедр захрустел и, повалившись на снег, распался на несколько частей. Бросился Иванак к тому месту, где было дупло, которое от падения расколосось.

Хорошо, — обрадовался Иванак, — хотя немного есть меду, колонок не все еще с'ел.

Осторожно ножом срезал Иванак со стенок дупла оставшиеся темные соты с медом. Набралось его в гуженке с полпуда. Счастливый вернулся он в свой балаган.

Теперь Кача будет сладко есть и скоро будет здорова. Завтра утром нужно итти домой.

Но утром пошла кить²⁾ и помешала Иванаку отправиться в путь. Повалил быстро густой снег, поднялась буря, стало темно, как ночью. Тайга застонала и завывала, кое-где с треском начали падать деревья. Три дня продержала кить Иванака. Кое-как он добывал дрова, бродя на лыжах по поясу, потом часами лежал в балагане, ничего не делая. На четвертый день все стихло и небо стало яснее. Еще ждал два дня, промышляя поблизости: застрелил десяток рябчиков и шесть штук белок да того колонка, который воровал мед.

На шестой день после начала кити Иванак встал утром рано, доел последний талкан и, уложив в сюрку свою добычу, отправился в обратный путь. Дорога была тяжелая, только когда вышел на Томь, стало легче итти по льду, с которого весь снег согнало ветром. Выше студеного плеса Иванак встретил зятя, мужа своей сестры, которая снаряжала его на промысел.

У Иванака заныло сердце при виде зятя, идущего с одним топором.

Сошлись, поздоровались.

— Куда пошел? — спрашивает Иванак.

¹⁾ гуженка — сделанное из бересты корытце, в котором солят рыбу.

²⁾ кить — очень густой, пухлый снегопад, выпадающий за сутки до 2-х и более метров.

- К тебе.
- Рано вышел?
- Рано.

Помолчали. Зять с тоской посмотрел в глаза Иванаку, ничего не говоря, повернул лыжи и пошел обратно.

Иванак заплакал и тронулся с сюркой за ним. При виде полной плещущей воды в студеной протоке Томи он запел:

Кормилица светлая Томь,
Не знаешь ты Иванакова горя,
Умерла у Иванака Кача.
С кем он будет слушать твой шум,
Плывать на лодке и неводить рыбу?
Умерла моя Кача.
Не будет больше такой,
Не с кем мне плавать
По шумящим порогам Томи,
Некому встречать Иванака,
Когда он приходит с промысла.
Бедная Кача, жалко тебя.

До самого дому напевал Иванак плачевную песню. Зять молча, опустив голову, шел впереди...

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

Б. КАЛЯСОВ

Беспощадный обличитель американского империализма

19 июля 1953 года исполнилось 60-летие со дня рождения пламенного советского патриота, классика социалистического реализма, талантливейшего поэта В. В. Маяковского.

Всю свою звонкую силу поэта, весь свой могучий талант Маяковский отдал борьбе за передовые, коммунистические идеалы, за победу социализма. Какие бы вопросы ни затрагивал поэт в своей многогранной литературной деятельности, он выступал как страстный обличитель всего прошлого, отживающего, как пламенный борец за новые социалистические отношения, за новую счастливую жизнь. Маяковский, ставший своей основной задачей «не плестись в хвосте событий, а быть в передовой шеренге борющихся масс», был кровно связан с действительностью, глубоко знал ее, жил бурной жизнью страны.

Большую значимость имеют в наши дни стихи и очерки Маяковского об Америке. Вслед за великим М. Горьким В. Маяковский раскрыл подлинную сущность хваленого «американского образа жизни», сорвал маску с американских «свобод», выступил беспощадным обличителем американского империализма. Произведения Маяковского об Америке отличаются высокой идейностью, ясной целенаправленностью. Они служат примером партийности в литературе, вскрывают и бичуют уродства и противоречия капиталистического мира, наиболее полным воплощением которого является американский империализм.

Сатирически заостряя, не преувеличивая факты, явления действительности, Маяковский создал многообразие ярких поэтических образов. Типичность художественных образов, их непреходящее значение, высокая идейность делают произведения Маяковского об Америке глубоко жизненными и в наши дни.

Произведения Маяковского об Америке — сборник стихов «Испания. Океан. Гаванна. Мексика. Америка» и книга очерков «Мое открытие Америки» — являются результатом длительного пребывания поэта в США, художественным оформлением своих впечатлений от всего виденного там. Все что написано Маяковским, это не плод поэтической фантазии, а

воспроизведение в стихах живой действительности. Это придает стихам и очеркам огромную убедительность, силу и страстность.

В стихах и очерках Маяковского выступают яркие очертания двух Америк — Америки эксплуататоров и Америки трудящихся, страны, богатой политым народной кровью золотом, и страны голодного, бесправного трудового народа. «Тюрьма Острова Слез» — таково образное и глубоко правдивое заключение поэта об американской действительности.

Раскрывая сущность двух сторон американской жизни, поэт спрашивает: «Американская нация?» и отвечает «О ней больше, чем о какой-нибудь другой, можно сказать словами одного из первых революционных плакатов: «Американцы бывают разные, которые пролетарские, а которые буржуазные». А в одном из стихов уточняет, конкретизирует это разделение, указывая, что в Америке

...жизнь

была

одним — беззаботная,

другим —

голодный

протяжный вой.

Маяковский со всей силой обрушивается на эксплуататоров, живущих в полном довольстве за счет трудового народа, гневно разоблачает капиталистический строй.

Бешеная, безжалостная эксплуатация трудящихся, их ограбление, обнищание, покорение колоний и зависимых стран — вот что приносит богатство монополистам. Самыми грязными, гнусными путями добывают миллиардеры доллар, эту свою магическую силу. Всей внутренней и внешней политикой США ворочают финансовые магнаты. «Наивные люди, — замечает Маяковский, — желая посмотреть столицу Соединенных Штатов, едут в Вашингтон. Люди искушенные едут на крохотную улочку Нью-Йорка — Уолл-стрит — улицу банков, улицу фактически правящую страной... Уолл-стрит — первая столица, столица американских долларов».

Погоне за обеспечением колоссальных прибылей у миллиардеров подчинено все: и политика, и демократия, и культура, и мораль. Ценность человека определяется имеющейся у него суммой денег. Все остальное, что есть у человека, не имеет никакого значения для империалистического общества. Капитализм не только угнетает, но и растлевает человека духовно. В Америке все продается и покупается — и демократия, и печать, и искусство...

С негодованием заклеил поэт прогнившего «цивилизованного» мистера Свифта — свиного короля, который, пользуясь своим богатством, насилует бедную женщину, делая больной ее и ее детей...

Сколько сарказма вложено поэтом в описание техасской сценки издательства «банды старух в 40 человек» над женщиной, заподозренной в сожительстве с их мужьями. Эта средневековая сцена дана с натуры и не удивит американца.

По пути деградации идет культура, искусство Америки. С чувством презрения описывает Маяковский «Кони-Айланд» — Остров Увеселений. Сколько уродства, грубости, моральной пошлости на месте воскресных прогулок американского обывателя.

«Никогда не видел, чтобы такая гадость вызывала бы такую радость», — заключает Маяковский.

Вместе с Америкой эксплуататоров Маяковский показывает трудовую Америку, жизнь простых людей, подверженных эксплуатации ничтожной кучки миллиардеров. Под розовым налетом хваленой пропагандой «американского образа жизни» советский поэт без труда разглядел тяжелую жизнь большинства населения.

Чисто на главных улицах и в местах, где живут хозяева. Совсем другое «в 5 минутах езды от блестящей 5-й авеню и Бродвея», где живет большинство рабочих и служащих. Там «стоят ящики со всевозможными отбросами, из которых нищие выбирают не совсем об'еденные кости и куски. Стынут вонючие лужи и сегодняшнего и позавчерашнего дождя. Бумага и гниль валяются по щиколотку...»

В империалистической Америке все сделано для того, чтобы выжимать из рабочих все силы, на их труде, поте и крови добывать доллары, максимальную прибыль. Как вершину безудержной эксплуатации народа Маяковский описывает порядки на заводе автомобильного короля Форда, где человек, рабочий стал придатком машины.

С исключительной силой разоблачает Маяковский в своих произведениях одну из самых гнусных черт американской действительности — национальную и расовую дискриминацию.

Наверху министры
в бриллиантовом огне.

Под —
народ.
Голойший зад виднеется.

Без штанов,
во-первых, потому, что нет,

Во-вторых, —
не полагается:
индейцы.

Все в Америке подчинено эксплуатации угнетенных народов. Маяковский со всей страстью своего могучего таланта обрушился на эту средневековую цивилизацию.

Американец, «увидев негра с белой женщиной, негра револьвером гонит домой, сам безнаказанно насилует негритянских девочек, а негра, приблизившегося к белой женщине, судит судом Линча, т. е. обрывает ему руки, ноги и живого жарит на костре». Для уничтожения черных и других неугодных миллионерам людей в США создана организация американских фашистов — Ку-Клукс-Клан.

Такой изображена Америка, виденная Маяковским более 20 лет назад. Но это и современная Америка. Большинство стихов поэта звучит сегодня так, как будто написаны они на материале нынешней Америки, будто обобщены факты не прошлого, а настоящего.

Советский поэт назвал Уолл-стрит первой столицей Америки. Таким финансовым центром капиталистического мира она остается и ныне. Магнаты Уолл-стрита выдвигают правительство, руководят всей внешней и внутренней политикой страны. Монополисты захватили и подчинили все сферы американской жизни — политику, демократию, культуру. Все куплено и работает на потребу миллиардеров, все подчинено борьбе за оттягивание гибели разлагающегося, гибнущего империализма.

На службе у империалистов продажная и беспринципная американская пресса. Она также раски служил монополистам, защищает их интересы, оправдывает эксплуатацию народа.

Интересам миллиардеров служит и полиция. Она подавляет рабочее движение, разгоняет демонстрации, избивает сторонников мира. Молодчики с резиновыми дубинками стали символом полицейского общественного строя современной Америки.

Еще более разложилась американская культура. Американского обывателя усилению пикают голливудской стряпней, бульварной, порнографической литературой, пошлыми театральными постановками, душераздирающей музыкой.

Великий советский поэт с гневом обрисовал эксплуатацию капиталистами трудового народа. Теперь эксплуатация стала в Америке более рабской, разрушающей человека. За счет перенапряжения духовных и физических сил рабочего класса монополисты обеспечивают себе колоссальные прибыли. Уровень жизни американского рабочего стал еще более нищенским. Рабочий не может удовлетворить даже минимальные запросы своей семьи.

В своих очерках Маяковский писал о постоянной безработице в Америке. Теперь безработица там стала еще более массовой. В современной Америке не менее 3 миллионов полностью и 10 миллионов частично безработных. Миллионы людей обречены на голод, нищету, вымирание.

Изуверской стала в Америке расовая и национальная дискриминация. Особенно сильной эксплуатации подвергаются негры. Национальный вопрос в современной Америке решается одним словом: «Линч». 13 миллионов негритянского населения остаются бесправными, подвергаясь не только бесчеловечной эксплуатации, но постоянной угрозе сделаться жертвой хулиганов Ку-Клукс-Клана. Белый в США может безнаказанно оскорбить негра, ударить, изувечить и даже убить.

Американская империалистическая пропаганда в течение десятилетий пытается внушить американцам и показать другим народам, что Америка — страна подлинной свободы и что американцы — истинно свободные граждане. Именно это якобы призвана выражать американская статуя Свободы поднятой вверх рукой с горящим факелом...

Маяковский, как еще в начале XX века А. М. Горький, категорично утверждает, что в Америке нет подлинной свободы. Статуя Свободы — это только внешняя видимость, фасадная сторона, прикрывающая угнетение, бесправие народа. Поэт говорит: «Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез». Яркий, выразительный поэтический образ!

Эти слова поэта с исключительной силой характеризуют «свободу» в современной Америке. Они пригвозждают к позорному столбу сегодняшних вашингтонских душителей, могильщиков последних остатков гражданских буржуазных свобод и демократических прав. В США царит атмосфера массовых и повсеместных проверок, допросов и расследований. Очень правильно одна из французских газет карикатурой охарактеризовала положение в США: американская статуя Свободы нарисована... вишащей в петле Линча...

Огромное значение для современности имеет предсказание Маяковского о будущем стран, которые не откажутся от так называемой американской помощи. Заканчивая очерки описанием возвращения парохода из Америки в Гавр, во Францию, поэт говорит: «...когда мы уже прикручивались, берег усеялся оборванными калеками, мальчишками. С парохода кидали ненужные центры (считается — «счастье»), и мальчишки, давя друг друга, дорывая изодранные рубахи зубами и пальцами, вбивались в медяки. Американцы жирно посмеивались с палубы и щелками моментальными».

Какой глубокий смысл и обобщающая сила заложены в этом частном, схваченном с натуры, факте! Перед читателем встают самонадеянные американские «покровители» с их презрением к другим народам, которых они считают «нижними» и ни в какое сравнение не идущими с «высшей» американской расой.

«Эти нищие, — заключает Маяковский, — встают передо мною символом грядущей Европы, если она не бросит пресмыкаться перед американской и всякой другой деньгой».

Как будто эти слова сказаны сегодня и обращены к некоторым западно-европейским странам, попавшим под гнет американских империалистов

и согнутым под тяжестью их «помощи», т. е. американского господства во всех областях жизни.

Маяковскому присуща огромная политическая прозорливость. Он писал:

«Может статься, что Соединенные Штаты сообщи станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела...»

И, действительно, ныне Америка выступает как руководитель агрессивного, империалистического лагеря, как претендент на «мировое господство». Соединенные Штаты организовали Северо-Атлантический агрессивный блок, создают и другие военные блоки, чтобы развязать войну против Советского Союза и стран народной демократии. Для этой преступной цели строятся американские военные базы в различных странах, расположенных поближе к советским границам. Правящие круги США ремилитаризуют Западную Германию и Японию.

В стихотворении Маяковского «Явление Христа» с исключительной силой разоблачается внешняя политика США, которая на словах означает «миролюбивое», «дружеское» отношение со всеми странами, а на деле другое — безудержную подготовку к войне, стремление к тому, чтобы поработить другие народы, все прибрать к своим рукам. Это стихотворение кажется ответом на посещение европейских стран чехословацкими, датскими и прочими ставленниками американских захватчиков.

Стихи Маяковского учат нас быть бдительными, видеть за сладкими, подкрашенными речами американских дипломатов подлинные устремления американских империалистов, понимать и разоблачать их захватнические цели. Стихи зовут нас быть готовыми ответить на любой агрессивный шаг разбойничьего империализма:

Пока
Христос
отверзает уста
на фоне пальмовых веток, —
рабочий
крестьянин,
плотнее стань
на страже
свободы Советов.

Маяковский полон уверенности в том, что наступит конец американского империализма, что рабочий класс сбросит со своих плеч «капитал-препохабие», что влияние революционной массы усилится и расширится борьба с капиталистами. Эти предсказания оправдываются. В Соединенных Штатах все больше и больше растет недовольство в народных массах, усиливается борьба против гнета монополий, резко обостряются противоречия между империалистической буржуазией и рабочим классом, ширится стачечное движение. Например, в прошлом году в США было 4950 забастовок, в которых приняло участие 3,5 миллиона рабочих и служащих. Правящие круги пытаются задушить стачечную борьбу, принимается множество антирабочих законов. Но американские рабочие объединяют свою силу в борьбе против наступления монополий и добиваются успеха.

Стихи Маяковского призывают рабочий класс Америки шире развертывать революционную борьбу против империализма, за свое светлое будущее. В стихотворении «Кемп «Нит гедайге» поэт пишет:

«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов...»

Это
комсомольцы

Кемпа «Нит гедайге»

песней

заставляют

плыть в Москву Гудзон.

Гудзон, текущий в Москву, это символический образ передовых сил Америки, ведущих пролетариат по пути русского рабочего класса. В наши дни эти вещие слова поэта имеют большое значение: они зовут американский рабочий класс под руководством коммунистической партии подниматься на организованную, решительную борьбу против эксплуататоров, за свои жизненные права, за мир, за демократию.

☆☆☆

В стихах и очерках об Америке, как и во всем творчестве, Маяковский выступает как пламенный патриот своей Родины. На все происходящее в Америке он смотрит глазами советского человека, представителя страны, созидающей новый мир. К каждому факту, частному и общему, он подходит с нашей меркой и всюду социалистическая Родина, советская жизнь преподносится им как символ самого передового, лучшего на земле. Маяковский с присущей ему силой воспеваает, пропагандирует советский патриотизм.

Ознакомившись с американскими порядками, эксплуататорской сущностью общественного строя США, звериным обликом американского империализма, бедственным положением большинства народа, растленной буржуазной моралью и культурой, поэт обращается к империалистическим хозяевам Америки:

Я

полпред стиха —

и я

с моей страной

вашим штатишкам

бросаю вызов.

Если

кроха протухла,

плеснётся,

выбрось

весь

прогнивший кус.

Сплюнул я,

не доев и месяца,

вашу доблесть,

законы,

вкус.

В этих словах по существу содержится обобщение взгляда поэта на американскую действительность, жгучая ненависть к американским порядкам, прогнившему империализму, гордость поэта за свою Родину, любовь к советским людям.

В стихотворении «Кемп «Нит гедайге» Маяковский с твердой убежденностью в победе социалистического строя пишет:

Нами

через пропасть

прямо к коммунизму

перекинут мост,

длинною —

во сто лет.

Поистине гениальными являются «Стихи о советском паспорте». В них Маяковский воспел горячее чувство любви советского человека к своей Родине, раскрыл всемирно-историческое значение нашей страны. С гордостью за свою страну, за свой народ поэт восклицает:

Читайте,

завидуйте,

я —

гражданин

Советского Союза.

Мысли, высказанные в «Стихах о советском паспорте», являются обобщением, заключением Маяковского после сравнения двух противоположных миров — мира империализма и мира социализма. «Стихи о советском паспорте» — это гимн социалистической стране, советским людям, строящим коммунизм.

Отмечая 60-летие со дня рождения В. В. Маяковского, советский народ еще и еще раз обращается к замечательным стихам талантливейшего советского поэта, поэта-патриота, знаменосца нового, коммунистического строя, страстного обличителя империализма.

Маяковский своими произведениями учит нас, советских людей, еще больше ненавидеть капиталистический строй, его уродства, разоблачать захватнические устремления воротил Уолл-стрита. Стихи советского поэта зовут народы других стран бороться против агрессивных планов американо-английских монополистов, против американских поработителей. Они помогают трудовому народу современной Америки увидеть ту пропасть, к которой привел его империализм, и указывают пути борьбы против эксплуататоров.

Огромную силу и значение приобретают патриотические мотивы стихов Маяковского, прославляющих «весну человечества» — Советский Союз.

Стихи Маяковского призывают советских людей еще больше любить свою могучую Родину, отдавать все силы, всю свою энергию делу строительства коммунизма.

Они помогают трудящимся стран народной демократии идти по пути советских людей и по их образцу творить новую жизнь. Стихи Маяковского вдохновляют трудящихся капиталистических стран, которые с надеждой смотрят на великую советскую державу, оплот мира, образец новой, социалистической жизни.

Маяковский вместе с нами созидает великое здание коммунизма в нашей стране и вместе с нами борется против американо-английских поджигателей новой войны за мир, за светлое счастливое завтра.

Н. САВЕЛЬЕВ

Творец первой в мире паровой турбины

Период быстрого роста выплавки цветных металлов на Колывано-Воскресенских заводах сменился в 70-е годы XVIII века кризисом горного производства.

Удаленность заводов от рудников и от месторождений вспомогательных материалов пагубно сказывалась на развитии цветной металлургии на Алтае. Как ни богаты были руды серебром, но хищнический способ эксплуатации месторождений, осуществляющийся под руководством иноземцев — Ирмана, Леубе и других, сковывал дальнейшее развитие крепостной мануфактуры. Опора на ручной труд крепостных рабочих людей и крестьян, на гужевой транспорт в сочетании с хищнической эксплуатацией месторождений подрывала не только металлургию, горное дело и сельское хозяйство. Крестьян вынуждали на многие месяцы отрываться от личного хозяйства и отрабатывать барщину на лесозаготовках, перевозках грузов, ремонте дорог.

Опытная постройка на Барнаульском заводе первого в мире созданного И. И. Ползуновым универсального теплового двигателя хотя и показала его преимущество перед водоналивным колесом, но после внезапной смерти великого изобретателя не нашла поддержки. Ползунов мечтал строить заводы в любом, даже безводном, месте, как можно ближе к рудникам, чтобы сократить транспортные перевозки и «народную тягость». Но мечты его не осуществились. Он подорвал свое здоровье и скончался в 1766 году от скоротечной чахотки. Испытания двигателя начались неделю спустя после смерти Ползунова и прошли очень удачно. Двигатель за 14 недель работы не только оправдал все затраты на строительство, но кроме того принес 11000 рублей чистой прибыли. В том же году остановленный двигатель Ползунова 14 лет стоял без дела, пока в 1780 году не был сломан по предложению Ирмана.

Вместо того, чтобы оснащать горное производство новыми механизмами, подобными двигателю Ползунова, горное начальство усиливало эксплуатацию ручного труда. Это привело к тому, что в начале 70-х годов XVIII века Змеиногорский рудник начали затоплять грунтовые воды, откачать которые вручную не было возможности.

Жестокая эксплуатация крепостных вызвала рост недовольства в их среде и, когда в России вспыхнуло Пугачевское восстание, в бассейне верхнего течения Оби начались массовые невыходы крестьян на отработку заводской барщины. Выплавка серебра сократилась еще больше.

Падение выплавки серебра продолжалось целое десятилетие. Это было время господства иноземцев по Колывано-Воскресенских заводах.

В такую тяжелую пору в 1773 году в семье крепостного мастерового Барнаульского завода родился будущий замечательный новатор техники Поликарп Михайлович Залесов. О жизни его сохранились скудные сведения. Четырнадцать лет он начал работать «пробирным учеником» Барнаульской заводской лаборатории. Через два года Залесов был принят в «высший класс» Барнаульского Горного училища, готовящего мастеровых для рудников и заводов. На экзаменах присутствовал В. В. Петров (в дальнейшем — выдающийся русский академик, первый русский электротехник, положивший начало электроосвещению).

В Горном училище, которым руководил В. В. Петров, изучались русский язык, риторика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, химия, горное дело, рисование и латинский язык. В. В. Петров вел занятия по математике, физике и русскому языку. Наглядность обучения, упражнения в практических занятиях путем решения задач, которые приходится встречать в практике горного дела, сочинения деловых бумаг и описаний различных географических пунктов, рудников, рек и т. п., расчет машин и вычерчивание их — вот что поставил в основу своего преподавания В. В. Петров. Все расчеты и задачи он всегда основывал на теории, требуя доказательства математических теорем и физических законов.

После окончания П. М. Залесовым Горного училища в 1790 году В. В. Петров дал ему такую характеристику: «Весьма честного поведения и притом скромн, изрядных дарований и понятлив, очень прилежен и внимателен, показывает достохвалыные успехи».

В списке окончивших обучение П. М. Залесов был лучшим учеником.

Вместе с одноклассниками А. Вяткиным и М. С. Лаулиным П. М. Залесов направляется на Змеиногорский рудник. Там под руководством К. Д. Фролова началось его практическое знакомство с горными машинами. Таким образом, ранние годы работы Залесова связаны с деятельностью замечательных новаторов русской техники — В. В. Петрова и К. Д. Фролова.

В 1792 году П. М. Залесов познакомился с третьим замечательным человеком, с «машинным учеником» Ф. П. Борзовым. Борзов был назначен руководителем постройки паровой машины на Нерчинских заводах, куда послали и Залесова.

Сын мастерового Борзов еще в 1783 году построил на Кронштадтском канале «огнедействующую машину», после И. И. Ползунова он был вторым строителем нового типа двигателей.

Прибыв в Нерчинск, Ф. П. Борзов решил построить «огненную машину» для использования ее в качестве двигателя заводской воздуходувки. Вместе с Залесовым он был направлен на Петровский железоделательный завод.

Местное начальство всячески препятствовало работе Борзова и его учеников. Ему давали плохое оборудование, портили формы для отливки, считая постройку «огненной машины» ненужной.

Так и не закончив строительства машины, Борзов и его помощники вернулись в Барнаул.

С 1796 года П. М. Залесов начинает сооружать модель паровой машины на Томском заводе (недалеко от Кузнецка).

Модель, построенная Залесовым, была третьей по счету «огненной машины», созданной в Сибири. Кроме Ползунова, Борзова и Залесова — сибирских пионеров теплотехники, — можно отметить русского строителя «огненных машин» П. К. Фролова. Он завершил строительство такой машины на Гумешевском руднике (Урал) в 1799 г.

Барнаульский, Петровский, Томский заводы были первыми пунктами в России, где русские теплотехники построили «огненные машины».

Своей паровой машиной, пущенной на Томском заводе, П. М. Залесов механизировал в то же время Салаирский рудник, Павловский и Сузунский заводы. Этой работой он занимался до отъезда в Петербург (1798 год). Через год, вернувшись в Барнаул, Залесов получает звание «помощника механического мастера» и работает механиком Колывано-Воскресенских заводов.

В этот период времени П. М. Залесов не раз встречался с членами Горного совета: П. И. Шангиным — крупным исследователем Алтая и выдающимся минералогом, членом-корреспондентом Академии наук, с К. Д. Фроловым — великим русским гидротехником, с его сыном Петром Кузьмичем.

В 1801 году Залесову присвоили звание шихмейстера (горного инженера). Он стал свободным человеком в крепостной стране.

Три года спустя Залесов руководит строительством крупного сереброплавильного завода на территории Змеиногорского рудника. Идея о приближении заводов к рудникам, высказанная И. И. Ползуновым еще в 1763 году, наконец, осуществилась.

Строительство Змеиногорского завода непосредственно на территории рудника было тесно связано с проблемой транспортировки руд. После многолетней хищнической эксплуатации Змеиногорский рудник давал уже не такие богатые серебром руды, как в первой половине XVIII века. Хотя он был самым механизированным в России, но уже не мог содействовать расширению горного дела на Колывано-Воскресенских заводах.

Разработка новых рудных месторождений на р. Бухтарме и в ее бассейне (Риддерского и Зырянковского) отдаляла рудники от заводов. Самый близкий к Змеиногорскому руднику Локтевский завод не ослаблял возросший поток перевозок, так как на нем руда только обжигалась, а серебро из нее извлекалось на Барнаульском и Павловском заводах. Только с постройкой завода на Змеиногорском руднике эта операция максимально приближалась к месту, где концентрировались руды.

Вскоре от новаторов техники начали поступать предложения по изменению технологии производства и усовершенствованию транспорта. Так, в 1804 году П. К. Фролов предложил осуществить судоходство по р. Иртышу для облегчения доставки руды от устья р. Бухтармы к Змеиногорскому руднику. Проект Фролова через год был осуществлен.

В том же году С. В. Литвинов выступил с проектом распределения различных стадий плавки руды между заводами для ликвидации встречных перевозок.

Год спустя Битчев предложил усовершенствовать плавильные печи, сократив одну из трудоемких операций и объединив в одной печи обжиг руды и очистку металла от примесей.

Тогда же П. К. Фролов внес проект постройки рельсовой дороги между Змеиногорским рудником и Змеевским заводом и более грандиозный проект водно-рельсовых магистралей: Змеиногорск — Быково — Коробейниково (около 190 км.), Змеиногорск — Локтевский завод и Змеиногорск — Чарыш.

П. М. Залесов был знаком с этими изобретателями.

В конце 1806 года, став управляющим крупного горнопромышленного Салаирского района, в который входили Салаирские рудники, Томский железодельный и Гавриловский сереброплавильный заводы, П. М. Залесов выступил также с проектом механизации водоподъема Салаирского рудника. Прекрасно зная проект Ползунова, встречаясь с В. С. Чулковым, который в молодости экзаменовался Ползуновым и учился у Ломоносова, имея практику в постройке «огненных машин», Залесов решил использовать силу пара для осушения рудника.

П. М. Залесов был продолжателем творчества не только Ползунова, но и выдающегося гидротехника-механизатора К. Д. Фролова. Его проект сочетал в себе то, что внесли в механизацию горного дела И. И. Ползунов и К. Д. Фролов. П. М. Залесов предлагал создать не паровую машину обычного типа, а новый тип теплового двигателя — паровую турбину.

Паровая турбина Залесова была первой в мире.

Если Ползунов разработал конструкцию первого в мире универсального двигателя, удовлетворявшего технические требования производства того времени, то Залесов внес проект применения двигателя. Этот проект противоречил ряду условий производства, которые тогда признавались нормальными. Модели прообразов паровых турбин показали в самом начале свою быстходность. А все механизмы того времени отличались прежде всего тихоходностью. Даже в конце 20-х годов XIX века предложение С. В. Литвинова построить паровую машину, в которой поршни совершали 120 ходов в минуту, не было принято, так как это могло вызвать «поломку механизмов». Поэтому паровые турбины оставались вначале физическими приборами учебных лабораторий.

Проект П. М. Залесова, написанный 13 ноября 1806 года на Салаирском руднике, к сожалению, очень краток. Он не иллюстрирован чертежами и дает лишь самое общее представление о задуманной паро-силовой установке с турбиной. Отмечая, что каждые сутки из недр Салаирского рудника на высоту 36 сажен (77 м.) необходимо поднимать до 40000 ведер воды с помощью конных машин, Залесов указывал, что это вызывает большие расходы. Он просил «позволить мне заняться устройством паровой на место конных машин в новом роде, нежели как они до сего известны».

Речь шла о новом типе паровой машины, о новом универсальном тепловом двигателе. Зная по личному опыту, как много умения и средств требует постройка обычных паровых машин, помня об условиях, в которых он мог бы осуществить свой двигатель, Залесов писал о своей машине: «Человек посредственных сведений в состоянии будет устроить и управлять оною». Залесов подчеркивал, что препятствующие постройке паровых машин условия: низкий уровень металлообрабатывающей промышленности на Колывано-Воскресенских заводах, отсутствие кадров, способных руководить постройкой двигателя, исключая самого изобретателя, не могут служить помехой для создания паровой машины нового типа.

Почему он мог утверждать это? «Потому, что при предлагаемой мной машине котел будет деревянный с металлическою железною крышкою, чем отвлратит прогорание котла и перемены онаго, что к действию машины дедает остановку». Характерная деталь: Залесов считает прогорание котла причиной всех бед. Именно по этой причине была остановлена машина Ползунова.

Залесов сообщает далее: «Вместо цилиндров и медных приборов будет деревянное колесо в подобие водяного наливного и пар, пущенный

из котла, будет действовать ударом на перья колеса». Судя по описанию работающей части двигателя, это типичная паровая турбина.

Залесов предполагал «на первый случай сделать действующую модель. К сему нужно знающих слесарное и столярное дело до четырех человек и один чертежник, знающий математику, которые могли быть употреблены и к большой машине».

Начальник Колывано-Воскресенских заводов В. С. Чулков в своем ответе Залесову 17 ноября 1806 года разрешил строить действующую модель и предоставить подробное объяснение и смету на постройку большой машины. Он требовал также после ее опробования на Салаирском руднике прислать модель машины в Барнаул для испытаний.

В декабре 1806 года Залесов сделал на Сузунском заводе основные части модели своей турбины.

Окрыленный поддержкой Чулкова, Залесов начал подготовку деталей для машины настоящего размера еще в 1807 году. Котел и машина должны были строиться в подземной выработке. Это напоминало сооружения, осуществленные К. Д. Фроловым в Змеиногорске, но в отличие от фроловской, подземная силовая установка Залесова должна была быть паровой. Вновь Залесов выступал продолжателем дела Ползунова, который первоначально думал, что его «огненная машина» может быть установлена даже внутри горы.

Отмечая, что подводка воды для котла потребует до 130 человек на целый год, Залесов писал: «Смею уверить, что хотя устройство паровой машины одновременно и многого потребует расхода во времени и припасе, но впоследствии можно будет избавить 100 человек и 120 лошадей каждодневно от работы».

Ответ Залесову написал Бер, временно исполнявший после смерти В. С. Чулкова обязанности начальника Колывано-Воскресенских заводов. Бер запретил делать части большой машины и подводить воду к месту установки котла.

11 марта 1813 года Залесов писал уже Эллерсу, что закончил и испытал новые модели паровых цилиндрических машин. Две модели обычных паровых машин на Томском железоделательном заводе получали пар от одного котла.

Итак, строительство различных моделей паровых машин (от турбины до поршневых паровых), продолжалось Залесовым семь лет. Однако неизвестно, чтобы на Салаирском руднике или на близлежащих заводах действовала какая-либо паросиловая установка в первой половине XIX века.

Бер и Эллерс помешали творчеству П. М. Залесова. Они не дали ему построить паросиловую установку.

Необходимо отметить, что наряду с моделью паровой машины, сделанной на Томском заводе в 1796 году, Залесов построил модель паровой турбины на Салаирском руднике и оригинальную быстроходную для того времени установку в виде модели из двух паровых машин обычного типа — на Томском заводе в 1813 году. Это дает право называть П. М. Залесова первым паротехником Кузбасса.

При всей примитивности в сравнении с современными паровыми турбинами паровая турбина П. М. Залесова является первенцем паро-турбостроения промышленного назначения. Она могла бы соперничать с паровыми поршневыми машинами того времени.

То, что Залесов намерен был построить ее почти целиком из дерева, не удивительно. В 1810 году на Петровском заводе (Нерчинский округ) С. В. Литвинов строил паровую машину с деревянным котлом. Дерево

можно было легче обработать, оно было значительно дешевле металла. Помимо того, конструкция турбины в целом по проекту Залесова была посильной для изготовления в условиях крепостной мануфактуры.

Строительством моделей паровых машин Залесов занимался в свободное от работы время. Помимо основной службы ему приходилось выполнять и другие работы. Так, в период 1810—1813 г.г. он был занят «при проектированных им в Томском заводе устройствах по выделке железа и стали».

В эти годы по просьбе П. М. Залесова для изучения новых приемов сталеварения и механизации железоделательных заводов был послан на Урал В. Е. Речкунов. Залесов хотел вооружить Томский завод новейшими достижениями отечественной металлургии. Однако управляющий Кольвано-Воскресенскими заводами Эллерс, выполнив просьбу Залесова, по возвращении Речкунова в Барнаул направил его в распоряжение Иркутского губернатора для разведки новых рудных месторождений. Таким образом опыт уральских механизаторов, тщательно изученный Речкуновым, остался достоянием архива.

В 1812—1814 г.г. Залесов направляется в Салаирский край на поиски места для нового сереброплавильного завода, а затем руководит его строительством. Этот завод называли Гурьевским. Он работает и в наши дни. Его проектировал, строил и руководил производством завода до 20 августа 1819 года П. М. Залесов.

Паротехник, установивший приоритет нашей Родины в проектировании первой в мире паровой турбины, предназначенной для непосредственного использования в производстве, металлург, механизатор, гидротехник, строитель заводов, выдающийся административный работник П. М. Залесов немало потрудился для того, чтобы облегчить положение крепостных мастеровых и крестьян. Будучи продолжателем творчества И. И. Ползунова, он вписал в историю техники ряд замечательных страниц, положив начало турбостроению. Продолжая славные традиции новаторов русской техники, П. М. Залесов боролся за замену ручного обременительного труда машинами. Творчество его было самобытно и опиралось всегда на достижения отечественной промышленности.

В плеяде русских изобретателей И. И. Ползунова, К. Д. и П. К. Фроловых, С. В. Литвинова, И. П. Кулибина, П. П. Аносова и других сын барнаульского мастерового Поликарп Михайлович Залесов занимает одно из видных мест.

Ф. МАЛЬЦЕВ

Первый сборник

С живым интересом следит вся общественность Кузбасса за творческим ростом Михаила Небогатова, который, обладая незаурядным талантом, умеет в глубоко реалистической форме рассказать о разнообразных явлениях сегодняшней жизни. В сборнике «Солнечные дни»*) поэт говорит о преобразовании родного края, где всего тридцать с небольшим лет тому назад «крик зверей да песни птички будили утренний покой, — а теперь наш город встал во всем величьи в краю таежном над рекой».

Когда читаешь о том, что теперь Сталинский Кузбасс на всю страну славится «Жарким заревом домен в ночах, лесом труб в голубых небесах», то невольно стремишься поскорее увидеть тех, кто своим трудом преобразует таежные дебри.

Вот они, шахтеры и сталевары с крутыми плечами, шершавыми рабочими руками, заставляют мчаться уголь резвее реки... литься «сталь словно солнце, в ковши!..» Не отстают от них и молодой строитель новых магистралей, дворцов, городов. Первыми же строками стихотворения «Токарь» поэт как бы переносит внимание читателя со строительных площадок в цехи фабрик и заводов, где молодость ежечасно вступает в спор со временем, с устаревшими нормами выработки. Наиболее ярко выражена тема социалистического труда в стихотворениях цикла «За рекою, за горою».

Стремясь всесторонне отразить жизнь тружеников второй угольной кочегарки СССР — Кузбасса, Михаил Небогатов значительное место отводит теме горняцкого труда. Душевно и просто передает поэт новизну ощущений комсомольца Николая Петрова, впервые спустившегося в шахту («Кузбасский уголек»). Николай поражен размахом жизни подземного города, у которого свои улицы, дома, железная дорога... Невольное сравнение с метро напрашивается здесь при виде быстро мчащегося электровоза. Искренне радуется Петров огромному достижению нашей технической мысли — работе горного комбайна.

Не перегружая поэтического языка специфической терминологией, поэт в доступной форме рассказывает о работе советских горняков, во-

*) М. Небогатов. «Солнечные дни». Издательство «Кузбасс». 1952 г., 96 стр. Редактор П. Бекшанский.

оруженных первоклассной отечественной техникой, высвобождающей дополнительные людские резервы и намного облегчающей труд человека. Читатель сразу же отмечает правильность сопоставления двух художественных зарисовок из жизни старой, царской шахты и новой, советской. Если только сравнить между собой строки стихотворения «Слово старого шахтера», «А раньше... в недрах-то земли на четвереньках уголь мы таскали» со строфой поэмы «Кузбасский уголек» — «Режет мощная машина толщу каменной стены...», то станет понятным, почему «горящий труд... в большом у нас почтете».

Наряду с показом передовой техники поэт не забывает, что она, техника, требует от горняка знаний и любовного к себе отношения. В сборнике много реалистических картин, оттеняющих жизненные конфликты наших дней.

Вот, обескураженный неудачами, Николай пытается силой заставить машину «рубать» уголь. Умная машина «мстит» технически малограмотному парню. На помощь новичку приходят товарищи по работе. Каждый стремится передать ему частицу своего, годами накопленного опыта, и веришь, что, пройдя школу упорной учебы и труда, Николай постигнет тайну мастерства. Поручкой тому — сотни тысяч молодых горняков, успешно овладевших передовыми методами труда.

В далекое прошлое вместе с шахтерским обушком, салазками да коногами ушли крестьянская соха, серп, лукошко. На месте разобренных наделов бывших индивидуальных нищенских крестьянских полос раскинулись бескрайние колхозные поля. Давно уже стала явью ленинская мечта о ста тысячах тракторов. На огромных просторах, где растут хлеба, «Рожь встречается с комбайнами, в пояс кланяется им».

Герои стихов Небогатова не просто любят достижения своих товарищей, но и стремятся активнее участвовать в строительстве коммунизма.

Поэт проникновенно пишет о том, что советский народ беззаветно верит своей коммунистической партии и любит ее. Поэтому:

Как привет далекий из столицы —
Свежий номер «Правда» предо мной.
Прямо в сердце входит со страницы
Слово нашей партии родной.

Все это говорит о незыблемости социалистического строя, о животворном патриотизме советских людей, которые еще «в семнадцатом году, смотря с надеждой в солнечные дали... Слово «Мир» у мира на виду на всех знаменах наших написали». Поэт сумел найти точный глубоко осмысленный образ дум и чувств советских людей:

Мы ни на чье не заримся житье,
Мы не грозим чужим полям и хатам.
...(и) пусть запомнят там, за рубежом,
Что, пережив невзгоды и ненастье,
Мы, как зеницу ока, бережем
Свое большое нынешнее счастье.
(«Слово старого шахтера»).

И именно поэтому у нас «цветами Робсона встречают», и «песни мира слышатся везде». Гневным голосом клеймит поэт врагов человечества, которые, стремясь «жечь и убивать», пытаются «Жизнь уничтожить бомбой водородной». Подлым наймитам Уолл-стрита Небогатов противопоставляет советских шахтеров, которые в забоях трудятся, чтоб дать «тепло и свет для радости народной».

Выше мы приводили волнующие строки, которыми столь образно открывает поэт «Солнечные дни». Однако уже первые стихи цикла «Свет из Кремля» наряду с хорошими, осмысленными образами несут в себе много неточного и сырого. Вот стихотворение «Молодой агитатор». Поэт говорит о тетрадах, о стопках газет, о заботе, что «брови русые свела» склонившегося над книгой человека. На двенадцатой строке мы узнаем, что перед нами агитатор. Тема очень серьезная, но раскрывается она как-то неестественно, надуманно, многие строки этого стихотворения больше выполняют роль пейзажного этюда, чем углубляют и развивают тему. Поэт не сумел глубоко раскрыть образ агитатора.

Бледно нарисован и старый шахтер — герой стихотворения «На агитпункте». В этом стихотворении о второстепенных вещах говорится значительно больше, чем о главном.

Обеднена смысловая сторона стихотворения «Земляки, где разговор «о самом дорогом» автор передает многоточием! В стихотворении «Бригадир» мы встречаем другую крайность — о герое не сказано ни одного слова.

Жизненная бледность раскрытия идейно-художественной основы стихотворений «Зарево», «Наш Пушкин», «Мои друзья» вызывает уже серьезную тревогу.

Несмотря на то, что поэт долго работал над ранее созданным образом (см. стихотворение «Зарево»), ему не удалось глубже вскрыть и все-сторонне показать коренные изменения, происшедшие в нашем крае. Произошло это из-за небрежного отношения поэта к смысловой стороне этого стихотворения, приведшего при доделывании к значительному обеднению поэтического образа и потере полноты идейно-тематической основы стихотворения. В первом варианте повествовалось о том, как на месте непроходимых таежных дебрей советские люди создают индустриальные центры, преобразуют лицо нашей земли. От «дикого и сурового» непокорного края, через тревожный гул революционных бурь, под корень срубивших подгнивший мир, «как старый кедр», вел нас поэт к городу красивых зданий, мощных заводских корпусов, гигантских труб. Когда же стихи попадают в доработку, то заводские корпуса и трубы находят своего «хозяина» в лице «коксохима», определяется и город и т. д. и т. п. Но стих не улучшается от этого, а наоборот, он приобретает новизну критического элемента — совершенно нежелательного в данном случае.

Так, не укладываясь в старые рамки, не умея попасть в ногу с оставшимися без изменения строками, потеряв все свое «революционное» прошлое, переделанный образ города стал менее ясным.

Постараемся детально проанализировать пути творческой работы поэта, проникнуть в его лабораторию и посмотреть, как организуется стих, как используются изобразительные средства, в чем проявляются особенности поэтического дарования Небогатова.

Мы уже отметили ряд удачных поэтических зарисовок, остановились и на отдельных безликих стихотворениях. Что же делает возможным появление неполноценных стихов, неудачных образов, непривлекательных и малозвучных рифм? Прежде всего — отсутствие прочных теоретических знаний и навыков поэтического мастерства.

Как известно, образ требует предельной законченной мысли, выраженной в конкретно индивидуальной форме. Значит, структурно распадаясь на строфы, стихотворение попрежнему остается целостным, ибо каждый стих, строфа являются проводниками единого целого. Лишь только при этом условии более наглядно вырисовывается тип, лучше оттеняются от-

дельные детали, имеющие важное значение при создании фона или раскрытии характера.

Небогатов может правильно ухватить основной признак того или другого явления, легко вписать характерный штрих в общую поэтическую картину, но вот связать все это в единое целое, видимо, еще не хватает мастерства. Так, в стихотворении «Подписывая обращение» многие строки самостоятельны, но это делает их не столько образными, сколько двусмысленными, ибо большая часть их изолирована от контекста. Достаточно обратиться к строке «О новых яслях думал председатель», чтобы сразу же задуматься: о каких яслях идет речь: о детских или же о тех, которые имеются на скотном дворе? Покамест эта двойственность происходит из-за игнорирования Небогатовым смысловой стороны поэтического образа. Идя дальше по такому пути, поэт начинает неверно работать со строфами, что приводит его к парадоксальным вещам: в стихотворении «В кузнице» — «...меха, накалив железо ярко»... берут щипцы у старика, в стихотворении «Говорит Москва» по воле автора «там рыбаки, вернувшиеся с лова. Здесь лесорубы, вставшие чуть свет» (значит, они живут в совершенно различных местах), сошлись в одной избе.

В третьей части «Творчества» вместо явно выступающих шестистиший автор пользуется неизменными четырехстишиями, разрывая мысль и разобщая образ на два отдельных куска. Предоставив читателю возможность самому убедиться в правоте наших утверждений:

Всю ночь сижу, всю ночь ищу я слова.

А за окном бледнеет синева.

Я знаю, что мой путь не навека.

Но если б хоть одна моя строка,

Один хоть штрих, пускай других бледней,

Дополнили картину наших дней... и т. д.

Столь же необоснованным, на наш взгляд, нужно считать произвольное объединение двух четырехстиший в одно шестистишие от слов «Взвился же, песня, скорее» — до строки «Поможет корейцам в бою!» (стр. 78) и т. д.

Наконец, хочется отметить еще одну характерную для поэзии Небогатова черту — не все стихи написаны ровно, причем это особенно заметно в таких стихотворениях, как «Говорит Москва», где среди сильных четырехстиший, воспевающих величие нашего народа, идут явно слабые строки: «И так мы рады, будто бы они — знакомцы наши, близкие соседи», а 66—67 строки, помимо неполноценности, не имеют еще совершенно никакого отношения к излагаемой мысли, чем значительно снижают качество всего стихотворения. Частым введением картин природы М. Небогатов нередко прерывает и повествовательную линию поэтического рассказа. А ведь он умеет работать с пейзажными зарисовками!

И. В. Сталин указывал на то, что «язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе». Будучи носителем художественного образа, закрепленного и воплощенного в словах, поэтический язык также является одной из форм выражения общественного сознания. И от того, насколько точно и всесторонне будет изучено писателем то или другое явление, зависит идейно-творческое и эмоционально-образное воплощение данного события, конфликта... Живость, лаконичность и простота изложения — одно из важных требований,

пред'являемых к языку художественных произведений. Значит, писатели должны кропотливо и вдумчиво работать над языком персонажей и своей авторской речью.

Как же обстоит дело с языковыми и стилистическими особенностями сборника «Солнечные дни»?

Прежде всего мы должны отметить положительную работу Небогатова в области поэтической семантики. Поэт умело использует в качестве изобразительных средств новые эпитеты. Наряду с широко распространенными эпитетами: золотые руки, сочные травы, серебристые брызги имеются новые, очень удачные: **свежий номер «Правды» предо мной; верный мудрым ленинским заветам; он водит мирные составы с пшеницей, коксом и углем; плещет буйною пшеницею; народный строй.**

Есть и неудачные попытки создать тавтологические эпитеты — **темень черная, дальние дали** и совсем нереальное, нежизненное определение — **робкий звук, полуночная квартира, наплывшая тишина.** Что же касается сравнений, то они в большей части мало выразительны: **сердце вспыхивает как чуткий порох; снега напоминают белый бархат...** Более удачными являются те сравнения, в которых автор передает радость жизни и труда советских людей. Поэтому эмоционально и выразительно сравнение отзвука дальнего «ура» с шумом зерна, «что льется в бункера» на фоне трудового подвига колхозников.

Хуже обстоит дело с интонационно-стилистической стороной поэтического языка. Поэту не всегда удается языковыми средствами передать быстроту или медлительность движения. Не всегда оправдывает себя и метод удвоения основы слова: «из-за дальних, дальних рубежей», «погляди в эти дальние дали», который явно приводит к тавтологии. Сильно проявился талант Небогатова в имитационной сфере звукоподражания: «Задышали глухо, жарко и заохали меха» (стр. 47). «Свистнул ветер, глухо ухнул гром» (стр. 92).

Вновь зацокал молоток
Глухо грохнулся на бревна
Черный угольный кусок (стр. 34).

В каждом из этих стихов сочетание глухих согласных с шипящими создают определенную картину. Наглядно можно проследить это и на примере стихотворения «Солнце», где звонкие согласные, употребленные более семидесяти раз, создают прекрасную музыку весенних солнечных красок. Удачен и сам образ, передающий душевную радость человека:

Солнце! Всюду солнце! В миллионах глаз!
Радостно от мысли: этот свет — для нас.
Да, для нас, свободных жителей земли,
Все дары природы счастьем расцвели.

Фонетическая организация в стихотворной речи несколько обогащается за счет использования омонимов (одинаково звучащих, но разных по значению слов)

Все чаще, чаще...
...где-то в чаще (стр. 31)

и обратной формы — синонимов, которые представлены несколько шире: прости — извини и т. д.

Есть и лексические ритмические повторы:

Когда б не наши мудрые вожди,
Когда б не наше мужество и сила (стр. 37).

Не упоминавшиеся до сих пор риторические фигуры встречаются лишь в качестве патетических восклицаний, более бьющих на краси-

вость, чем на эмоциональность: Мне восторга в душе не унять!.. Любо видеть, очень любо мне! и т. д. Повышенной слащавостью отмечена вся вторая строфа стихотворения «Токарь».

Еще больше возражений вызывает неправильное трактование отдельных слов и поэтическая вольность в грамматике русского языка. Так в авторской речи (см. «В гостях у ветерана») встречается слово **участие**, неправильно характеризующее душевное состояние гостей. Необходимо отметить и неточное употребление обстоятельства места—в **уголке**. Явная погоня за рифмой заставляет поэта заменить понятие угол — уголком (то ли красным, то ли живым). Неверно употребляется и слово **подстать**.

Но как ты на песни ни щедро,
Не знаешь пока что **подстать**
Тому, кто подземные недра
Заставил послушными стать («Творчество»).

А ведь поэт уже работал с этим словом:

«Подстать ему — нарядна и жена» (стр. 25), употребляя это слово в значении сказуемого.

Досадны отдельные ошибки орфографического порядка. Персонажи **стучат на** наковальне вместо **о** или **по**: отправляются домой «**в** мотоцикле» вместо **на**. Сильно засорена прямая и косвенная речь персонажей архаизмами и фамильярно разговорными словечками: **чреда**, **уваж**, **одежа**, **коль**, **порознь**, **впрямь**, **урезонивать**, **статься**, **туд**, **знакомцы** и т. д. Видимо, поэт еще не сумел преодолеть влияния местного сибирского говора.

Трудно признать правильность чрезмерного насыщения речи местоимениями. Если исходить из того, что контекст определяет смысл слов, а они обозначают конкретные предметы и явления, то наличие более шестидесяти пяти местоимений в стихотворных текстах «Письмо на границу», «В гостях у ветерана» сами претендуют на контекст, и своей массой значительно подавляют мысль и образность стиха.

Воспевая жизнь и труд людей сталинского Кузбасса, М. Небогатов создал в целом хороший сборник стихов. Отдельные недостатки в творчестве поэта, разумеется, не могут понизить интерес читателей к его произведениям.

В. ДОРОФЕЕВ

Больше стали отличного качества

Под таким заголовком в минувшем году «Профиздатом» выпущена брошюра старшего мастера Кузнецкого металлургического комбината, лауреата Сталинской премии Михаила Моисеевича Привалова.

Автор в начале своей брошюры повествует о том, как по мудрому сталинскому плану была создана на Востоке страны вторая угольно-металлургическая база — Урало-Кузнецкий комбинат, как на месте старой деревушки Бессоново вырос город, названный именем вождя, — Сталинск. Тут же он рассказывает о своей встрече с Вячеславом Михайловичем Молотовым, побывавшим на Кузнецком комбинате в 1934 году.

В Сталинске побывали также и другие руководители партии и правительства — М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, А. А. Андреев, оказав строителям и металлургам большую помощь.

Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны сыграл большую роль в деле разгрома врага. О значении Кузбасса товарищ Маленков в своей речи на предвыборном собрании избирателей в 1946 году сказал:

«Разве не очевидно, что без Кузбасса и без промышленности Урала мы бы проиграли войну. Все это надо было заранее видеть. Сталин велик тем, что он в мирное время видел то, что всем стало ясно во время войны».

В послевоенные годы Кузнецкие металлурги помогли восстановить южные заводы и шахты, разрушенные немецкими захватчиками. В это время славные металлурги решили ряд своих важнейших задач. Доменные печи комбината они перевели на местное сырье — руды Горной Шории, заменив ими магнитогорские руды. В связи с этим комбинату пришлось изменить весь технологический процесс, так как местные руды по содержанию железа беднее магнитогорских.

Несмотря на это, в письме товарищу И. В. Сталину в начале 1948 года кузнецкие металлурги взяли на себя обязательство выполнить послевоенную пятилетку по стали и прокату в четыре года, а по чугуну — в 4,5 года. Много пришлось поработать кузнечанам, чтобы выполнить эти обязательства. Стали поступать рационализаторские предложения и

изобретения. Более пяти тысяч из них было потом внедрено. В результате действенного социалистического соревнования, организации стахановских школ и других мероприятий, пятилетний план по выпуску стали и производству проката был выполнен за три года, а по выпуску чугуна — за 3,5 года.

Главной задачей М. Привалова, как мастера, было добиться работы без брака. В 1948 году директор Кузнецкого комбината тов. Белан на слете стахановцев сказал: «...Привалов — хороший организатор. А вот работающий в том же цехе Никитин — это непревзойденный мастер высокого качества стали. У него меньше брака, больше выхода годного металла».

Эти слова заделали Привалова. Вскоре он был послан на совещание металлургов Востока, где сказал: «...Каждый сталевар выпускает некоторое количество бракованного металла. Это почему-то принято считать неизбежным злом в мартеновском производстве». На этом совещании тов. Привалов дал слово, что смена, которой он руководит, будет выпускать сталь только отличного качества, без брака, перевыполняя установленные нормы с'ема стали.

Для достижения этой задачи М. Приваловым совместно со сталеварами, мастерами и инженерами были тщательно изучены все производственно-технические условия. Условия эти были следующие: содержать агрегаты в отличном состоянии, соблюдать тепловой и технологический режимы на всех стадиях выплавки металла, все плавки выпускать только по графику или с опережением его.

Результаты не замедлили сказаться. В бригаде М. Привалова начали плавить сталь только отличного качества. Особенных успехов добился сталевар т. Ляхов, который выплавлял наиболее сложные марки сталей и за два года не выпустил ни одной тонны брака.

В 1950 году М. Привалов был вызван в Москву, где он прочел по предложению ЦК профсоюза работников металлургической промышленности и Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний лекцию «Как мы варим сталь только отличного качества».

В главе «За экономию и бережливость» автор брошюры рассказывает, как партийные, комсомольские, хозяйственные и профсоюзные организации комбината вели борьбу за экономию сырья, за снижение себестоимости продукции. Особенно широкий размах соревнование приняло после того, как московские новаторы тт. Левченко и Муханов и их последователь сталевар столичного завода «Серп и Молот» т. Гребешков выступили инициаторами борьбы за снижение себестоимости продукции на каждой операции.

В этой же главе приводятся интересные результаты экономии, достигнутые кузнецкими сталеварами. Сталевары тт. Устинов, Беляев, Орлов за 1951 год сберегли государству более 300 тысяч рублей, коллектив печи № 3 — более 800 тысяч, а сталевары этой печи Леонид Токарчук, Степан Баев и Михаил Рукин в 1950 году сэкономили 900 тысяч рублей.

М. Привалов — мастер-новатор, противник устаревших канонов. Он прекрасно понимает, что «технологическая инструкция — основной закон для производственников». Но он знает и то, что инструкции не могут не устареть, так как они составлены 2—3 года тому назад, а жизнь, производственная практика идет с каждым днем вперед: усовершенствованы конструкции печей и технология выплавки металла, агрегаты дополнительно оснащены новыми автоматическими приборами, применены более качественные и более термостойкие материалы для кладки деталей печей, значительно повысилась техническая культура сталеваров и мастеров.

В октябре 1950 года М. Привалов выступил с докладом перед учеными Института стали имени Сталина, в котором рассказал о своем опыте работы. Одновременно он здесь пытается уточнить ряд неясных в производственной практике вопросов, как-то: о влиянии марганца на качество металла, о режиме марганца, применяемом на нашем заводе, о скорости выгорания углерода и т. д.

На некоторые вопросы теоретически обоснованный ответ могла дать только практика в сочетании с теорией. Поэтому один из разделов своей брошюры М. Привалов так и озаглавил «Стахановская заявка ученым», в которой говорит: «...Задача резкого увеличения выпуска стали будет решена тем быстрее и успешнее, чем оперативнее и активнее ученые будут помогать сталеплавильщикам».

В чем же конкретно состоит эта заявка ученым? Массовое применение скоростных методов выплавки стали обычно тормозится из-за отсутствия разливочной площадки. В учебниках, и технической литературе доказывается, что пока металл полностью не остынет, изложницы со слитками нельзя передвигать. Разливщикам приходилось держать составы с изложницами на разливочных площадках без движения по 80 минут. Кузнечные сталеплавильщики проверили правильность этого положения, и после опытов, проведенных центральной лабораторией завода, оказалось, что вывоз состава с изложницами сразу после разливки металла, как правило, не отражается на его качестве. Отсюда вывод, что ученым следует решить эту важную для черной металлургии техническую проблему.

Известно, что шлаковики мартеновских печей в процессе работы заполняются большим количеством шлака. Это в конечном итоге ведет к резкому ухудшению тяги печи. Шлак из шлаковиков удаляется взрывным способом, в результате чего быстрее разрушается кладка печи. Сталеплавильщики несколько раз пытались на полном ходу печи спускать шлак, но безуспешно, так как при открытии окна шлаковика шлак быстро остывал. Необходимо ученым изобрести способ разжижения шлака.

Следующая проблема — не менее важная. Температура жидкого металла в печи до сих пор определяется устаревшим способом — на глаз. Существующие пирометры для определения температуры выпущенного металла — не совершенны. «Чтобы правильно пользоваться этим прибором, — пишет Привалов, — нужно иметь острое зрение и большую выучку. Это похоже на анекдот: не глаз контролируется прибором, а прибор контролируется глазом».

В заключительном разделе «Сталь мира» М. Привалов рассказывает о положении советских металлургов в нашей стране. В послевоенную пятилетку для металлургов Сталинска построено много красивых многоэтажных домов площадью 162 тысячи квадратных метров, два клуба, шесть школ, девять детских домов и детсадов, одна больница. Правительство высоко оценивает труд металлургов, награждая орденами и медалями за доблестный труд и за выслугу лет. За это же время Кузнечные металлурги получили 28 миллионов рублей вознаграждений за многолетний, честный труд.

Брошюра М. Привалова «Больше стали отличного качества» написана живо, общедоступным языком, читается с большим интересом.

Г. ЛИПЕНЬСКИЙ

Электродный обогрев парников

Поставленная XIX съездом партии задача увеличения производства овощей в пригородных зонах, вокруг промышленных центров и крупных городов определяет необходимость дальнейшего еще более широкого развития овощеводства в закрытом грунте.

Свежие овощи имеют исключительно большое значение в питании человека. Потребность в них особенно ощущается во второй половине зимы и весной, когда другие витаминные продукты отсутствуют. Поэтому широкое развитие парниково-тепличного хозяйства, выращивание ранних овощей и зелени в парниках и теплицах, увеличение производства овощных культур для снабжения ими трудящихся Кузбасса — задача большой важности.

В 1952 году в пригородном колхозе имени Сталина Кемеровского района инженером-электриком Х. А. Есиевым разработан и внедрен в колхозное производство новый электродный способ обогрева парников.

Об этом прогрессивном способе выращивания овощей в парниках и теплицах при помощи электричества рассказывается в брошюре Х. Есиева «Электродный обогрев парников», недавно выпущенной Кемеровским книжно-журнальным издательством «Кузбасс».

Брошюра тов. Есиева представляет большой интерес, как практическое и научно-техническое руководство по организации электродного обогрева парников.

В ясной и доходчивой форме излагается в брошюре сущность электродного нагрева почвы и физиологическое действие тока, подробно описываются вопросы устройства и электрооборудования парников и теплиц, регулирование температуры, пуска и обслуживания парников.

Значительное место в брошюре отводится вопросам экономики электродного обогрева, проектированию и организации парникового хозяйства.

Новый электродный способ резко отличается от всех существующих видов обогрева парников и в значительной мере свободен от их недостатков.

Наиболее распространенный и давно применяющийся в сельском хозяйстве обогрев парников биологическим топливом — навозом, несмотря на простоту и дешевизну, не удовлетворяет требованиям высокой агротехники, так как горение навоза и, следовательно, температура

почвы в парниках не поддаются регулированию, из-за чего растения нередко страдают от избытка или недостатка тепла.

Кроме того, во многих колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах, главным образом расположенных вокруг промышленных центров, где хозяйства масштаба 4—6 тысяч парниковых рам, уже не являются редкостью, вопрос изыскания и доставки биотоплива стоит весьма остро. Навоз, как материал для парников, становится дефицитным. Поэтому организация крупных парниковых хозяйств на навозном обогреве делается часто почти невозможной.

Существенные недостатки имеются и в пароводяном обогреве: земля вокруг труб, нагретая до 50—80°, быстро высыхает, — и теплопроводность, низкая вообще, еще более понижается, перепад температуры от труб к периферии парника увеличивается. Препятствует также распространению этого способа обогрева парников высокая стоимость капитальных затрат и эксплуатация системы металлических или керамических трубчатых нагревателей.

Принципиальное отличие электродного обогрева от всех других способов, основное его преимущество состоит в том, что в нем нагрев земли происходит не теплопередачей от источников тепла — металлических или керамических труб, создающих значительные перепады температуры и иссушающих землю, а путем равномерного выделения тепла во всей массе земли при протекании по ней тока.

«Основное достоинство такого обогрева, — говорит академик М. Г. Евреинов, — является равномерность нагрева почвы по всей ее поверхности, что с точки зрения агротехники должно иметь высокую оценку. Парники, предлагаемые инженером Есиным, очень просты по устройству и не требуют специального сложного оборудования».

Электропарники отличаются от парников обычного стандартного типа на навозном обогреве лишь меньшей глубиной котлована (из-за отсутствия в нем навоза) и наличием шлаковой отсыпки слоем в 10—15 см, по стенкам и дну котлована — для тепловой изоляции и дренажа излишней влаги. Стенки (короб) парника делаются из дерева или из шлакобетона низких марок, которые требуют незначительное количество цемента.

Основной частью почвенного обогрева являются электроды — полоски из тонкого кровельного железа шириной 6—8 см. и длиной 130—140 см, вкопанные в землю на глубину 10—15 см. на расстоянии 50—100 см. друг от друга, в зависимости от напряжения.

Для почвенного обогрева применяется пониженное напряжение в 50 вольт (как более безопасное).

Большое внимание уделяется в брошюре вопросам регулирования температуры.

Известно, что для выращивания различных растений нужны разные температурные режимы, которые меняются не только по периодам развития растений, но и в течение суток.

Холодостойкая капуста, например, требует гораздо меньше тепла, чем теплолюбивые помидоры. В период набухания и прорастания семян требуется более высокая температура, чем в последующий период появления всходов. В солнечную погоду, когда процесс усвоения кислоты протекает наиболее энергично, нужна высокая температура. Наоборот, в пасмурную погоду температуру необходимо снизить, а в ночные часы, когда процесс ассимиляции совсем прекращается, надо поддерживать более низкую температуру, чтобы задержать процесс дыхания растений и тем самым уменьшить бесполезную трату, питательных веществ.

Особенно ценным качеством электродного способа обогрева является то, что в парниках можно автоматически или вручную легко осуществ-

влять регулирование температуры почвы в любых пределах, наиболее благоприятных для каждой культуры, в зависимости от периодов развития растений и внешних условий. Эти условия во многом способствуют получению крепкой, правильно сформированной и закаленной рассады — основы высокого урожая, чего нельзя достигнуть при других способах обогрева.

Гибкое регулирование температуры в парниках и теплицах позволяет выращивать в них самые разнообразные овощные культуры, так как парники могут быть готовы к действию в любое время года.

На конкретном примере колхоза имени Сталина автор брошюры убедительно показал, какой высокий технический и экономический эффект был достигнут при выращивании овощей в электропарниках.

В колхозе было переведено на электродный обогрев 500 парниковых рам и небольшая упрощенная теплица на десять парниковых рам. Большая часть электропарников была занята под рассаду помидоров и капусты, высаженных затем в открытый грунт на площади 1,5 гектара.

Урожай ранних парниковых овощей составил: огурцов 14 кг., помидоров — 15 кг. с каждой рамы. В открытом грунте было снято: помидоров спелых 360 центнеров, огурцов—420 центнеров с гектара. Сбор спелых помидоров в открытом грунте был начат 19 июля — в необычайно ранний для Сибири срок.

«Высокий и сравнительно ранний урожай помидоров и огурцов на участках открытого грунта, — говорит звеньевая опытного участка тов. Сидорова, — мы получили потому, что нам удалось вырастить в электротеплицах раннюю и высококачественную рассаду».

Денежный доход от выращенных овощей в парниках и на участке 1,5 гектара открытого грунта составил 260 тысяч рублей. Затраты же на электрооборудование парников и теплицы, включая стоимость электроэнергии за сезон, составили всего лишь 12348 рублей. Трудоемкость работ по закладке парников сократилась почти в 6 раз.

Значительную экономию от электрообогрева парников получают и в совхозе «Садовопарковый». Совхоз имеет 6000 парниковых рам. Биотопливо в количестве 4000 тонн совхоз вынужден завозить за 10—15 километров. Поэтому большая часть парников переводится на электродный обогрев и это снижает затраты по парниковому хозяйству на 134 тысячи рублей. Затраты труда уменьшаются на 2600 человекодней.

Выращивание овощей в электропарниках и электротеплицах представляет большой интерес не только для электрифицированных колхозов и совхозов Сибири и северных районов страны, но и для районов Европейской части Союза.

Очень большие перспективы применения электрообогрева в районах действия крупных гидроэлектростанций, располагающих огромными ресурсами дешевой электроэнергии, и особенно в связи со строительством гигантских электростанций на Волге, Днестре и реках Сибири.

Учитывая важность и достоинства нового способа обогрева парников и теплиц и возможность применения его в колхозах, электрифицированных путем присоединения к мощной энергосистеме Кузбасса, Кемеровский облисполком в октябре 1952 года принял решение об организации строительства электропарников и электротеплиц упрощенного типа в колхозах и совхозах области.

Трудно переоценить значение этого нового прогрессивного способа электрообогрева, при котором обеспечивается не только получение более высоких урожаев и раннее созревание овощей и зелени, но и большой экономический эффект.

Однако следует отметить, что брошюра не лишена и некоторых существенных недостатков. Не освещен, например, заслуживающий вни-

мания вопрос о влиянии электрических токов, проходящих через корневую систему, на развитие растений и повышение их урожайности.

В брошюре, правда, приводятся данные о том, что электродный обогрев парников в колхозе имени Сталина дал повышение всхожести семян на 10—30 проц., опережение в сроках цветения и созревания на 8—12 дней, увеличение урожая на 30 проц. по сравнению с контрольными парниками на биологическом обогреве. Но все же вопрос влияния электрических токов на растения остался неизученным.

Не рассказал автор и об опыте выращивания высоких урожаев съозных культур звеньевой колхоза имени Сталина тов. Сидоровой. В брошюре упущены такие важные вопросы, как агротехника возделывания ранних овощных культур в электропарниках, система удобрений и некоторые другие вопросы агротехники.

Несмотря на указанные недостатки, брошюра эта, несомненно, представляет большую ценность.

Брошюра тов. Есиева окажет председателям колхозов, директорам совхозов, электромонтерам, бригадирам овощеводческих бригад и агрономам большую практическую помощь при организации электродного обогрева парников, поможет им успешно справиться с поставленной партией и правительством задачей увеличения производства овощей и снабжения ими трудящихся городов Кузбасса.

Книги и брошюры, выпущенные издательством „Кузбасс“ в 1952 году

В. Соколов. Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии.

Гр. авторов. За экономию электроэнергии.

С. Агеев, И. Толстихин. Работа комбайнов «Донбасс» на шахте «Полысаевская-1» треста «Ленинуголь».

Ю. Ашкинезер. Сталинская забота о шахтерах.

Н. Золотухин. Травопольные полевые и кормовые севообороты.

Б. Одуло. Опыт применения комбайна «Донбасс» на шахтах Кузбасса.

А. Овсянников. Выращивание поросят в зимних условиях.

М. Пшенко, К. Журавлев. Манипуляторы для бурильных машин и работа на них.

А. Каратаев. Круговая номограмма для подсчета депрессии горных выработок.

А. Каратаев. Новаторы угольной промышленности.

М. Пшенко. Практика скоростного проведения подготовительных выработок.

А. Ваншток. Горелые породы Кузбасса — на нужды новостроек.

А. Андрусенко. Стахановский план экономии на каждом цикле.

А. Ваншток. Сборная опалубка для бетонирования стволов.

А. Андрусенко. Экономить средства на каждом цикле.

Ф. Кабацов. Применение машины «ВТУ-1» на земляных работах в зимнее время.

Ф. Чусов, М. Шлионский. Передовые приемы работы по расформированию поездов на сортировочной горке.

М. Смирнов, К. Пиневич. Агротехника обработки почвы в колхозах Кемеровской области.

А. Козловский. Выращивание высоких урожаев кормовых культур.

Гр. авторов. Кузнечие металлургии.

П. Белов. Подарок. Стихи для детей.

Л. Воров. Новый придонный комплекс угольных шахт.

Л. Судакович. Контроль за осадкой скважин стальными трубами, приборами «КЭС-1» и «КЭС-2».

А. Ваншток. Производство штукатурных работ в зимнее время.

А. Орлов. Вредители и болезни сельскохозяйственных культур Кемеровской области.

Г. Потылицин. Пути повышения продуктивности скота.

Н. Серов. Доброкачественная зимовка пчел — залог высокого медосбора.

М. Несмашный. Пособие газозамерщику и десятнику вентиляции угольных шахт Кузбасса, ч. I и II.

Н. Амчиславский. Передовые приемы работы наждачников на зачистке поверхностных пороков прокатной стали.

А. Новицкий. Заменитель пакли при рубке стен.

Н. Серов. Зимовка пчел.

Р. Швецова. Памятка колхозного чабана

В. Калининская. Памятка телятницы.

А. Петров. Памятка колхозного конюха.

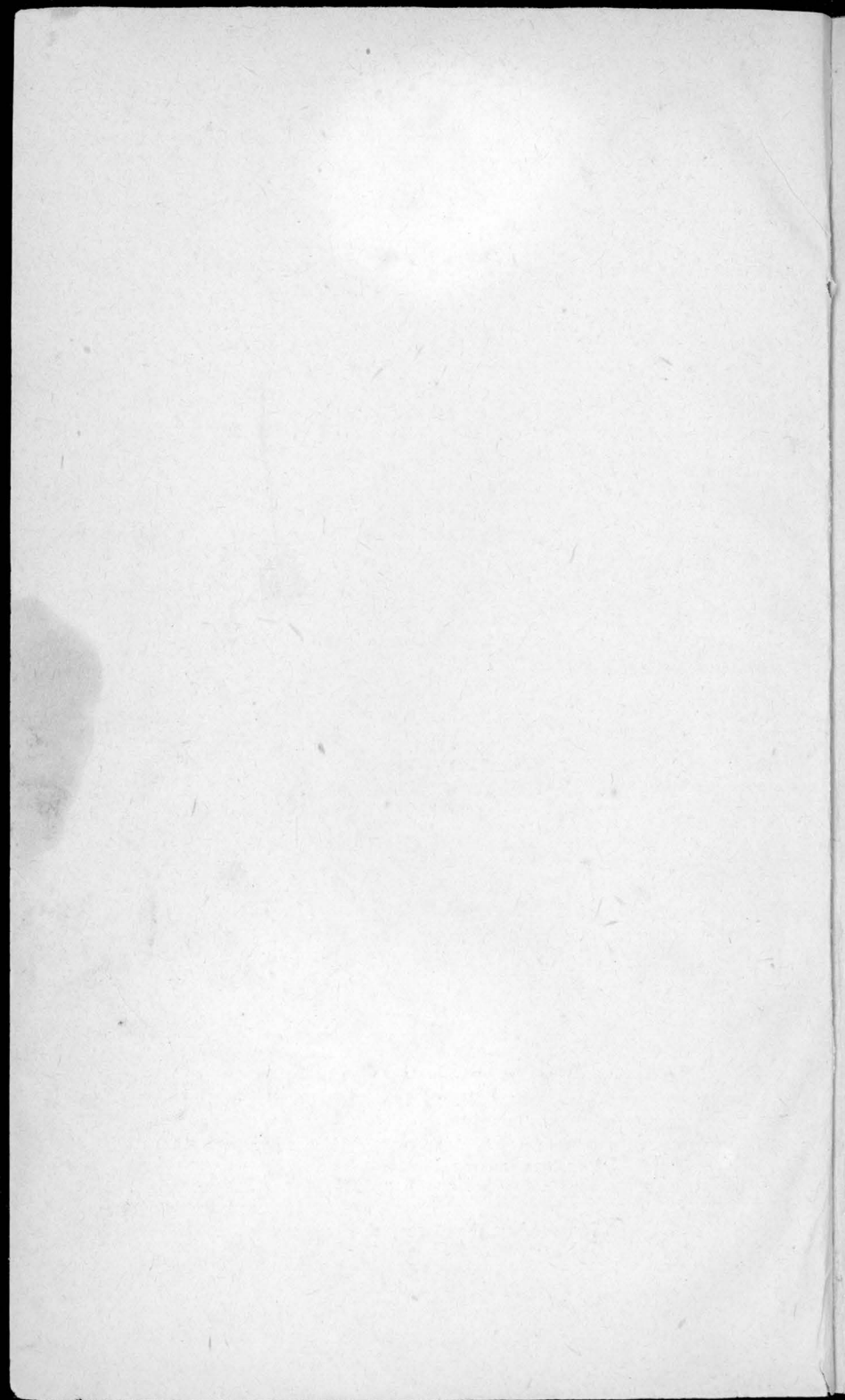
СОДЕРЖАНИЕ

ПОБЕДОНОСНОЕ ЗНАМЯ ПАРТИИ	Стр. 3
И. Лушкин. Трудные дороги. Роман. (Продолжение)	7
СТИХИ	
В. Борисов. Сплав леса.	91
М. Небогатов. На побывке.	92
В. Измайлов. Стрелочница.	95
П. Белов. Мы рисуем.	97
Ната.	98
РАССКАЗЫ	
Н. Теплов. У речки Алчедат.	99
И. Чернов. Приезжайте к нам.	114
БАСНИ	
А. Пинаев. Старый хорь.	125
Тонкая политика.	127
Кот.	128
ОЧЕРКИ	
Н. Зеленин. Рудник Шерегеш.	129
И. Балибалов. Рождение кокса.	141
И. Араличев. Новаторы. Повесть.	168
Г. Блынский. Горе Иванака.	205
ПУБЛИЦИСТИКА	
Б. Калясов. Беспощадный обличитель американского империализма	210
Н. Савельев. Творец первой в мире паровой турбины.	217
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Ф. Мальцев. Первый сборник.	223
В. Дорофеев. Больше стали отличного качества.	229
Г. Липеньский. Электродный обогрев парников.	232
Книжная полка	236

Редактор А. С. Мазюков.
Редколлегия: Ф. Е. Демин, А. В. Косарь, В. Д. Соколов,
Н. Я. Троицкий, А. И. Чарушников.

Подписано к печати 5/VIII-1953 года.	Печатн. листов 15,0
Учетн. изд. листов 14,8	
ОП00354. Тираж 15.000.	Цена 6 рублей. Заказ 2463.

Типография «Кузбасс», г. Кемерово.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач _____

~~Цена 6 руб.~~

50к